

Кэтрин Куртц Дебора Харрис Сокровища тамплиеров

Аннотация

Сэр Адам Синклер уже несколько веков возглавляет тайное братство Охотников, что ведет беспощадную борьбу с силами Тьмы. Но никогда еще перед ним не стояло более трудной задачи. Похищена Печать царя Соломона - магический артефакт, дарующий власть над демонами. И только от Адама Синклера зависит, уцелеет ли человеческая цивилизация. Сможет ли он отыскать сокровище, много веков хранимое загадочными и таинственными тамплиерами и теперь оказавшееся в руках приспешников Тьмы?

Кэтрин Куртц, Дебора Харрис Сокровища тамплиеров

*Доктору Шелле Росси,
Научившей Адама Синклера
Методам гипноза,
А также Кристине Хакет
И Сюзан Эберли
посвящается*

Пролог

Дом профессора Натана Финнса в Йоркшире был оборудован охранной системой последней модели. Ричи Logan узнал ее, поскольку компания, установившая сигнализацию, снабдила инфракрасную камеру на торце дома своим фирменным знаком. Такого рода камеры годились разве что для отпугивания случайных воров, но Logan был профессионалом и даже в предвкушении наживы умел оставаться беспристрастным. Заранее получив солидный гонорар за взлом сигнализации и сейфа, теперь он мог прикарманить все хранившиеся в доме драгоценности. Ведь человека, который нанял его, интересовал лишь некий редкий археологический артефакт.

Прошло полчаса с тех пор, как хозяева дома уехали в театр. Теперь Логан был уверен, что еще по крайней мере два-три часа ему никто не помешает, и все же не спешил, считая разумным потратить лишние минуты на объезд близлежащих улиц. Проезжая Монгейт, Ричи бросил взгляд на сидящего рядом сообщника. Кто такой меcье Жерар на самом деле, ему было неизвестно. Француз — холеный мужчина лет сорока — производил впечатление человека, подвизавшегося на ниве юриспруденции или политики и не привыкшего нанимать профессиональных грабителей. Представившись ученым, Жерар сразу дал понять, что единственная цель его приезда в Англию — античная бронзовая печать, в настоящее время принадлежащая профессору Финнсу. По словам француза, печать представляла исключительно историческую ценность. Это заявление лишь укрепило возникшее у Ричи подозрение, что перед ним один из тех фанатиков, которые пойдут на все, дабы обойти конкурирующую школу, в данном случае школу доктора Финнса — признанного философа, профессора, читающего лекции в Йоркском университете.

Ни у Натана Финнса, ни у Анри Жерара, конечно, не могло быть ничего общего с Логаном. И даже если допустить, что Жерар лжет и печать стоит больше, чем ему говорили, Ричи готов был отдать ее заказчику при условии, что стоимость остальной добычи будет не ниже обещанной. Зачем тратить драгоценное время на поиск покупателя музейных редкостей, когда существует реальная возможность легкой наживы на предметах более традиционных!

Единственной загвоздкой во всем мероприятии было то, что Жерар настаивал на своем непосредственном участии в деле. Логан предпочел бы проделать работу сам, однако француз уверял его, что только он сможет идентифицировать печать в том случае, если у Финнса имеется копия. Ричи не представлял, зачем она могла бы понадобиться профессору, но решил про себя, что ученые — люди совсем другой породы. Поскольку Жерар готов был делить с ним все опасности грабежа, взломщику приходилось мириться с неизбежностью его присутствия. Оставалось надеяться, что ученый не наделает глупостей.

Они миновали огромный, залитый светом Йоркский собор с точеными шпилями и башенками, которые четко вырисовывались на фоне звездной сентябрьской ночи, и вновь повернули к Монгейту. Проехав еще с полмили к северо-востоку от исторической части города, машина нырнула в темный лабиринт улиц одного из самых престижных жилых кварталов. В этот момент Анри Жерар выпрямился, не отдавая себе отчета в том, насколько его взволнованность бросается в глаза.

— Не напрягайтесь, — буркнул Логан. — Нам нельзя выглядеть здесь чужаками, это может привлечь внимание.

Финнсу принадлежал один из трех каменных домов, стоящих в тупике. Свернув на соседнюю улицу, «вольво» остановилась там, куда не достигал свет фонарей. Двое мужчин вышли из машины и неспешно направились вверх по тротуару. При взгляде на их консервативного покроя плащи и дорогие кожаные портфели, случайный наблюдатель решил бы, что видит парочку бизнесменов, прибывших с деловым визитом. Пройдя через узкий, заросший травой пустырь, мужчины подошли к высокой стене, окружавшей владения Финнса.

Отворив калитку, Ричи проскользнул внутрь и знаком велел Жерару следовать за ним. В кустарнике у стены они натянули черные вязаные капюшоны и тонкие хирургические перчатки, после чего направились к зимнему саду.

Скрывая возбуждение, француз наблюдал, как Логан, зажав в зубах крошечный фонарик, достал из портфеля набор специальных инструментов и принялся отключать сигнализацию. Через минуту они оказались в оранжерее. Открыть стеклянные раздвижные двери было делом нескольких мгновений. Взломщик стремительно увлек своего спутника в узкое пространство холла в нижней части дома, освещенного лишь слабым светом ночника. Метнувшись к лестнице, Жерар ощутил, что намертво схвачен за рукав.

— Не так быстро, — прошипел вор. — Вся эта дребедень из сейфа никуда не уйдет. Успокойтесь, и будем действовать по плану.

Угрюмо кивнув, Жерар пропустил напарника к лестнице. На верхней площадке горел светильник, бросавший на ступени тусклый свет. Верхний этаж был окутан тишиной, которую нарушало мрачное тиканье старинных часов у стены возле кабинета. Дверь в кабинет украшала изящная серебряная медуза великолепной работы. С ледяной усмешкой вор сунул ее в карман, после чего бесшумно шагнул в квадратную комнату, пропахшую дорогим табаком и книгами.

Слабый свет проникал с лестницы сквозь дверной проем. Напротив двери возле единственного окна располагался широкий стол. Шторы были подняты, открывая вид на темнеющий внизу сад.

— Опустите шторы, — скомандовал Logan, поворачиваясь к встроенному книжному шкафу. Включив фонарик, он скользнул лучом по четвертой полке сверху, пока не наткнулся на ряд мышиного цвета корешков многотомного комментария к Талмуду.

— Те самые книги, — шепнул он. — Посветите мне, пока я их не достану.

Двигаясь так же бесшумно, как и его партнер, Жерар поспешил подчиниться. Вскоре на столе возникла стопка книг, а на полке — широкий проем, за которым обнаружилась металлическая дверь встроенного сейфа со старомодным цифровым замком.

— Ну и ну! — воскликнул вор насмешливо. — Эта штукавина — сама по себе сказочная древность!.. Добавьте-ка света. Не успеете оглянуться, как мы уже закончим.

Повернув настольную лампу так, чтобы свет падал прямо на сейф, Logan достал из портфеля стетоскоп и, откинув капюшон, привычным движением надел наушники.

— Встаньте возле входной двери, — бросил он через плечо. — Услышите что-нибудь подозрительное — кричите.

Несмотря на то, что Жерара ужасно раздражала наглость английского медвежатника, он тем не менее сознавал необходимость принимаемых мер. Подавив приступ недовольства, француз вышел в холл. В это время взломщик старался подобрать нужную комбинацию цифр. Часы отсчитывали секунды со сводящей с ума неспешностью. Жерар уже собрался язвительно поинтересоваться, сколько еще времени потребуется «профессионалу» для вскрытия этой «древности», как из кабинета приглушенно донесся триумфальный возглас.

— Готово!

Жерар бросился внутрь и увидел, как Logan ссыпает содержимое обтянутой вельветом шкатулки в свой портфель. С видимым удовлетворением вор разбирал драгоценности. В свете лампы блеснули бриллиантовая диадема и ожерелье из изумрудов, к ним присоединились пара бриллиантовых сережек и полоска жемчуга.

Возле портфеля лежала невзрачная деревянная шкатулка размером с небольшую толстую книжку. Крышку шкатулки украшала мозаика с древнееврейскими символами.

— Она? — презрительно кивнув в ее сторону, поинтересовался Logan.

Едва сдерживая себя, Жерар схватил шкатулку и откинул крышку. Внутри на подушечке из темно-красного выцветшего вельвета лежал овальный предмет из потемневшей от времени бронзы, размером почти с ладонь взрослого мужчины, закрепленный на штифте того же темного металла. Символ на лицевой поверхности предмета представлял собой шестиконечную звезду, сложенную из двух пересекающихся треугольников, в обрамлении каббалистических знаков.

С благоговейным ужасом Жерар дотронулся до Печати дрожащим указательным пальцем. Его потрясало сознание того, что на протяжении стольких поколений Печать не покидала семьи Финнсов, и ни один из ее владельцев даже не подозревал, какое неизмеримое могущество в ней сокрыто.

— О да! — выдохнул француз, облизнув губы, как волк, почуявший добычу. — Но я должен удостовериться.

Дрожа от нетерпения, он выхватил из нагрудного кармана лупу и поднес Печать к свету. Беглый осмотр внешней поверхности священного предмета подтвердил, что оттиск сделан скорее лучом, нежели выгравирован, более чем за восемьсот лет до нашей эры. Но Жерар искал иное доказательство — свежую царапину на поверхности штифта.

Жерар поворачивал печать в свете лампы под шорох отправляющихся в портфель вора драгоценностей. У него перехватило дыхание, когда его пристальный взгляд наткнулся на то, что так искал — отметину, сделанную им лично несколько месяцев назад при попытке взять образец металла. Позднейший микрофотографический анализ стружки подтвердил древность Печати. И вот наконец-то она в его руках!

— Теперь мы можем идти, — улыбаясь, как лунатик, пробормотал француз, благоговейно помещая Печать обратно в шкатулку и закрывая крышку. — Сомнений нет, это она.

В этот самый момент вор замер, напряженно прислушиваясь.

— В чем дело? — испуганно спросил Жерар.

— Машина! Я слышал шорох шин, — пробормотал Логан.

— Это невозможно...

Ричи резким жестом оборвал его. Секундой позже они услышали, как открылись и захлопнулись дверцы автомобиля, а затем звук шагов на дорожке.

— Должно быть, спектакль оказался никудышным, — сказал вор, хлопывая портфель; направляясь к двери, он натянул капюшон. — У нас есть секунд сорок, чтобы убраться отсюда ко всем чертям!

Жерар был ошеломлен, но готов действовать. Крепко обхватив шкатулку правой рукой, он сделал неуклюжую попытку захватить левой свой портфель. Однако стянутые перчаткой пальцы не сумели удержать его, и тот с глухим стуком отлетел под стул. Глядя на то, как Жерар ползает по полу, Логан разразился сдавленными проклятиями. Снизу донесся скрежет поворачивающегося в замочной скважине ключа. Оскалившись, как питбульерьер, Логан бесшумно закрыл дверь кабинета в тот самый момент, когда другая дверь, скрипнув, открылась в вестибюле. Снизу донесся слегка приглушенный женский голос:

— Нет, в самом деле, Натан, ты не должен позволять Дэвиду спаивать тебя за ужином. Я думаю, бургундское вообще не нужно держать в доме. Ты же прекрасно знаешь, что красное вино вредно для твоего желудка!

Жерар узнал голос Рахиль Финнс. Тяжкий вздох был ответом на эти увещания.

— Да знаю я, знаю... — донеслось до незваных гостей, — просто надеялся, что хоть в этот раз... Значительно больше меня огорчает то, что я не дал тебе посмотреть второе действие.

— Не расстраивайся, дорогой, — ответила Рахиль миролюбиво. — По правде говоря, я никогда не любила Ибсена. Примешь таблетки от желудка? Где ты их держишь? В столе наверху? Посиди в гостиной, я принесу.

Услышав на лестнице мягкие шаги, Логан метнулся к лампе и повернул выключатель. Схватив Жерара за рукав, он притянул его к стене. Скрипнула фарфоровая ручка, и дверь распахнулась.

При виде распахнутого сейфа и груды книг на столе Рахиль изумленно вскрикнула. В тот же момент некто гибкий и стремительный схватил женщину за запястье и втолкнул в кабинет. Она лишь успела издать испуганный вопль, прежде чем тяжелый удар отбросил ее к противоположной стене.

Услышав шум, Натан с усилием поднялся из кресла и поспешил в холл. По лестнице стремительно спускались двое мужчин в темных костюмах и капюшонах. Оба держали в руках портфели, а тот, который был повыше, прижимал к груди маленькую деревянную шкатулку. С пронзительной ясностью Натан осознал, что это была та самая шкатулка, в которой хранилась печать, полученная в наследство от отца.

В отчаянной попытке остановить преступников он схватил трость и бросился вперед. Удар, предназначенный грабителю со шкатулкой, на дюйм не достиг цели. Прежде чем профессор успел замахнуться еще раз, Логан нанес ему оглушительный удар портфелем по виску и вырвал трость. Когда Финнс, крича от боли, инстинктивно прижал пальцы к виску, чудовищный удар по затылку опрокинул его.

Адская боль взорвала голову. Со сдавленным стоном хозяин дома повалился навзничь и

повис на перилах.

Прежде чем он сумел восстановить равновесие, грабитель ударил его еще раз, отшвырнув в сторону. Все еще цепляясь за перила, Финнс услышал звук быстро удаляющихся шагов.

Боль в голове усиливалась. Ученый приложил пальцы к виску, и они стали липкими от крови. С тяжелым стоном старик попытался подняться, но вновь рухнул на пол. Почти ничего не видя, он скорее угадал движение на лестнице и услышал, как жена отчаянно зовет его. Из последних сил цепляясь за меркнувшее сознание, он выдохнул:

— Рахиль, Печать! Они украли Печать!

Женщина упала на колени рядом с мужем.

— Натан, только не двигайся! Пожалуйста, не говори ничего! — умоляла она, пытаясь непослушными пальцами ослабить узел галстука. — Не двигайся, я позову доктора!

— Подожди! — чувствуя, что жена собирается уйти, профессор сжал ее руку. — Рахиль, послушай! Ты должна выслушать! — прохрипел он, отчаянно надеясь, что ему хватит сил договорить до конца. — То, что заключает в себе Печать... очень опасно... Ее нужно вернуть... любой ценой! Позвони Адаму Синклеру... Расскажи все, что случилось... Я должен поговорить с ним... Обещай мне, что ты сделаешь это сегодня же...

Сознание плавно ускользало. Издалека доносился голос Рахиль, отчаянный и умоляющий:

— Обещаю, Натан. Я сделаю все, что ты хочешь. Пожалуйста, не двигайся. Позволь мне позвать на помощь.

Финнс сделал еще одну попытку успокоить ее, но сознание оставило его, и он погрузился во тьму.

Глава 1

— Регрессия в прошлое посредством гипноза, — говорил сэр Адам Синклер, — является мощнейшим диагностическим средством в руках психиатра. Общеизвестно, что большая часть психических расстройств как невротического, так и психотического характера берет начало в ранних переживаниях пациента. Таким образом, практическое значение этого приема невозможно переоценить. В конце концов, — продолжал он, пристально вглядываясь в юные лица слушателей, — гипноз способен дать максимально полную информацию о личности, предоставить те подробности, которые невозможно узнать другим способом в силу естественного неизбежного забывания, присущего человеческой памяти. И что более важно, регрессия дает ключ к пониманию скрытых комплексов пациента.

Был понедельник, а следовательно, доктор Синклер читал лекцию в Королевской эдинбургской больнице. Аудиторию составляли преимущественно молодые психиатры, хотя не только они. Послушать лекции сэра Синклера пришли два работника социальной службы, пожилой профессор университета и дьяконесса, готовящаяся к рукоположению в Епископальной церкви. Последние слова доктора вызвали у слушателей бурю эмоций. Часть аудитории выражала полное согласие, другие были настроены весьма критически. Впрочем, после обеда скепсис аудитории только вдохновлял лектора.

— Доктор Синклер, — поднял руку пухлый молодой человек в очках, сидящий в первом ряду, — я вполне могу понять медицинскую необходимость возвращения человека к ранним воспоминаниям детства и юности, но, говорят, что вам приходилось восстанавливать у некоторых ваших пациентов память о прошлых инкарнациях?

В аудитории поднялся шум. Стремительный и элегантный, доктор Синклер обладал репутацией в некотором роде авантюриста от психиатрии. Если бы его слушатели могли представить глубину его знаний и опыта в этой сфере, возбуждение почти наверняка сменилось бы изумлением, недоверием и даже страхом.

Адам снисходительно улыбнулся и небрежно произнес:

— Смею вас уверить, и мой опыт это подтверждает, что регрессия такого рода

возможна.

— Э-э... простите, вы намеренно проводили эти регрессии? — растерянно пробормотал юноша.

— Да, мистер Хантли, намеренно. В конце концов я не первый психотерапевт, прибегающий к такого рода гипнозу.

— Но...

— Предлагаю рассмотреть некоторые широко известные случаи, после чего вы сможете сделать свои собственные выводы.

Адам непринужденно присел на краешек стола. Накинутый на плечи белый накрахмаленный халат открывал темно-синий, безупречного покроя костюм. В кармане для часов мягко поблескивала цепочка старинного золота. Классические черты лица, темные, уже серебрившиеся у висков волосы делали Синклера похожим скорее на киноактера, нежели на выдающегося психиатра.

— Прежде всего следует упомянуть эксперименты, проведенные в начале семидесятых Арнольдом Блоксхэмом и Джу Китонем. Блоксхэму удалось воскресить в памяти своей пациентки, Джейн Иванс, шесть предыдущих жизней. В одной из них она была еврейкой по имени Ребекка, которая погибла в 1190 году во время погрома в Йорке. «Ребекка» дала детальное описание подземной часовни, где она и ее ребенок были схвачены и убиты озверевшей толпой. Ознакомившись с «воспоминаниями» «Ребекки», профессор Йоркского университета Барри Допсон пришел к выводу, что описанная церковь чрезвычайно похожа на собор святой Марии, что в местечке Каслгейт, хотя там нет подземной часовни.

— Да, в свое время вокруг этой истории на телевидении подняли большую шумиху, — вставила одна из слушательниц. — Би-би-си даже подготовила специальную передачу, посвященную проблемам реинкарнации.

— Ой, перестаньте, — пренебрежительно бросил ее сосед. — Нельзя же относиться ко всему серьезно...

— В результате дело замяли из-за множества неясностей, — продолжила девушка, — однако полгода спустя, когда в церкви проводились реставрационные работы, рабочий случайно пробил кирпичную кладку, которая оказалась стеной ранее неизвестной комнаты. В принципе она вполне могла быть той самой часовней.

— Кажется, об этом писали в газетах, — сказал один из социальных работников. — Но, насколько я помню, эту стену восстановили прежде, чем кто-либо из археологов смог провести экспертизу.

— Проклятая бюрократия, — шутливо согласился доктор Синклер. — Будем надеяться, что однажды экспертизу все же проведут, и окажется, что «воспоминания» Джейн Иванс имеют реальную историческую основу. Не исключено, что «Ребекка» действительно владеет информацией, неизвестной современным историкам.

— Вам не доводилось слышать о психиатре из Вирджинии, который работает с воспоминаниями о прошлых инкарнациях у очень маленьких детей? — спросила девушка с первого ряда, задумчиво покусывая кончик карандаша.

— Вы имеете в виду Яна Стивенсона? Это известный ученый. Один из описанных им случаев, помнится, наделал много шума. Пятилетнего ливанского мальчика признали инкарнацией некоего Ибрагима, умершего незадолго до рождения ребенка в соседнем городе. Проведя ряд исследований, Стивенсон выяснил, что мальчик обладает необъяснимыми знаниями о личной жизни Ибрагима, и кроме того, согласно показаниям членов семьи, парнишка сохранил все привычки и манеру поведения покойного. Позднее Стивенсон опубликовал результаты своих исследований в сборнике под названием «Двадцать случаев реинкарнации».

— Что за чушь! — возмущенно воскликнул один из студентов. — Разве можно считать этого человека серьезным ученым?

— Смею вас заверить, что доктор Стивенсон не стал бы безответственно спекулировать на этом понятии, — холодно произнес Адам. — По его мнению, представленные

доказательства достаточно достоверны, чтобы заняться вопросом серьезно.

— Доказательства реинкарнации... Вот что вы ищете, когда занимаетесь так называемыми регрессиями, — грубо перебил его другой студент.

— То, что я ищу, — с саркастической улыбкой произнес лектор, — это информация, которая дает мне возможность установить точный диагноз. В бессознательном состоянии человек под видом воспоминаний о прошлых воплощениях может предоставить жизненно важную информацию о психических проблемах, которые довлеют над ним в настоящем. Мне как психиатру надлежит работать с этими «воспоминаниями». Надеюсь, никто не будет оспаривать то, что для психиатрии события, пережитые в воображении, так же реальны, как те, которые действительно имели место. И в некоторых случаях они могут оказаться даже более важными.

— Это же всего лишь физиологическая реакция расстроенных нервов! — возразил молодой человек.

— В некотором смысле вы правы, — согласился Адам. — Но кто может определить, где пролегает граница между телом, сознанием и духом?

— Как и следовало ожидать, в результате мы перешли к высоким материям, — негромко прокомментировала последние слова лектора эффектная брюнетка, сидевшая в первом ряду, и с дружеским вызовом взглянула на дьяконессу. — Ну-ка, Лорна, поведай нам, что говорит Писание о душе, духе и реинкарнации.

— Честно говоря, я не уверена, что способна дать однозначный ответ. Восточные и западные взгляды на этот вопрос совершенно не совпадают.

— Может быть, вы изложите нам обе точки зрения? — предложил доктор Синклер.

— Конечно, — ответила девушка, собираясь с мыслями.

Ее имя — Лорна Лью — говорило о том, что в дьяконессе смешалась кровь двух рас — европейской и азиатской. В облике девушки причудливо сочетались лучшие черты обеих генетических линий. Белый воротничок — символ духовного сана, — который она носила в сочетании со строгим серым костюмом, еще больше подчеркивал ее необычную внешность.

— Я бы солгала, сказав, что дискуссия оставила меня равнодушной, — с дружелюбной улыбкой начала Лорна. — Но на мой взгляд, это вопрос больше теологический, нежели научный. Рассматривая, к примеру, доктринальные положения христианства и буддизма, можно увидеть, что между этими религиозными учениями много общего. Единственное принципиальное отличие заключается в отношении к личному спасению.

Понимая, что тема действительно интересна, она продолжила тем же негромким, задумчивым голосом:

— Последователи буддизма считают, будто существующий материальный мир есть нечто иное, как иллюзия — майя. Единственный способ преодолеть ее — пройти ряд последовательных воплощений для обретения духовной зрелости. Иногда это представляют в форме круга, вырвавшись за пределы которого человек достигает просветления. Христиане, напротив, верят, что духовный и материальный аспекты бытия неразрывно связаны в силу Божественного замысла и, более того, предназначены к спасению через искупительную жертву Христа. — Девушка смущенно улыбнулась. — Честно говоря, я была бы очень благодарна тому, кто смог бы согласовать мои религиозные убеждения и концепцию реинкарнации.

На несколько мгновений в зале повисла тишина. Затем мистер Хантли резко сказал:

— Здесь не может быть никакого решения. Одна из концепций неверна.

— Если не обе, — ехидно заметил пожилой профессор. — Да, доктор Синклер, я — агностик, — продолжил он, видя, что его слова привлекли всеобщее внимание, — и охотно признаю это. Однако должен заметить, что вне зависимости от того, существует или нет какое-либо духовное измерение нашей жизни, изложенная концепция представляется мне довольно неуклюжей. Ну, скажите, например, где находятся души, которые в данный момент не используются? А если вдруг душа «просветляется» и вырывается из круга, вместо нее тотчас создается новая душа? В таком случае, кто определяет, получит младенец

«свежеиспеченную» душу или ту, которой кто-то уже попользовался? — Старик иронически развел руками. — Да, кстати, во время демографического взрыва душ может на всех не хватить! Или в такие периоды души возвращаются в оборот быстрее?

— Возможно, реинкарнация — это явление особого порядка и происходит только в особых случаях? — задумчиво произнес чей-то голос.

Адам бросил удивленный взгляд на Авриль Петерсон. Нельзя сказать, что девушка была блестящей студенткой, но вот уже в который раз оригинальность ее мышления приводила доктора в изумление.

— Поздравляю, мисс Петерсон, кажется, вы нашли самое удачное решение этого теологического парадокса. — Улыбнувшись девушке, Синклер вернулся к лекции: — Позвольте познакомить вас с каббалистическим учением, составляющим ядро иудейской мистической доктрины. Однажды мой близкий друг, крупный специалист в этой области, признался, что истинное знание, заключенное в Каббале, нельзя почерпнуть из книг. Им обладает узкий круг посвященных хранителей, которые изустно передают его из поколения в поколение. Согласно иудейскому преданию, с Каббалой познакомил человека архангел Метратрон — преображенный Энох, то есть человек, который, по Книге Бытия, «ходил с Богом» и не вкусил смерти. Впоследствии Метратрон многократно появлялся в истории в качестве «великих учителей» человечества. Одним из них был Мелхиседек — первосвященник, который, предложив Аврааму хлеб и вино, возвестил Евхаристическую Жертву. Условно говоря, — продолжал Синклер, — фигуру архангела Метратрона следует рассматривать как архетип, символ всех тех, кто был до и после него. В начале шестой главы Книги Бытия есть стих, повествующий о прелюбодеянии между «исполинами» — существами, низшими по отношению к Богу, но высшими по отношению к человеку, — и «дочерьми человеческими». Дети, рожденные от этих связей, описаны в Библии как «сильные, издревле славные люди». Если мы признаем, что эти предания, наряду с мифами и легендами, несут некую истину, которую невозможно познать эмпирически, определение сущности реинкарнации, данное мисс Петерсон, выглядит вполне обоснованным. Более того, мы можем заключить, что новому воплощению подлежит строго ограниченное число людей, избранных ангелами для сохранения и передачи сакральных знаний из поколения в поколение. Таким образом, эти личности становятся «Прометеями», носителями света Божественной Истины. Их жизненный путь сам должен быть похож на луч света, исходящий из магического источника. С физической смертью тела на какое-то время исчезает проекция этого света, но не его сущность. Затем на смену прежнему приходит новый «луч».

Аудитория слушала с увлеченным вниманием, очарованная гипнотическим голосом доктора Синклера. Даже пожилой профессор вскоре нехотя кивнул головой, выражая согласие.

— Вы основательно проработали этот вопрос, доктор, — признал он. — Однако разделяете ли вы концепцию, которую описали в таких поэтических выражениях?

— Можете считать так, — улыбнулся Адам. — Во всяком случае, мы достаточно близко подошли к разрешению теологической дилеммы, возникшей у мисс Лью. А как психотерапевт могу сказать, что вне зависимости от нашего отношения к возможности реинкарнации мы должны рассматривать каждое «воплощение» как часть личного опыта пациента.

Стук в дверь оборвал лектора на полуслове. Кто-то из медперсонала больницы просунул голову в дверной проем и сказал:

— Прошу прощения, доктор Синклер, вам срочное сообщение.

Служащий протянул Адаму сложенный листок бумаги. Внутри аккуратным почерком секретаря было написано: «Хэмфри просит вас срочно перезвонить домой».

Борясь с дурным предчувствием, Адам бросил быстрый взгляд на часы и обратился к аудитории:

— Прошу прощения, боюсь, обстоятельства вынуждают меня прервать нашу лекцию. Продолжайте дискуссию без меня. Я рассчитываю вернуться к этой теме в следующий раз.

Пятью минутами позже доктор Синклер сидел у себя в кабинете и слушал сообщение Хэмфри, дворецкого и своего личного слуги.

— Миссис Финнс сказала, что ночью сделали срочную операцию, чтобы снизить внутричерепное давление. К сожалению, состояние мистера Финнса ухудшается. Он очень хочет вас видеть. Миссис Финнс настаивала, чтобы вы приехали как можно скорее.

Странное совпадение потрясло Адама. Довольно долго ему не приходилось вспоминать о бывшем наставнике, но, повествуя о каббалистическом учении, сэр Синклер ссыался именно на него.

— Спасибо, Хэмфри, я лечу сегодня же. Ты не уточнил время ближайших рейсов на Йорк?

— В четверть пятого рейс «Британских авиалиний» на Лидс-Брэдфорд, это ближайший аэропорт к Йорку. Десять минут назад на него еще были места. Заказать вам билет?

— Закажи два. Если инспектор Маклеод свободен, я попрошу его составить мне компанию. Поскольку в дело вовлечена полиция, его присутствие может помочь избежать лишних бюрократических проволочек.

— Хорошо, сэр. Я упакую дорожную сумку и встречу вас в аэропорту.

— Отличная мысль, — пробормотал Синклер, взглянув на часы. — Мы как раз успеем к самолету. Увидимся в аэропорту.

Следующий звонок был в Йорк. В доме Финнсов не отвечали. После седьмого гудка Адам повесил трубку и набрал номер полицейского управления Эдинбурга.

— Добрый день. Это сэр Адам Синклер. Соедините меня с главным инспектором Ноэлем Маклеодом.

Адам не часто использовал свой титул, но, как обычно, желаемый результат был достигнут. Через несколько секунд в трубке раздался знакомый хриплый бас:

— Привет, Адам, чем обязан?

— Здравствуй, Ноэль. Ты сильно занят?

— Нет, если не брать в расчет обычную гору бумаг.

— Как насчет того, чтобы провести пару дней подальше от письменного стола? Боюсь только, что повод вряд ли можно назвать удачным. У тебя хорошие связи в Йорке?

В трубке раздалось потрескивание.

— В чем дело?

Адам кратко обрисовал сложившуюся ситуацию.

— Натан Финнс — мой старый наставник и близкий друг. Он читал философию в Кембридже в годы моего студенчества. С тех пор мы стали друзьями. Я хорошо знаю Натана. Принимая во внимание обстоятельства, полагаю, что дело значительно серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Твое присутствие могло бы многое упростить.

— Что ж, думаю, с работой особых проблем не будет. Даже если у кого-то возникнут возражения, у меня есть пара отгулов. Когда отправляемся?

— Хэмфри заказал два билета на четырехчасовой рейс в Лидс. Извини, что доставляю тебе столько неудобств, но это единственная возможность попасть в Йорк раньше полуночи. Натан очень плох. Боюсь, у нас мало времени.

— Обо мне не беспокойся. Где встретимся?

— Через полчаса я буду у тебя. Хэмфри возьмет билеты и встретит нас в аэропорту. По пути заедем к тебе и захватим все необходимые вещи.

— Отлично, это все упрощает, — согласился Маклеод. — Я звоню Джейн, чтобы она собрала сумку. До встречи.

Еще несколько звонков позволили перенести все запланированные дела на более поздний срок, после чего Адам набрал номер окружной больницы Йорка.

— Добрый день, говорит доктор Адам Синклер. Меня интересует состояние Натана Финнса, поступившего прошлой ночью в отделение экстренной хирургии. Очевидно, в настоящее время он находится в отделении интенсивной терапии.

Несколько секунд спустя Адама соединили с дежурным врачом отделения.

— Боюсь, доктор Синклер, что состояние профессора не оставляет надежды. Прошлой ночью он еще был в сознании, но за ночь гематома увеличилась, и нам пришлось удалить ее. К сожалению, после операции он не приходил в сознание.

— Понятно, — ответил Адам. — Простите, могу я поговорить с миссис Финнс?

— Миссис Финнс вышла. Вероятно, сын уговорил ее спуститься в кафе. Она провела в палате всю ночь и, кажется, ничего не ела. Передать, чтобы она перезвонила?

— Не стоит. Скажите миссис Финнс, что я получил ее сообщение и вылетаю в Йорк. Через несколько часов я буду в больнице. Благодарю вас, коллега.

Глава 2

Адам выехал из больницы с мрачными мыслями. Обогнув замок на холме, Шарлотсквер, и свернув к проезду Королевы, он подумал о том, что за банальным грабежом скрывается нечто большее.

Полицейское управление располагалось в северо-западной части города. Здание представляло собой многоэтажную конструкцию из стекла и металла с бесчисленным множеством антенн на крыше. Свернув на стоянку, Адам заметил черный «БМВ» Маклеода. Припарковав свой синий «ягуар» рядом, он направился к центральному входу. Один из дежурных офицеров узнал психиатра и позволил ему пройти. На ходу приветствуя знакомых, Синклер миновал десяток кабинетов с распахнутыми настежь дверями и уже из коридора услышал голос отдающего приказы инспектора:

— Благодарю вас, Уолтер.

Услышав грохот брошенной на рычаг телефонной трубки, Адам легонько постучал в дверь.

— Войдите, — рявкнул Маклеод.

Старший инспектор сидел за столом, сдвинув на лоб очки и расстегнув пуговицы на воротничке. Он пребывал в отвратительном расположении духа и меньше всего был склонен принимать посетителей. Однако при виде старого приятеля его губы сложились в некое подобие дружелюбной гримасы, а седые усы оттопырились, обнажив ряд белых зубов.

— Адам, извини, что наорал на тебя. Я решил, что это опять какой-нибудь из стажеров, вечно являющихся в самый неподходящий момент.

— Понятно. Ты освободился?

— По крайней мере на сегодня и завтра, — кивнул Ноэль. — Я связался с коллегой в Йорке, который ведет это дело. Кстати, он обещал, что в аэропорту нас встретят. Судя по всему, работали профессионалы: мастерски отключена сигнализация, вскрыт — заметь, вскрыт, а не взорван — сейф, и ни единого отпечатка пальцев! По показаниям жены профессора, бандитов было двое. Оба в хирургических перчатках и капюшонах. Полиция Йорка сейчас допрашивает возможных свидетелей и соседей, но пока никаких следов.

В это время в дверях появился Дональд Кохрейн, один из лучших помощников старшего инспектора, недавно получивший звание детектива.

— А вот и ты, Дональд, как дела?

— Порядок, сэр, — улыбнулся молодой человек. — Миссис Маклеод просила передать извинения за то, что телефон был занят. Сумка будет собрана вовремя. Еще что-нибудь?

— Вроде нет. Оставляю все дела тебе. Смотри, я на тебя рассчитываю. Не хотелось бы вернуться и обнаружить на столе груды бумаг.

— Не беспокойтесь, сэр. Все будет в полном порядке. Желаю удачи!

По дороге Синклер коротко обрисовал состояние Натана Финнса.

— Да ничего удивительного, что парни в Йорке сбились с ног. Когда дело о краже со взломом отягощается убийством, они сделают все, чтобы раскрыть его.

— Если Финнс умрет, — мрачно произнес Адам, — этим двоим придется иметь дело не только с Йоркской полицией.

Забрав вещи Маклеода, они направились в аэропорт, где Хэмфри вручил им билеты и

дорожную сумку Синклера. Сам полет прошел без неприятностей, и самолет приземлился в Лидс-Брэдфорде на две минуты раньше, чем было указано в расписании.

Неся в руках скромный багаж, Адам и Ноэль в толпе пассажиров прошли в здание аэровокзала, где их ожидал юркий, невысокого роста человек в щеголеватой тройке и темных очках. Маклеод окинул его подозрительным взглядом и вдруг широко улыбнулся.

— Здравствуй, Уолтер, не ожидал, что ты приедешь встретить нас лично.

Мужчина пожал плечами и улыбнулся в ответ.

— Почему бы нет, тем более это сэкономит время. Снаружи нас ждет машина. По дороге мы как раз успеем поговорить. Вы с багажом?

— Только с тем, что в руках, — отозвался Ноэль. — Уолтер, позволь познакомить тебя с моим другом и специальным консультантом управления полиции Эдинбурга по психиатрии, сэром Адамом Синклером. Я уже говорил по телефону, что он давний близкий друг профессора Финнса. Более того, именно его мистер Финнс хотел видеть сразу же после случившегося. Адам, это суперинтендант Уолтер Фиппс, — сказал Маклеод, обращаясь к Синклеру, — его люди сейчас занимаются делом Натана Финнса.

— Я буду благодарен за все, что вы и ваши ребята сможете сделать, — произнес Адам, пожимая руку новому знакомому.

Фиппс был на полголовы ниже Маклеода, коротко стриженные светлые волосы на висках уже тронула седина. При этом полицейский сохранил стройность и активность подростка. Он окинул Адама быстрым взглядом, и уголки его глаз дрогнули, словно увиденное произвело на суперинтенданта крайне приятное впечатление.

— Слава впереди вас летит, доктор Синклер, — дружелюбно улыбнулся Фиппс. — Раз вы друг Ноэля, зовите меня просто Уолтер. Если не ошибаюсь, пару лет назад вы принимали участия в деле так называемого Задиры из Скарборо? Помнится, именно вас Скотланд-Ярд просил составить психиатрическое заключение на обвиняемого. Все, конечно, понимают, что такого рода чудеса происходят не часто, но вдруг вам повезет и на этот раз. Боюсь, что наши возможности практически исчерпаны.

— Сделаю все, что в моих силах, — подтвердил Адам, когда все трое остановились у бордюра, поджидая машину. — Но сейчас мне бы хотелось как можно быстрее попасть в больницу. Состояние профессора крайне тяжелое. Я намерен по крайней мере попытаться поговорить с ним, пока не поздно.

— Не уверен, что у вас что-нибудь получится, — отозвался Фиппс, открывая багажник подъехавшего черного «форда». — Три четверти часа назад, когда я выезжал из Йорка, Финнс все еще находился в коме.

Фиппс занял место рядом с водителем, Адам и Ноэль разместились сзади. Лидс от Йорка отделяло двадцать три мили, за время которых суперинтендант рассказал о том, что успела раскопать полиция. Достав из кармана визитку, суперинтендант нацарапал на обратной стороне несколько цифр.

— Думаю, вы задержитесь в Йорке, — произнес он, протягивая Синклеру карточку. — Здесь мои телефоны — рабочий и домашний. Сейчас мы заскочим с Ноэлем куда-нибудь перекусить, а потом до ночи просидим в управлении. Буду рад, если вы решите остановиться у меня.

— Благодарю вас, Уолтер, но, боюсь, мне не придется спать этой ночью. Если посчастливится что-нибудь узнать, я постараюсь связаться с вами.

Оказавшись в больнице, Синклер немедленно направился в отделение интенсивной терапии. Дежурная сестра ответила на его приветствие с некоторой осторожностью, однако ее отношение мгновенно изменилось, когда он протянул визитную карточку.

Бегло просмотрев медицинскую карту Натана, Адам поблагодарил сестру, стараясь совладать с охватившим его чувством отчаяния. Подойдя к двери палаты, он услышал

высокий тенор, обращавшийся к нему из другого конца коридора:

— Сэр Синклер? Слава Создателю, вы здесь!

Голос принадлежал Питеру, старшему сыну Натана. Это был молодой мужчина чуть старше тридцати лет, одетый в безупречного покроя костюм в тонкую серую полоску. Очки в роговой оправе придавали ему вид студента. В свое время молодой человек с отличием окончил юридический факультет Оксфордского университета и сделал успешную карьеру в одном из престижных адвокатских бюро Лондона. В настоящее время за ним закрепилась репутация хорошего адвоката, и ходили слухи, что в скором времени он получит место в Королевском Совете. Однако сейчас молодой Финнс мало напоминал спокойного, уравновешенного юриста. Раздавленный горем, он выглядел совсем юным. Приблизившись к Адаму, Питер вдруг очутился в его сочувственных объятиях.

— Питер, мне очень жаль, — насколько мог мягко произнес Адам Синклер. — Я выехал сразу же, когда узнал. Как мама?

Питер вздрогнул и покачал головой.

— Измучена. Она не сомкнула глаз, пока отец оставался в операционной. Для мамы он всегда был смыслом жизни. Сознание того, что она его теряет, убивает ее. Сомневаюсь, что здесь можно чем-то помочь.

— Питер, мне очень жаль, — повторил Синклер. — Есть ли новости от брата, с ним удалось связаться?

— Да, он уже вылетел из Тель-Авива и через несколько часов будет здесь. Оркестр собирался в турне, и пришлось срочно искать замену. Можно сказать, что девчонке, которая играет партию второй флейты, очень повезло. Для нее это удача. Надеюсь, что в результате они поженятся. В любом случае Лоренс сможет остаться здесь столько... сколько потребуется.

— Я тоже, — отозвался Синклер. — Я останусь с вами, пока буду нужен. Где миссис Финнс?

— В палате, возле отца, — кивнул Питер в сторону стеклянных дверей. — С тех пор как его привезли из операционной, она еще не выходила. Пойдемте, я провожу вас.

Отделение интенсивной терапии пахло антисептиком, сверкало светлыми панелями и бесчисленным множеством приборов жизнеобеспечения. В палате, помимо профессора Финнса, находилось еще несколько пациентов в окружении родственников, между которыми бесшумно сновали медсестры. Сказанные вполголоса фразы сразу же тонули в несмолкаемом жужжании и потрескивании приборов.

Войдя в палату, Питер и Адам поймали на себе несколько заинтересованных взглядов, так как оба были по-своему привлекательны, но, в целом, было очевидно, что посетители слишком поглощены собственными заботами, чтобы обращать на что-либо внимание.

Натан Финнс лежал на дальней кровати у левой стены. Белое неподвижное тело было подключено к батарее мониторов. Лицо в маске из бинтов посерело, а кровоподтеки делали его похожим больше на лицо мумии, чем живого человека. Дыхание со свистом вырывалось из легких. Кислородная трубка из зеленоватого пластика терялась в хитросплетении других трубок и проводов. С первого взгляда было ясно, что Натану не суждено оправиться от этих травм.

Рахиль Финнс в изнеможении сидела на стуле рядом с кроватью. Склонив голову то ли в полудреме, то ли в молитве, она крепко сжимала безвольную руку мужа. Удрученно покачив головой, Питер подошел к матери и положил руку ей на плечо. Женщина вздрогнула.

— Не волнуйся, мам, — нежно обнимая ее, произнес сын. — Приехал сэр Адам.

Рахиль бросила на стоявшего позади мужчину измученный взгляд, и ее губы слегка дрогнули в улыбке.

— Адам, — едва слышно выдохнула она, — спасибо, что смогли приехать.

— Жаль, что это вызвано столь печальными обстоятельствами, — отозвался Синклер. — Не знаю, почему Натан так настойчиво хотел видеть меня, но, поскольку я здесь, надеюсь, что смогу быть хоть чем-то полезным.

Не произнося ни слова, Питер подвинул Синклеру стул, принес еще один для себя и сел напротив.

— Не могу выразить, как я рада, что вы здесь, Адам, — прошептала Рахиль, беря его ладонь свободной рукой. — Я так виновата...

— Рахиль, что вы, перестаньте...

— Натан настаивал, чтобы я позвонила вам сразу же после случившегося. Я пообещала ему, что свяжусь с вами немедленно. Затем он потерял сознание, я стала звонить в больницу, в полицию, а потом... — Женщина безнадежно махнула рукой.

— Рахиль, вы делали все возможное для спасения жизни мужа, — попытался утешить ее Синклер. — Вам не в чем упрекнуть себя. Каждый на вашем месте счел бы все остальное второстепенным.

— Да нет же! — отчаянно воскликнула женщина. — Вы не понимаете, Адам... Грабители, кто бы они ни были, украли Печать! Реликвию, передающуюся в семье Финнсов из поколения в поколение на протяжении столетий. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Печать, которую Натан называл Соломоновой? — переспросил Синклер, охваченный внезапной тревогой.

— Да-да, ту самую печать. Уверена, что муж показывал ее вам.

— Много лет назад, — кивнул Адам. — Она выглядела очень старой, хотя мне тогда и в голову не приходило, что она и есть легендарная Печать.

— Я тоже ни о чем не знала, — вздохнула Рахиль, — хотя, конечно, предполагала, что она очень стара. Последние несколько лет муж посвящал этой реликвии все свободное время. Перед тем как потерять сознание, он сказал мне: «То, что заключено в Печати, очень опасно. Ее нужно вернуть любой ценой! Позвони Адаму Синклеру и расскажи все, что случилось».

— Несомненно, — произнес Адам, вскидывая голову. — Рахиль, скажите, вы не догадываетесь, что ваш муж имел в виду, говоря об опасности, связанной с Печатью?

Женщина покачала головой.

— Как вы считаете, Рахиль, им была нужна именно Печать? — задал следующий вопрос Синклер.

— Не знаю, — снова покачала головой женщина. — Во всяком случае, они не забыли прихватить и мои драгоценности. Хотя я бы отдала им все до последнего камешка, лишь бы они не трогали моего Натана.

По щекам ее вновь потекли слезы, которые она вытирала тыльной стороной ладони. Адам извлек из кармана изящный носовой платок с монограммой и протянул ей. Всклипывая, Рахиль прижала его к щекам.

— Из рассказанного вами следует, что в последнее время Печать обрела еще большую значимость, — заключил Синклер. — Боюсь, что если мы не сумеем ее вовремя вернуть, она принесет много зла. Я приложу все усилия, чтобы выполнить желание Натана. Кстати, Рахиль, кто, помимо членов семьи и меня, знал о существовании Печати?

Женщина озадаченно посмотрела на него и обернулась к сыну. Тряхнув головой, Питер сказал:

— Боюсь, о ее существовании знает множество людей. Отец никогда не был скрытным человеком. Если же речь идет о какой-то особой информации...

— Меня интересуют последние год-два.

— В таком случае мне придется начать издалека, — вздохнул Питер. — Показывая вам Печать, отец, должно быть, сказал, что с ней связана некая семейная тайна. Ребенком я часто слышал от бабушки, что в древности Печать принадлежала царскому дому одного из колен Израилевых и обладала силой уничтожать злых духов. Мне казалось, что все это сказки, которые взрослые любят рассказывать детям на ночь.

Синклер кивнул, стараясь скрыть тревожное предчувствие, охватившее его при упоминании о злых духах.

— В любом случае, — продолжал Питер, — отец старался выяснить происхождение Печати, вероятно, воодушевленный историями, которые слышал от своего деда, когда был

мальчишкой. Все начиналось, как изысканное развлечение, но... вы представляете, как исследование захватывает ученого? Он тратил на это все свободное время. Примерно года полтора назад в этом уравнении появился, что называется, новый знаменатель. Дело в том, что умер дедушка, Бенджамин Финнс — ничего удивительного, старику было восемьдесят семь лет. Он лег спать, а утром уже не проснулся. После похорон отец отправился в Перт, чтобы разобрать вещи, оставшиеся в старом доме. Разгребая чердак, он наткнулся на сундук со старинными фамильными бумагами. Среди них обнаружился древний, сильно поврежденный пергамент. Он пожелтел от времени и почти не поддавался прочтению. Отцу удалось лишь определить, что документ составлен на латыни и, как ему показалось, каким-то образом связан с Печатью.

— Печатью Соломона? — уточнил Синклер.

— Так считал отец. Этого предположения оказалось достаточно, чтобы он бросил все и отправился в университет святого Андрея. Кто-то с кафедры средневековой истории сумел расшифровать пергамент. Документ оказался налоговым обязательством от 1381 года. Некий Джеймс Грэми заложил Рубену Финнсу из Перта бронзовую печать.

Питер выжидающе посмотрел на Адама, но тот только покачал головой.

— Я ничего не знал об этом. Полагаю, сумма залога была немалой?

— По тем временам она была просто огромной, поэтому отец решил выяснить, кем был этот Джеймс Грэми и почему Печать стоила таких денег нашему предку.

— Ему удалось?

— Точно не известно, — ответил молодой человек, — в это время он начал искать следы Печати не только в Британии, но и в Европе. Думаю, у него были помощники, вряд ли бы отец сумел самостоятельно разобрать весь документальный материал. Я прав, мама?

— Их было, наверное, несколько десятков, — подтвердила она. — Муж любил привлекать к своей работе студентов.

— Пожалуй, я могу это удостоверить, — улыбнулся Синклер. — Рахиль, вы сумели бы составить список всех, кто принимал непосредственное участие в работе?

— Боже мой, неужели вы думаете...

— Пока рано делать выводы, — перебил ее Адам, — на мой взгляд, следовало бы начать с тех, кто знает о существовании Печати. Питер, ты поможешь миссис Финнс в этом деле?

— Не уверен, что от меня будет много пользы, — смущенно ответил Питер, — но мне кажется, что нам могли бы помочь личные заметки отца.

— Конечно, — сказала Рахиль, и ее лицо посветлело. — По счастью, воры не тронули письменный стол.

Она хотела что-то добавить, однако в этот момент человек на кровати шевельнулся и тяжело вздохнул.

Глава 3

Все трое встревоженно обступили кровать больного. Натан шевельнулся снова и, с трудом приоткрыв глаза, обвел собравшихся невидящим взглядом.

— Рахиль?

Подавив рыдания, женщина нагнулась и крепче сжала руку мужа.

— Я здесь, Натан. И Питер тоже... Ларри скоро будет... И Адам приехал... Адам Синклер. Ты просил позвонить ему.

Слабая улыбка тронула посиневшие губы Натана.

— Все здесь... Это хорошо... Приятно, когда мальчики приезжают домой на каникулы...

Рахиль бросила обеспокоенный взгляд на Адама.

— Боюсь, я ожидал этого, — пробормотал он. — Травмы головы часто сопровождаются бредом.

— Его можно привести в сознание? — спросил Питер. — Отец очень хотел поговорить с вами.

— Можно попробовать гипноз, — осторожно произнес Синклер. — Во всяком случае, он будет чувствовать себя в безопасности.

— Думаете, поможет? Хирург сказал, что у него частично поврежден мозг.

— Питер, ты веришь в бессмертие души?

— Да, конечно... — смущенно пробормотал тот.

— Тогда доверься мне. Память принадлежит сфере духа, а не брэнной плоти.

Человек на кровати тяжело вздохнул.

— Надеюсь, этот грипп скоро пройдет, — прошептал он, беспокойно повернув голову. — Я обещал мальчикам поехать с ними в Перт...

— Он говорит о событиях двадцатилетней давности. — Взгляд Рахиль выражал почти физическое страдание. — Ты помнишь, сынок?

Питер молча кивнул.

— Натан сейчас в прошлом, в счастливых воспоминаниях. — Голос женщины сорвался, — Есть ли у нас право возвращать его в настоящее, к боли и ожиданию смерти?

— Безусловно, я подчинюсь вашему решению, Рахиль. Но, учитывая, как настойчиво ваш муж просил меня приехать, стоило бы рискнуть. Обещаю, что мои действия не причинят ему вреда, ни в физическом плане, ни тем более в духовном. Возможно, мне даже удастся немного облегчить его страдания.

На мгновение повисла тишина, которая нарушалась лишь прерывистым бормотанием Натана. Затем Рахиль глубоко вздохнула и расправила плечи.

— Простите, Адам, — произнесла она с видом человека, принявшего решение. — Наверное, он тоже хотел бы этого. Делайте, что считаете нужным. Натан всегда высоко ценил вас. С моей стороны было бы предательством поступить против его воли. Мы доверяли друг другу всю жизнь.

— Спасибо, Рахиль, — с нежной улыбкой Адам взял ее за руку. — Я понимаю, что это решение далось вам нелегко. Оставьте меня с ним на некоторое время наедине. Сейчас мне необходимо максимально сосредоточиться.

— Думаю, маме не помешает глоток свежего воздуха, — произнес Питер, поднимаясь со стула и беря мать за руку, — да и я не прочь... Мы спустимся перекусить. Принести вам что-нибудь, Адам? Кофе или, может быть, чай?

Адам покачал головой.

— Не сейчас, спасибо. Дайте мне минут двадцать-тридцать, хорошо?

— Конечно.

Адам проводил удалявшуюся пару долгим, полным сочувствия взглядом. Затем, чтобы защитить себя от случайных наблюдателей, как бы ненароком задернул штору, отделяющую кровать Натана от остальной части палаты, и придвинулся ближе к изголовью. Понимая, что времени очень мало, Синклер склонился над другом, все еще блуждающим в лабиринте воспоминаний.

Пощупав пульс и бросив взгляд на мерцающие мониторы, Адам достал из внутреннего кармана костюма электрический фонарик размером с карандаш. Он рассчитывал, что направленный луч света быстрее введет Натана в транс, чем обычный фокус с карманными часами, и одновременно привлечет меньше внимания.

Мягко повернув лицо друга к себе, Адам направил луч в один зрачок, затем в другой.

— Натан, — тихонько позвал он, — это Адам Синклер. Слушай меня, Натан, смотри на меня...

Постепенно ритмичный свет и звук голоса сфокусировали блуждающий взгляд профессора.

— Адам... Это ты, Адам? — пробормотал он, пытаясь улыбнуться. — Как приятно видеть тебя... Однако ты седеешь... Вот до чего доводит человека медицина... Чем я могу помочь тебе?

— Нет, друг мой, это я пришел помочь тебе. — Голос Синклера постепенно становился тише. — Сейчас ты должен расслабиться... Попробай следить за лучом. Видишь его?... Хорошо... Расслабься... Следи за лучом и слушай меня... Ты плывешь по спокойной реке... Очень спокойной... Хорошо, Натан... Скажи, как ты себя чувствуешь...

Бледные губы лежащего дрогнули, глаза, ловящие ускользающий свет, медленно закрылись.

— Неважно... Голова просто раскалывается... Наверное, подхватил грипп...

— Это не грипп, Натан, — тихонько произнес Синклер. — Сейчас тебе станет легче... Представь, что боль в твоей голове — это шляпа... Очень тугая шляпа... Ты снимаешь шляпу, и боль уходит... Ты плывешь по спокойной реке... Ты погружаешься в тишину и покой... Забудь все проблемы, вокруг только покой... Сними шляпу, Натан...

Он подождал немного, наблюдая за напряженным лицом друга. Мгновение спустя дрожащие веки опустились, и гримаса боли стала медленно разглаживаться.

— Хорошо, Натан, — сказал Синклер, выключая фонарик и пряча его в карман. — Боль ушла. Ты чувствуешь только покой. Ты медленно плывешь...

— Да... плыву...

— Очень хорошо. — Голос Синклера был теперь едва слышнее шепота. — Натан, я хочу, чтобы ты представил себе печать. Бронзовую печать со звездой Соломона. Видишь ее?

— Да.

— Я знал, что ты справишься. Натан, ты хотел рассказать мне о ней то, чего сейчас не помнишь. Через минуту я начну считать от пяти до одного. Когда я скажу один, ты почувствуешь легкий удар по запястью. В этот момент ты вспомнишь то, что должен передать мне. Готов? Пять... четыре... три... два... один.

Не отрывая глаз от лица друга, Адам слегка постучал его по правой руке, чуть ниже большого пальца.

Некоторое время ничего не происходило, потом глаза Натана широко распахнулись, и все тело напряглось, как струна.

— Сокровища Храма! — хрипло выдохнул он. — Печать хранит секрет! Адам, ее нужно вернуть, ты слышишь меня? Печать нужно вернуть!

Сжав его запястье одной рукой и успокаивающе поглаживая лоб другой, Синклер прошептал:

— Я слышу тебя, Натан, но пока не понимаю. Что хранит Печать? Какой секрет? Какие сокровища? Какой Храм?

— Сокровища царя Соломона. Из Иерусалимского Храма. Печать пришла оттуда... частица священной веры. Великая мощь и великая угроза... Царское наследие Дома Давида...

Лицо Адама выражало полное спокойствие, но мозг лихорадочно работал. Как могло случиться, что Соломонова печать, утерянная столетия назад, оказалась в семье Финнсов? Легенды приписывали Соломону способность повелевать злыми духами. Возможно, Печать играла не последнюю роль в его могуществе. В таком случае в мире найдется достаточно людей, которые ради нее пойдут на все, даже на убийство.

— Натан, тебе известно предназначение Печати?

— Она... — старик отчаянно встрепелся, — она хранит мир от величайшего зла. Но это... только часть тайны. Думаю... Рыцари знали... Рыцари Храма знали...

— Рыцари Храма? — переспросил Адам. — Ты имеешь в виду... тамплиеры?

Финнс слабо кивнул.

— Я предполагаю... Печать заложили... моему предку... в 1381 году... Его звали... Грэми из Тэмпльгранджа¹.

Слово храм часто встречалось в названиях местечек в Шотландии. Адам знал, что все они в прошлом были связаны с Орденом тамплиеров. Рыцари Иерусалимского Храма фигурировали и в истории семьи самого Синклера. Руины родового замка Темпльмор на

¹ От англ. Templegrange — храмовое хозяйство.

холме тоже когда-то были одним из сторожевых постов Ордена.

— Так ты считаешь, что храмовники охраняли эту тайну?

— Похоже на то... Много доказательств... — Дыхание Натана стало прерывистым. — Я почти раскрыл ее... Попробуй... Данди...¹ Возможно, там... найдутся ответы на все вопросы...

Голос оборвался. По экранам мониторов побежали тревожные сигналы. Чувствуя, что конец близок, Натан приподнялся на подушках и прохрипел отчаянно:

— Верни Печать! Останови их... Зло, которое она может освободить... Адам, ты должен остановить их! Пожалуйста, Адам, во имя всего святого...

— Я понял, Натан, — спокойно и властно произнес Адам, с нежностью укладывая его на подушки. — Ты рассказал достаточно. Что должно быть сделано, будет сделано. Забудь об этом. Тебя это больше не касается.

Легкими массирующими движениями вокруг бровей Синклер постепенно успокоил друга. Показания приборов стабилизировались, но пульс бился редко. Натан слабел с каждой минутой. Сейчас нужно было попытаться облегчить другу последние мгновения жизни.

— Все в порядке, Натан, — тихонько продолжил он, когда их окружили сестры и терапевты отделения. Адам остановил их взглядом. — Прогони все мысли о Печати. Прогони все мысли о страдании. Сейчас ты медленно плывешь по реке времени. Нежный поток уносит тебя. Где-то в прошлом тебя ждет тихая гавань. Любовь, мир и покой принимают тебя. Когда решишь, что время пришло, скажи «пора». И оставайся в спокойном безмолвии, пока пред тобой не распахнутся двери в Свет...

— Свет, — едва заметно шевельнулись губы друга.

— Да, Натан, — чуть слышно отозвался Синклер, потрясенный, что получил ответ.

Неожиданно он обрел уверенность, что может оказать старому другу последнюю услугу, которая будет значить для него больше, чем что бы то ни было на свете.

— Пред тобой открывается Свет. Слушай и повторяй за мной. Это очень важно. Если не можешь произнести слова, дай им звучать в твоём сердце. Shema Israel.

Веки умирающего дрогнули, и пальцы слегка сжали ладонь Адама.

— Shema... Israel ...

— Adonai Elohenu.

— Adonai... Elohenu...

— Adonai Echad.

— Adonai... Echad...

Несколько минут спустя Натан Финнс вновь провалился в кому. С течением времени показатели жизненных процессов на экранах мониторов становились все менее выраженными. Никто уже не надеялся, что он переживет эту ночь.

Приехал Лоренс, бледный и встревоженный. Из аэропорта его привезли суперинтендант и Маклеод, который остался в госпитале дожидаться Адама. Натан умер около полуночи в окружении жены, сыновей и друга. Как рыцарь у алтаря, сэр Синклер не отходил от постели умирающего, лишь тактично склонил голову, когда плачущий Лоренс достал из кармана маленький молитвенник и начал читать по-иудейски, постепенно переходя на английский.

— Shema Israel, Adonai Elohenu, Adonai Echad. Слушай Израиль, Господа Бога нашего. Господь есть Бог, Господь Един. Иди, когда Господь посылает тебя. Иди, и Господь пребудет с тобою. Господь будет с ним, и он вознесется...

Лоренс дважды начинал молитву, и каждый раз его голос срывался. Адам подошел и обнял юношу за плечи, стараясь облегчить его горе. Осторожно взяв молитвенник из рук младшего брата, Питер нараспев продолжил:

— Господь да благословит тебя и охранит тебя. Снизойдет на тебя милость Господня. Да примет тебя Господь в Царствие Свое и дарует тебе мир. По правую руку твою Михаил, по левую Габриэль...

При перечислении ангелических имен Адам поднял голову. В традиции его религии

¹ Город на восточном побережье Шотландии.

тоже было принято призывать четырех архангелов, хотя порядок был иным.

— Впереди тебя Уриэль, и Рафаэль позади тебя. Над главою твоею пребывает Господь, — читал Питер. — Ангел Господень с боящимися Его, и Он избавит их. Не убоись и не унывай, ибо Господь Бог твой с тобою на всех путях твоих...

По окончании церемонии Адам быстро переговорил с дежурным терапевтом, который проскользнул в палату во время чтения молитвы и сейчас с безнадежностью смотрел на угасающие мониторы. На несколько минут оставив семью наедине с горем, коллеги вышли в коридор, где в ожидании бродил старший инспектор.

— Все кончено? — скорее констатировал Маклеод, глядя на Синклера, обычно элегантного, а сейчас растрепанного, в расстегнутом пиджаке и с развязанным галстуком.

Адам угрюмо кивнул.

— Трудно было бы желать более легкой смерти, учитывая обстоятельства. Но это так преждевременно. У него впереди было еще лет двадцать, он успел бы увидеть подрастающих внуков, закончить исследование...

— Погоди, мы еще найдем тех, кто за это в ответе, — пробасил Ноэль. — Удалось узнать что-нибудь о пропавшей печати?

Адам настороженно покосился в сторону дверей палаты.

— Удалось. Похоже, что беспокойство Натана имело веские основания.

С каждым шагом, уводящим друзей в глубь коридора, где никто не мог их услышать, лицо Синклера мрачнело.

— Боюсь, Натан не понимал до конца, с чем имеет дело. Жаль, что я не узнал об этом раньше. Он привык считать, что Печать хранит сокровище или секрет, каким-то образом связанный с царем Соломоном и Иерусалимским Храмом. Однако меня не оставляет ощущение, что Печать сдерживает нечто — в Иерусалиме или где-то совсем рядом, — обладающее огромной злой силой. Нечто такое, что страшно даже предположить. И это каким-то образом связано с тамплиерами. Возможно, когда-то они были хранителями Печати. Питер сказал, что, разбирая семейные бумаги, Натан однажды наткнулся на манускрипт конца четырнадцатого века. Согласно этому документу, Печать заложил некий Джеймс Грэми, предположительно, известный в истории Грэми из Тэмпльгранджа.

— Звучит, как название тамплиерского поместья, — согласился Маклеод, — но не поздновато ли для рыцарей?

— Да, как минимум на два столетия. Однако не забывай, что папский декрет, запрещающий деятельность Ордена, так и не был обнародован в Шотландии. Даже в Англии прошли месяцы, прежде чем власти решились огласить его. Этот Грэми в принципе мог быть тамплиером или одним из потомков. Название поместья прямо указывает на связь, так же как мой Темпльмор.

— Но зачем Соломонова Печать храмовникам? — продолжал размышлять Ноэль.

— Возможно, они привезли ее с собой, когда кустодия переместилась из Иерусалима в Париж, — неуверенно сказал Синклер. — Не могу утверждать наверняка, что мы имеем дело с Печатью царя Соломона... Натан упомянул про Данди... Не представляю, как они связаны... Никогда не думал, что у Ордена были такие обширные владения в этом регионе. Правда, раньше меня этот вопрос интересовал мало... Безусловно, я хорошо знаю историю Темпльмора. Неподалеку от замка, на холме возле моста, сохранились руины главного владения Ордена в Шотландии, хотя сейчас от них мало что осталось...

Из палаты вышел потрясенный Питер, и Синклер умолк.

— Вот вы где... Как хорошо, что я застал вас, — обратился он к Адаму. — Инспектор Маклеод? Спасибо, что нашли возможность приехать, — добавил молодой человек, пожимая протянутую руку.

— Надеюсь быть полезным, — с готовностью отозвался Ноэль. — Я глубоко сочувствую вам, мистер Финнс. Жаль, что мы не были знакомы с вашим отцом. Адам всегда тепло о нем отзывался.

— Вы очень добры ко мне, — пробормотал Питер, едва сдерживая подступавшие

слезы. Глубоко вздохнув, он обратился к Синклеру: — Адам, я буду чрезвычайно признателен, если вы с инспектором согласитесь остановиться у нас. Боюсь, вам придется разделить комнату, но я буду чувствовать себя спокойнее, зная, что вы рядом. Меня тревожит мама. Трудно представить, что с ней начнет твориться, когда пройдет первое потрясение.

Адам переглянулся с Маклеодом, и тот угрюмо кивнул.

— Как решишь, Адам. Нас приглашал Уолтер, но, думаю, миссис Финнс ты нужен больше.

— Ты уверен, что это не стеснит вас? — обратился к Питеру Синклер. — У вас будет много дел в ближайшие дни. Мне не хотелось бы мешать...

— Как вы можете помешать, Адам! — воскликнул Питер и добавил: — В такие моменты всегда чувствуешь себя совершенно беспомощным.

Глава 4

На следующее утро, в начале одиннадцатого, Адам приступил к разбору бумаг профессора Финнса. Рахиль еще спала, отчасти благодаря снотворному, которое Синклер уговорил ее принять накануне вечером. Лоренс взял на себя ответственность по организации похорон, планировавшихся на следующее утро. Когда телефон начал уже раскаляться от бесчисленных звонков соболезнующих, Питер проводил сэра Синклера и Маклеода в кабинет отца.

— В этих ящиках находится картотека, — сказал Питер, с тяжелым стуком опуская их на стол. — И три... нет, четыре записные книжки.

Записи в книжках были сделаны шариковой ручкой, поэтому страницы слегка деформировались и отставали от серого, «под мрамор», переплета.

— Вот еще что-то, — пробормотал Питер, вынимая стопку папок и конвертов, — где-то здесь должны быть... да, вот они... фотографии Печати. Несколько лет назад, когда я был в колледже, отец прислал мне одну, и я приколот ее на стену. Естественно, мне и в голову не приходило, что она такая древняя. Впрочем, отец и сам об этом не догадывался.

Адам посмотрел на фотографию и передал ее Маклеоду. Затем протянул руку и взял одну из записных книжек.

— Похоже, что заметки на английском, — быстро пролистав ее, заключил Синклер. — Я опасался, что он использовал собственный шифр.

— Боюсь, нас ждет кое-что похуже шифра, — сказал Питер, доставая из другого ящика «ноутбук». — Отец купил его пару лет назад. Готов поспорить, что вся последняя информация находится здесь.

— Позвольте мне, — попросил Ноэль, водружая на нос свои «авиаторские» очки.

Пристроив компьютер на свободном уголке стола, инспектор откинул крышку и включил питание. Загрузив машину серией стандартных команд, он оказался в директории, содержащей папки Britmus, Dundee, Resasst и Tmplgrng. Однако для дальнейшего доступа требовался пароль.

— Думаю, вы не знаете пароль к этим файлам, — заключил Ноэль, безуспешно попытавшись открыть их словами SEAL¹ и SOLOMON.

Питер отрицательно качнул головой.

— Возможно, знает мама, хотя сомневаюсь.

— К сожалению, мои компьютерные навыки не позволяют взламывать защищенные файлы, — с грустью констатировал Адам. — Нам потребуется помощь профессионала. Ты не будешь возражать, если мы заберем компьютер с собой, Питер?

— Конечно, нет, если это поможет делу, — ответил молодой человек. — Боже мой! — вдруг воскликнул он. — Впору сойти с ума, если подумать, насколько важная информация может находиться в этом компьютере. — Питер бросил взгляд на заваленный бумагами стол. — Как вы считаете, от них будет хоть какая-то польза?

¹ Seal (англ.) — печать.

— Посмотрим, — ответил Адам, в то время как Маклеод выключал ноутбук. — Ты пока сходи к матери и узнай, не нужно ли помочь Лоренсу.

— Намек понят, — смущенно сказал Питер. — Оставляю вас наедине. Если что-нибудь потребуется, дайте знать.

После того как молодой человек вышел, плотно прикрыв за собой дверь, Синклер приступил к изучению оставшихся записных книжек. Ноэль уже переключился на картотеку и в настоящий момент заканчивал первый ящик.

— Как успехи? — поинтересовался Адам.

— Трудно сказать, — Маклеод покачал головой, — я плохо разбираюсь в этом. Здесь, похоже, целая библиотека: статьи, рукописи, различные документы. Преимущественно по библейской археологии, хотя есть также о тамплиерах и крестовых походах. Много ссылок на книги из европейских библиотек. Ого, — неожиданно добавил он, вынимая карточку и поворачивая ее к свету. — Посмотри-ка сюда. Видишь буквы в правом нижнем углу? Похоже на инициалы. Их мог поставить тот, кто делал ссылки.

— Интересное предположение. Проверь, может быть, карточки сложены блоками.

— Их здесь около дюжины, — пробурчал Маклеод, вернув карточку на место. — Напечатаны на разных машинках и в разное время. Некоторые сильно истерты. Может быть, сделать список инициалов?

— Хорошая идея. Вдруг какие-то совпадут с именами, значащимися в записных книжках. — Адам склонился над верхним ящиком стола, в котором в беспорядке были свалены груды конвертов и индексных карточек. Через некоторое время в нем обнаружилась адресная книга. Быстро пролистав ее в надежде, что взгляд наткнется на необходимую информацию, Синклер протянул книжку Ноэлю.

— Посмотри, что с этим можно сделать, — бросил он через плечо, беря три оставшиеся. — Если удастся закончить в ближайшие три часа, то за ленчем я попрошу Питера просмотреть список.

Маклеод достал карандаш и придвинул блокнот ближе. Синклер, захватив стопку книжек, подошел к окну и сел в кресло, настраиваясь на длительную и, возможно, бесплодную работу. Быстро просмотрев их, он обнаружил, что в последней записей почти не было. Немногие заметки относились к истории печатей, аналогичных той, которой до недавнего времени владел Натан. Очевидно, подтверждение древности Печати профессор получил совсем недавно.

Отложив книжку в сторону, Синклер взял последнюю. Пролистав ее до конца, он неожиданно обнаружил, что в корешок аккуратно вложен листок бумаги. Он оказался ксерокопией письма доктора Альберта Штейнера, профессора кафедры истории искусств Сорбоннского университета, к некоему Анри Жерару. Оно было датировано мартом прошлого года и, судя по всему, направлялось в Париж.

— Ноэль, тебе не встречались инициалы А.Ж.? — поинтересовался Адам, с возрастающим интересом просматривая французский текст.

— Да, попадались, — отозвался Маклеод, — а в чем дело?

— Я нашел копию письма из Сорбонны, адресованную какому-то Анри Жерару. Похоже, это результаты экспертизы образца металла, из которого сделана Печать, проведенной университетской лабораторией для... Погоди...

Ноэль оторвался от работы.

— Что там?

— Если меня не подводит французский, отправитель письма определяет примерный возраст металла 950 годом до нашей эры, что соответствует эпохе возведения первых храмов. Вот послушай: «Химический анализ металла показал идентичность представленного образца с образцами бронзы, взятой из доисторических рудников в Тель-эль-Келейфе, более известных как копи царя Соломона...»

— Копи царя Соломона, — задумчиво повторил Маклеод. — Скажи, Адам, ты сам-то веришь, что украденная печать действительно является Соломоновой Печатью?

— У меня пока нет оснований утверждать это, — покачал головой Адам, — однако я не могу утверждать и обратного. Неизвестно, какие еще сюрпризы нас ждут... Ох, Натан, ну почему ты не позвал меня раньше...

Остаток утра приятели провели, с головой погрузившись в работу, пока не пришел Питер с приглашением спуститься к столу. Обедали вчетвером — Лоренс уехал в аэропорт встречать сестру Натана с семьей.

— Вам говорит что-нибудь имя Анри Жерара? — спросил Адам, когда подали горячие бутерброды с зеленым салатом. — Он, кажется, принимал участие в работе Натана.

Питер переглянулся с матерью. Рахиль, несмотря на тяжесть утраты, держалась с потрясающим спокойствием.

— Почему вас интересует именно этот человек? — ответил Питер вопросом на вопрос.

— Я нашел копию письма к нему, — сказал Синклер, передавая ему листок. — Из него следует, что по просьбе Жерара в Сорбонне провели анализ металла Печати, и это меня насторожило. Анри Жерар принимал активное участие в исследовании. Его инициалы оказались первыми в списке тех, кто был связан с работой Натана. Я прошу вас после обеда ознакомиться с этим списком и попытаться сопоставить с указанными в нем инициалами известные вам имена. Подозреваю, что существуют и другие исследователи, работавшие с вашим отцом. Возможно, полиция сочтет необходимым поговорить с ними, чтобы составить портрет того, кто мог украсть Печать.

— Честно говоря, не могу представить, что кто-то из них в этом замешан, — ответил Питер. — Жерар немного старше, чем большинство помощников отца, несколько эксцентричен, как многие посвятившие жизнь науке люди, но безобиден.

— Возможно, — бросил Адам. — Как они познакомились?

— Жерар был здесь на годичной стажировке пару лет назад. — Питер тихонько вздохнул. — Сразу после того, как группа археологов обнаружила ранее неизвестное средневековое захоронение в еврейском квартале. В то время он донимал всех своей сумасшедшей теорией, что якобы тамплиеры владели глубокими знаниями в области иудейской некромантии. Это я и имел в виду, назвав его эксцентричным, — добавил молодой человек, ловя на себе удивленный взгляд Синклера. — Жерар тщательно изучал историю тамплиерского Ордена. Он надеялся, что раскопки захоронений подтвердят его теорию. Когда ему понадобилась помощь в переводе некоторых иудейских текстов, глава экспедиции направил его к отцу.

— В них было что-то по некромантии? — быстро спросил Синклер.

— Что вы, конечно, нет. Насколько мне известно, то исследование вообще зашло в тупик. Но Жерар заинтересовался работой отца и, кажется, стал его европейским партнером. У него был доступ к некоторым архивам Ватикана, куда простым смертным вход обычно заказан. Впрочем, больше я ничего не знаю о нем.

— Что ж, на первый раз достаточно, — произнес Адам, переглянувшись с Маклеодом. — Просмотришь список Ноэля? Возможно, там найдутся и другие имена.

— Да, конечно, давайте взглянем, — сказал Питер, пробегая глазами бумагу, которую протянул Маклеод. — Ага, Н. Г. Это, конечно же, Нина Грешем. Милашка, пару лет назад она писала докторскую под руководством отца. Должно быть, сейчас работает где-нибудь в частном институте в Италии. Она не еврейка, но ее иврит просто великолепен. Не представляю, где она могла его выучить. Вообще, девушка знает шесть или восемь древних языков и работает с документами эпохи крестовых походов.

— Понятно. Как насчет Т. Б.?

— Это, вероятно, Теви Берман, израильтянин. Работал на раскопках древнего храма в Иерусалиме. Хороший парень. Хотя вряд ли он жив сейчас.

— М. О.?

— Не могу сказать.

— К. С.?

— Возможно, Карен Слейтер или Кейт Шерман. Оба работали с отцом много лет.

Через четверть часа Питер Финнс подобрал имена практически ко всем инициалам в списке Ноэля. Рахиль дополнила те, которые не знал сын. После кофе друзья вернулись в кабинет, чтобы продолжить работу, до поры предоставив семью ее хлопотам. К четырем часам большую часть имен удалось сопоставить с адресами и телефонами в записных книжках. Когда стало ясно, что здесь больше ничего сделать нельзя, Маклеод набрал номер Фиппса и попросил заказать обратный билет на пятичасовой рейс и машину до аэропорта.

— Не вижу смысла оставаться на похороны — я не знал Натана, — объяснил Ноэль, повесив трубку. — В Эдинбурге я смогу сделать значительно больше. Когда приедет Уолтер, я дам ему копию нашего списка. Пусть его ребята продолжают делать рутинную работу. Тем временем я займусь компьютером.

— Что ж, это сэкономит время, — согласился Адам. — В последней записной книжке нет записей с весны. Вероятно, вся последняя корреспонденция находится здесь, — сказал он, указывая на «ноутбук». — Сведения в нем могут подсказать, с чем мы имеем дело. Меня интересует этот Жерар. Возможно, я цепляюсь за соломинку, но его пресловутая эксцентричность... Или он действительно замешан? Опять же, его интерес к тамплиерам...

Маклеод откинулся на стуле и сдвинул очки на лоб, массируя переносицу.

— Думаю, это он, Адам. Называй это шестым чувством копа, если хочешь, но что-то здесь нечисто. Когда вернусь в Эдинбург, позвоню в Париж. Тревиль, мой знакомый в Сюрте¹, кое-чем мне обязан. Попробую выяснить, что они знают о нашем «историке». — Опустив очки на нос, Ноэль задвинул ящики с картотекой в глубь стола. — Ты возвращаешься завтра этим же рейсом?

— Да, — кивнул Адам. — Похороны назначены на одиннадцать, к четырем часам многие будут уезжать, и кто-нибудь подбросит меня до аэропорта. Если появится возможность, позвони Хэмфри, предупреди, что я возвращаюсь.

— Нет проблем.

После того как Маклеод уехал, Синклер присоединился к Финнсам за чаем, изысканной церемонией, чуть более строгой, чем обычно, из-за угнетенного состояния участников. Члены семьи начали прибывать после полудня из всех уголков мира. Рахиль и Риза, жена Питера, занялись размещением гостей, суэта скрадывала горе. После чая Адам решил прогуляться — предупредив Питера, чтобы его не ждали к ужину, направился в старинную часть Йорка. Он чувствовал, что ему нужно время обдумать все, открывшееся за последние часы, и справиться с собственным горем. Вскоре ноги привели его к старинному кладбищу и темнеющему в вечерней дымке собору. Охваченный чувством благоговения, он проскользнул внутрь и, не нарушая хода мессы, присел на одной из задних скамеек. Вслушиваясь в пронзительные, щемящие душу детские голоса, Адам вдруг осознал, что нельзя подобрать более подходящих слов, чем те, что доносились сейчас из центрального нефа:

*Помни, Господь, как коротка наша жизнь,
Какой хрупкой Ты сотворил нашу плоть.
Кто может жить и не увидеть смерти?
Кто может уберечься от ее власти?*

Молча пройдя вперед, Адам опустился на колени и вознес беззвучную молитву за душу Натана, зная, что друг не стал бы противиться этому. Слова Писания едва доносились, поэтому Синклер отдался непередаваемому чувству единения с Всевышним. Некоторое время спустя перед его внутренним взором предстала Печать, образ которой рассеялся только со звуками гимна «Nunc dimittis»²: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром».

После окончания службы Адам остался побродить по храму, любуясь высокими сводами башен. Вскоре церковные служки стали вежливо выпроваживать посетителей.

¹ Управление сыскной полиции в Париже.

² Ныне отпускаешь... (лат.) Первые строки Песни Симеона, Лк, 2:29

Синклер покинул собор и направился в сторону городской стены, где некоторое время рассеянно бродил по прогулочной площадке, наслаждаясь видом города в угасающем свете дня. После позднего чая у него не было желания ужинать, поэтому, вернувшись домой, он попросил разрешения пойти спать, предварительно осведомившись, не нужна ли кому-нибудь его помощь. Прежде чем уйти к себе, Адам сделал короткий звонок Маклеоду.

— Алло, Ноэль? — сказал он, когда Маклеод снял трубку. — Я знаю, ты только вернулся, однако, быть может, есть новости?

— О Жераре ничего, — ответил инспектор, — но мне удалось связаться с Тревилем. Он перезвонит завтра в середине дня. Мои ребята «взломали» компьютер. У тебя есть время?

— Да, что ты нашел?

— Интересные файлы. — Адам услышал мягкие щелчки по клавиатуре. — Много заметок, похожих на те, что мы видели в записных книжках, есть также расшифровки и переводы отдельных документов. Зачитать тебе?

— Что-нибудь небольшое, — сказал Адам, доставая блокнот и карандаш. — Не хочу занимать телефон слишком долго — вдруг кто-то из родственников попытается дозвониться. Однако эта информация может дать мне пищу для размышлений во время сна. Не знаю, как ты, а я чувствую себя измученным.

— Аналогично, — ответил Маклеод, продолжая стучать по клавиатуре. — Я задремал в полете и проснулся, когда самолет заходил на посадку. Раньше со мной такого не случалось. Как бы то ни было, я попытаюсь восстановить цепочку, связывающую тамплиеров и Грэми из Темпльгранджа, того, что заложил Печать. Небольшое владение под названием «Темпльграндж» упоминается в письмах короля Александра III к епископу Дункелда. Из контекста неясно, кому принадлежит поместье, но далее Натан приводит более позднюю цитату, указывающую, что в 1314 году земля находилась в юрисдикции Ордена. У тамплиеров было много земли в Шотландии.

— Да, Темпльмор имеет похожую историю, — сказал Синклер, быстро делая пометки в блокноте. — Продолжай.

— Далее Натан делает ссылку на землю, пожалованную сэром Робертом Брюсом сэру Джеймсу Грэми из Пертшира в благодарность за поддержку, оказанную королю в битве при Баннокберне. Подлинных цитат не приводится, но даже я помню, что эта битва была в 1314 году. Потом, по всей видимости, что-то пропущено, поскольку Натан уверен, что речь идет именно о Темпльграндже. Из этого он делает вывод, что сэр Джеймс мог быть предком Грэми из Темпльгранджа, который в 1381 году заложил Печать Рубену Финнсу.

— Звучит очень логично, если, конечно, факты достоверны, — отозвался Синклер. — Однако на связь с Орденом указывает только название поместья.

— Это еще не все, — продолжал Маклеод. — Я почувствовал себя идиотом, когда прочел следующее...

— Продолжай.

— Я открыл файл Dundee. Оказалось, что Натан имел в виду человека, а не город — Бонни Данди, полное имя которого звучит...

— Джон Грэхэм Клаверхаус, виконт Данди, — закончил Адам, с ощущением того, что его одурачили. Какое отношение глава роялистов семнадцатого столетия имел к Ордену Храма?

Человек с именем Бонни Данди, известный как победитель в битве при Килликранке в 1689 году, был, возможно, самой яркой и наиболее противоречивой фигурой раннего якобитского¹ периода в истории Шотландии. Упоминание «кровавого Клаверса» наводило ужас на врагов и вызвало восхищение у сторонников, которые ласково именовали его Темным Джоном Сражений. Храбрость и мужество виконта Данди стали легендой и сделали его героем множества шотландских песен и сказаний, хотя ни в одном из них не было даже намека на рыцарей Храма или загадочную Печать. Синклер вдруг подумал, что вся история с Печатью и рыцарями Храма — не более чем пустая фантазия, такая же нелепая, как

¹ Имеется в виду эпоха правления короля Иакова I.

«исторические» теории Анри Жерара.

— Ты, вероятно, сейчас пытаешься установить связи, — сказал Ноэль, прерывая поток мыслей Адама. — Я не нашел ничего, кроме некоторого сходства имен Грэми и Грэхэм. Печать заложили более чем за три столетия до смерти Данди. И с тех пор минуло еще три сотни лет... Однако Натан считал, что связь существует, иначе зачем ему было забивать свой жесткий диск этой чепухой? Поскольку Печать навеки осталась в семье Финнсов, нам остается выяснить, какое отношение к этой истории имеет Темный Джон.

Адам вздохнул и покачал головой.

— У меня нет никаких идей, — откровенно признал он, — и нет даже подозрений... Может, в следующих файлах содержится дополнительная информация, которая даст нам разгадку?

— Честно говоря, не знаю, — ответил Маклеод. — Мне пришлось изрядно повозиться, чтобы «взломать» эти файлы, ограничившись лишь беглым просмотром. Если хочешь, я могу их распечатать и прислать завтра к тебе в Стратмурн. Самому мне придется весь день торчать в офисе, чтобы не пропустить звонок из Сюрте по поводу Жерара.

— Буду тебе признателен, Ноэль. Спокойной ночи.

Повесив трубку, Синклер прошел наверх, упрекая себя в том, что не понимает, по всей вероятности, очевидных вещей. Как связаны герой шотландского эпоса виконт Данди, рыцари Храма и Соломонова Печать? Данди был сторонником династии Стюартов, но опять-таки, какое отношение это имеет к тамплиерам?

Этот вопрос занимал мысли Адама, пока тот чистил зубы и готовился ко сну. Неожиданно он поймал себя на том, что в голове крутится старинная мелодия на бессмертные строки Вальтера Скотта:

*Лордам Союза то Клавер сказал,
Все иные падут у ног Короля,
Каждый, кто любит славу, иди
Вслед за ребятами Бонни Данди.*

Эта мелодия звучала в ушах, пока Синклер пытался заснуть. Проведя несколько часов без сна, он наконец провалился в забытие, но яркие образы прошлого продолжали его преследовать. Адам видел виконта Данди, едущего верхом на огромном гнедом жеребце с саблей наголо, шотландских всадников в накидках из буйволово́й кожи, неожиданно превратившихся в идущих в атаку крестоносцев, тамплиеров с красными крестами на белых плащах, летящих сквозь пустыню. Эти видения неожиданно превратились в царя Соломона, величавого и властного, в красных одеждах с каббалистическими знаками и с сияющей короной в форме шестиконечной звезды. В левой руке, как защитный талисман, он держал то, что, несомненно, являлось Печатью Натана. В правой руке был скипетр, наконечник которого светился настолько ярко, что Синклер едва мог смотреть на него. Он инстинктивно поднял руку, чтобы прикрыть глаза от нестерпимого блеска, но царь приказал смотреть дальше, туда, куда указывал скипетр. Весь дрожа, Адам подчинился — и вдруг очутился внутри грозового облака, освещавшегося вспышками ядовито-зеленого света. Из облака исходили волны такого ужаса, что его желудок сжался в конвульсивном спазме.

Синклер проснулся в холодном поту, инстинктивно бормоча защитную формулу. Он был уверен, что сон — предупреждение, исходящее из глубин подсознания или из внешнего источника. Ощущение нависшей угрозы было настолько сильным, что Адам встал и, достав из кармана костюма кольцо с темным сапфиром, надел его на палец и приложил камень к губам. Кольцо являлось символом его Посвящения, а порой и средством достижения поставленной цели. Слова защитной молитвы вернули Адама в царство разума. Перед тем как лечь снова, он проделал простой ритуал, известный как установление ауры. Запечатанное Соломоновой Звездой, указанное место будет находиться под особой защитой великих архангелов.

Остаток ночи прошел спокойно, сон Синклера был легким. Часть его существа продолжала бодрствовать, охраняя покой и обдумывая ситуацию.

Глава 5

Натана похоронили незадолго до полудня. На церемонии, строгой и скромной, согласно иудейской традиции, присутствовали родные, многочисленные друзья и коллеги. Простота обряда еще более усиливала горечь внезапной смерти. В маленькой часовне при кладбище Адам, заняв место позади членов семьи, в очередной раз поразился, как объединяет людей — всех, вне зависимости от вероисповедания — боль утраты.

— О Господь, Ты возвращаешь человека в тлен и говоришь: «Возвратитесь, сыны человеческие!» — нараспев читал раввин. — Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, Ты как наводнением уносишь их; они как сон — как трава, которая утром цветет и зеленеет, а вечером подсекается и засыхает...

Следя за ходом службы по небольшому молитвеннику, Адам полностью погрузился в ритм этого почти магического обряда. Маленькая часовня не имела религиозных символов определенной конфессии. Все внимание собравшихся сосредоточилось на простом деревянном гробу, закрытым сверху таллитом — шерстяной накидкой, которую традиционные иудеи использовали в богослужениях. Эту Лоренс привез из Иерусалима, в надежде надеть ее по случаю выздоровления отца. Теперь она отправится с ним в последний путь. Собственный таллит Натана плотно спеленал тело покойного. Край накидки был обрезан в знак того, что владелец больше никогда не будет ее носить. Одинокая свеча горела позади гроба, цветов не было — иудеи считают их неуместными в минуты скорби. Все мужчины были в ермолках, включая Адама — тот надел ермолку из уважения к обычаю.

— Властелин Многомилостивый, обитающий высоко, — продолжал раввин, — дай обрести покой, уготованный на крыльях Шехины, на ступенях святых и чистых, душе Натана, сына Вениамина, отошедшего в вечность, за него молим Тебя. Да обретет он покой в Саду Эдемском. Посему да укроет его Властелин Милосердия под сенью крыл Своих навеки и да приобщит к сонму вечно живущих душу его. Да почиет он на ложе своем в мире. И скажем: Оймен!¹

Когда смолкли слова последней молитвы, гроб с телом Натана вынесли на кладбище.

— Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится. Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю, — торжественно и трогательно зазвучали слова девяносто первого псалма. — Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен...

Обряд погребения был таким же суровым, как ветер, дувший с холмов Йорка.

— Свят Господь, совершенны дела Его и праведны пути Его... Господь дал, Господь взял. Да будет имя Господа благословенно. Да покоится в мире.

Гроб опустили в могилу. Сначала сыновья, а затем каждый, кто хотел отдать последнюю дань уважения покойному, бросили по три пригоршни праха на крышку гроба. Совок, которым его набирали, не передавали из рук в руки, а клали на землю в знак того, что горечь утраты никогда не пройдет. Тишина нарушалась только скрежетом совка по случайным камням и звуком падающих комьев, вначале звонким, а потом, когда могила стала наполняться, едва слышным. Воткнув лопатку в могильный холм, Синклер отступил в толпу.

Когда могила была насыпана, раввин произнес короткую молитву, и собравшиеся стали читать псалом. Потом вперед вышли Питер и Лоренс, впервые вознося кэдиш — древнюю заупокойную молитву, которой Натан когда-то научил и Адама.

— Yisgadal v'yiskadash sh'may rabbah, — читали они вдвоем, — b'olmo d'hu asid l'ischadosho... Да возвысится и освятится великое Имя Его! — в мире, который будет обновлен, где Он воскресит мертвых и поднимет их на вечную жизнь... И будет Он, Святой и Благословенный, обитать там в царстве Своем и в великолепии Своем при жизни вашей и в

¹ Здесь и далее цитируется по книге «Помни!» еврейской общины в Москве.

ваши дни и при жизни всего дома Израиля. И скажем: Оймен! Да будет Имя Его великое благословенно во все века. Да будет благословенно, возвышенно, превознесено, возвеличено и прославлено Имя Святого, благословен Он, превыше всех благословений и песнопений, восхвалений и утешительных слов, произносимых в мире. И скажем: Оймен! Да пребудет с небес великий мир и жизнь нам и всему Израилю. И скажем: Оймен! Osen shalom bimeromav, Hu ya 'aseh shalom, alenu v'al Kol yisroel; v'imru amen.

— Оймен, — в один голос ответили присутствовавшие в подтверждение прозвучавших слов.

Затем последовали еще одна молитва и заключительный псалом. Церемония завершилась древней формулой утешения, адресованной членам семьи: «На 'makom uenachem et'chem b 'toch she 'ar avelei Tziyon vi 'Yerushalayim. Да утешит вас Всемогущий Бог и всех скорбящих Сиона и Иерусалима».

Адам пропустил поток людей, направляющихся в сторону своих автомобилей. Несколько человек задержались у могилы. Склонив головы, они клали на холм мелкие камешки. Синклер вспомнил, что таков израильский обычай, в котором живые просят прощения у покойного за причиненные обиды. Наклонив голову, он дал обещание, что выполнит свою миссию, хотя в настоящее время она казалась почти неосуществимой.

Постояв немного, Синклер повернулся и пошел прочь, направляясь к своей машине. На полпути его перехватил Питер Финнс, оставивший мать на попечение младшего брата, и отвел в сторону.

— Еще раз спасибо, что вы были с нами, Адам, — тихо сказал он. Затем, колебавшись, добавил: — Не ожидал, что вы так хорошо знакомы с иудейской традицией. Ваш иврит превосходит даже мой.

— Этим я обязан моему отцу, — ответил Адам с грустной улыбкой. — Однажды, когда я еще был студентом Кембриджа, утонул мой близкий друг. Тогда я попросил Натана научить меня кэдишу. Думаю, это одна из тех универсальных молитв, которые идут из самого сердца человека. Твой отец всегда утверждал, что желание общаться с Богом одинаково у всех духовно развитых людей вне зависимости от их формальной принадлежности к той или иной конфессии.

— Да, это похоже на отца, — согласился Питер. — Ему повезло, что у него был такой друг, как вы. Уверен, что вы — единственный, кто способен вернуть его Печать. Мне бы очень хотелось помочь вам.

— Помолись о нашем успехе, — улыбнулся Адам и добавил: — Я не шучу. На самом деле ты окажешь мне большую услугу, если позволишь забрать бумаги твоего отца. Похоже, придется поговорить с Анри Жераром. Правда, я пока не представляю, против кого мы ведем игру... Кстати, если откроются новые обстоятельства, или ты узнаешь что-либо, имеющее отношение к делу, обязательно дай мне знать.

— Можете не сомневаться, — ответил Питер. — А бумаги забирайте, вам они нужнее.

— Очень надеюсь на это, — сказал Адам, думая о том, что придется проделать огромную работу, прежде чем Натан упокоится в мире.

Когда гости после скромной трапезы, состоявшей из рогаликов и кофе, разъехались, Синклер извинился и ушел наверх, чтобы упаковать вещи. Забрав из кабинета бумаги профессора, Адам позвонил Маклеоду.

— Привет, Ноэль, что нового о Жераре? — спросил Синклер без лишних предисловий.

— Да практически ничего, — неохотно ответил инспектор. — Адрес и телефон совпадают, но его нет в городе. Короче говоря, наш «историк» укатил на Кипр в четырехнедельную экспедицию.

— Удачно.

— Я тоже так подумал, — кисло согласился Маклеод, — только Тревиль говорит, что наш мальчик забронировал обратный билет в Никосию¹ и получил его в прошлый понедельник. Оплата прошла через кредитную карточку. В тот же день он снял солидную

¹ Город на Кипре.

сумму со своего счета.

— Насколько солидную?

— Почти десять тысяч фунтов, то есть значительно больше, чем нужно даже для самого шикарного отпуска. Правда, Жерар известен как собиратель древностей; возможно, он взял побольше наличности на случай, если попадется что-нибудь ценное. Парни Тревиля сейчас выясняют, покупал ли он туристическое снаряжение.

— Если это предлог, то весьма удачный, — признал Адам — Воображаю, как мы выслеживали бы эту экспедицию. Кто-нибудь может подтвердить, что Жерар действительно отправился в путешествие?

— Сейчас этим занимается Интерпол, — ответил Маклеод, — они уже связались с кипрскими властями. На пропускных пунктах в аэропортах остались записи, что в среду, одиннадцатого числа, Анри Жерар сел на самолет в Париже и сошел на Кипре. Но это ничего не значит. С тугим кошельком и фальшивым паспортом наш мальчик мог оказаться, к примеру, в Лондоне ровно через час после своей высадки на Кипре.

— Боюсь, так, — согласился Синклер. — Еще что-нибудь?

— Да, — продолжил Ноэль. — Помня о том, что, по словам Питера, Жерар «несколько эксцентричен», я попросил выяснить его отношения с медициной. Как оказалось, несколько лет назад он проходил лечение в психиатрической клинике с диагнозом «психическая неустойчивость». Коллеги Жерара говорят, что интерес к тамплиерам превратился у него в навязчивую идею. Ученый убежден, что все обвинения против рыцарей Храма были истинными. А в качестве доказательства приводит то, что он якобы является современным воплощением некоего французского дворянина, жившего во времена известных событий.

— Очень интересно, теперь дело предстает в ином свете, — пробормотал Адам, — при условии, что его утверждение — не пустая фантазия. Я бы многое отдал за возможность взглянуть на его историю болезни. Если интерес к Печати восходит к прошлой инкарнации Жерара, он значительно опаснее, чем кажется.

— Я тоже думал об этом, — ответил Маклеод. — У тебя не появилось новых мыслей, для чего ее использовали?

— Пока нет. Минувшей ночью мне приснился странный сон, расскажу, когда вернусь. Но уверяю тебя, мы должны постараться остановить Жерара здесь, на британской земле. Во всяком случае, мне нужно знать все о его передвижениях за последние двое суток. Ты отправил информацию от Тревиля в Йорк?

— Ту, что получил от него, да. Позднее он мне передаст по факсу фотографию. Что делать с компьютерными файлами? — спросил инспектор.

— Пока я не вернусь, не предпринимай ничего. Ты отправил мне копии?

— Да, Дональд только что вернулся. Я взял на себя смелость также отправить копию Перегрину. Ты ведь не возражаешь?

— Конечно, нет. Нужно было подумать об этом раньше. Мне кажется, нам скоро понадобится его помощь. — Адам бросил взгляд на часы. — Есть еще что-нибудь? Я должен попрощаться с семьей Натана перед тем, как Питер отвезет меня в аэропорт.

— До скорого. Свяжись со мной, когда вернешься.

Самолет на Эдинбург вылетел в 17.50. В этот раз вместе с дорожной сумкой Синклер нес в руках кожаный портфель, набитый бумагами Натана. Пройдя контроль, Адам с досадой обнаружил, что его никто не встретил, но при выходе из аэровокзала заметил серебристо-синий джип, за рулем которого сидел Хэмфри.

— Я боялся проглядеть вас, сэр, — стал оправдываться дворецкий, кинувшись открывать багажник.

— Все в порядке, Хэмфри. Поехали в Управление, я хочу забрать свою машину.

Чуть позже семи Адам, бросив портфель в библиотеке, отправился в душ, в то время

как Хэмфри поспешил на кухню приготовить что-нибудь перекусить. Двадцать минут спустя бодрый, в свежей сорочке и синем стеганом халате сэр Синклер спустился в библиотеку.

Разбирая почту, он наткнулся на письмо, отпечатанное на кремовой бумаге с гербом «Современного общества рыцарей Храма». Несколько секунд Адам непонимающе смотрел на него, рассеянно скользя пальцем по тиснению, затем потянулся к телефону и набрал номер шеваляе Стюарта Мак Рея. В свое время их свел взаимный интерес, оба занимались реконструкцией фамильных замков. Шеваляе жил в наполовину восстановленном родовом поместье к востоку от Темплмора. Больше него о тамплиерах, наверное, не знал никто.

— Приветствую, Стюарт. Это Адам Синклер, — представился он, услышав на другом конце глубокий бас. — Надеюсь, я не оторвал тебя от ужина?

— Конечно, нет! — прозвучал обычный ответ. — Я ждал твоего звонка. Ты получил приглашение на торжественное облачение?

— Безусловно, — подтвердил Синклер. — Прости, что не позвонил раньше. В понедельник мне срочно пришлось уехать, я вернулся час назад. Постараюсь к субботе привести все в порядок, но многое зависит от того, как обстоят дела в госпитале.

— Буду рад, если почтишь своим присутствием, — из трубки донеслось довольное покашливание. — В крайнем случае пошли открытку с наилучшими пожеланиями. Все еще лелею надежду уговорить тебя присоединиться к Ордену, тем более что ты восстанавливаешь рыцарский замок.

— Я тронут твоей настойчивостью, но у меня слишком много забот, — шутливо ответил Адам. — Однако Орден может быть уверен в моем дружеском расположении. Надеюсь, что смогу лично подтвердить это в субботу.

— Взаимно.

— Кстати, Стюарт, не сможешь мне решить одну маленькую загадку? — в том же шутливом тоне продолжил Синклер. — Больше, чем ты, о тамплиерах не знает никто...

— Я к твоим услугам, — зазвучал в трубке польщенный бас.

— Ты не знаешь, — осторожно подбирая слова, спросил Синклер, — какое отношение имеет Данди к некой опасной тайне, которую могли хранить рыцари Храма?

— Полагаю, имеется в виду Бонни Данди, а не город? — уточнил Мак Рей. — Незадолго до смерти виконт был генералом Ордена в Шотландии.

— Ты уверен? — переспросил Синклер, быстро записывая на обратной стороне конверта «Г. О., Шотландия». — Расскажи подробнее.

Многозначительно покашливая, Мак Рей приготовился говорить, довольный, что имеет возможность продемонстрировать свои познания перед чутким и благодарным слушателем.

— То, что я расскажу тебе, традиционно относится к сфере тайной истории, — важно начал Мак Рей. — В последнее время в исторических кругах принято считать, что Грэхэм Клаверхаус, погибший в битве при Килликранке, носил на шее крест тамплиеров. Что случилось с этим крестом дальше, точно не известно, но несколько лет спустя он оказался у французского священника по имени Дом Кальме. Мне кажется, что он получил крест от Давида Грэхэма, младшего брата Данди. Я бы многое дал, чтобы узнать окончание этой истории, — тоскливо завершил свою речь шеваляе.

Адам молчал. Историческая справка Мак Рея проливала свет на историю с Печатью.

— Чем еще могу быть полезен? — устав ждать, спросил Стюарт.

— Извини, я задумался, — ответил Синклер. — Ты дал мне обильную пищу для размышлений. Не подскажешь, где можно прочитать о связях Клаверхауса с Орденом?

— Ты, вероятно, читал работу Майкла Бейгента и Ричарда Лея «Святая Кровь и Святой Грааль»? Пару лет назад вышла их новая книга «Храм и Ложа». Она содержит исчерпывающую информацию по этому вопросу.

Адам уже скользил взглядом по рядам книжных полок. Найдя желанный труд, он встал и выложил на стол тяжелый том в черной пыльной обложке.

— Спасибо, Стюарт, возможно, это именно то, что мне нужно, — сказал Синклер, придерживая трубку плечом, в то время как пальцы уже листали страницы.

— Рад был помочь, — отозвался Мак Рей. — Расскажешь мне, в чем дело?

— Просто небольшое исследование, — нейтральным тоном ответил Адам. — Оно может ни к чему не привести. Я планирую написать статью, — добавил он, пресекая дальнейшее любопытство.

— Что ж, хорошо... — протянул шевалье. Закончив разговор выражениями признательности и надежды на скорую встречу, Адам повесил трубку. Книга «Храм и Ложа» была ему знакома, одна из частей посвящалась роли семьи Синклера в основании масонской ложи в Шотландии и постройке часовни на южной окраине Эдинбурга. Но в данный момент Адама интересовала глава о тамплиерах и Клаверхаусе.

Покончив с ужином и книгой, он отодвинул поднос и направился к шкафу в поисках более подробной информации об эпохе Данди. В одной из книг, посвященных истории Шотландии, обнаружилась подробная биография виконта. Поблагодарив в душе Хэмфри, который заранее позаботился об огне в камине, Синклер опустил в любимое кресло и погрузился в чтение.

Книга была старая; изданная в 1937 году, она принадлежала еще отцу. Отметив, что нужно приобрести что-нибудь более позднее, Адам искал в алфавитном указателе ссылки на тамплиеров и, не обнаружив таковых, обратился к страницам, повествующих о последней битве Данди.

Резкий звонок телефона нарушил тишину кабинета. Ответил Хэмфри, но через мгновение писк селектора вынудил Синклера снять трубку.

— Вас просит мистер Ловэт, сэр, — произнес дворецкий.

— Спасибо, Хэмфри, соединяй.

В трубке раздалось пощелкивание.

— Здравствуй, Перегрин, — сказал Синклер, переворачивая страницу с черно-белым портретом юного рыцаря. — Я как раз собирался звонить тебе. Ты получил бумаги от Ноэля?

— Да, Дональд заезжал утром. Забавная история. Мне даже захотелось написать портрет этого Джона Грэхэма Клаверхауса. Так что там за дело с похищенной печатью?

— Долгая история, — ответил Синклер, — приезжай ко мне, поговорим. Все равно рано или поздно пришлось бы тебя побеспокоить.

— Потрясающе! — воскликнул Перегрин. — Уже час я пытаюсь придумать, чем бы заняться. Как ты относишься к тому, чтобы распить сегодня бутылочку столетнего портвейна? На днях я закончил портрет Дженнет Фрейзер, и сэр Мэтью презентовал мне сей раритет.

— Столетний портвейн? — кашлянув, переспросил Адам. — Может, мне отправить Хэмфри забрать вас обоих? Не случилось бы чего в дороге...

Пегррин довольно рассмеялся.

— Не беспокойся, он надежно упакован. Обещаю, что буду ехать очень медленно. Что-нибудь еще?

— Да, пожалуй, ты можешь захватить кое-что еще, — бросив взгляд на книгу, ответил Синклер. — Посмотри, нет ли в твоих альбомах портрета Данди? У меня есть один, написанный Мельвиллем, когда виконт был двадцатилетним мальчишкой. Очаровательный юноша, но мне бы хотелось посмотреть на него в более зрелом возрасте.

— Полагаю, тебе нужен портрет Гламиса, — протянул художник. — У меня где-то была репродукция. Пойду взгляну, возможно, мне удастся найти что-нибудь еще. Жди меня минут через пятнадцать.

Глава 6

Прошло полчаса, прежде чем приехал Перегрин. Он ввалился в кабинет с огромным альбомом под мышкой, объемистым конвертом из манильского картона в руках и полной радостного предвкушения улыбкой на довольной физиономии. За ним семенил Хэмфри, обнимая темно-зеленую бутылку в соломенной упаковке. Его лицо выражало почтительное

благоговение, с которым обычно люди смотрят на мощи святых.

— Ага, вот и ты, наконец, — улыбнулся Адам, поднимаясь навстречу молодому человеку. — Вижу, Хэмфри удостоился чести нести наш портвейн. Думаю, мы обязаны вознаградить старика...

— Безусловно, — рассмеялся Перегрин, сгружая на стол собственную ношу. — Плесни себе, Хэмфри.

— Большое спасибо, сэр, — ответил слуга, и довольная улыбка осветила его обычно невозмутимые черты.

Когда дворецкий удалился за такими необходимыми атрибутами, как штопор и бокалы, Перегрин устроился в кресле напротив Адама и, положив перед собой принесенный альбом, уткнулся в него в поисках отмеченной страницы.

Тридцатилетний художник, худой светловолосый мужчина, сложением и поведением напоминал юношу. Несмотря на возраст, он успел завоевать славу одного из лучших портретистов Шотландии и получал солидные гонорары. Манера одеваться отражала его врожденную страсть сочетать несочетаемое. В данный момент на нем был ирландский свитер из грубой шерсти грязно-серого цвета, надетый поверх кремовой шелковой сорочки, и широкие светло-коричневые брюки. Особую изысканность облику Ловэта придавали светлые, нарочито длинные волосы, волной спадавшие на лоб. Глаза цвета лесного ореха прятались за очками в тонкой позолоченной оправе. Всякий раз, когда Синклер видел Перегрин, взгляд молодого человека лучился радостью и сознанием собственного успеха.

Пегррин обладал даром Видения — способностью фокусировать свой взгляд на сценах далекого прошлого и запечатлевать их на холсте, погружившись в транс. Такие «погружения» выматывали, хотя он научился контролировать их. Со временем в юноше проявился талант видеть будущее. Картины смерти клиентов, чьи портреты он рисовал, порой доводили его до умопомрачения.

Отчаяние, охватившее художника после одного из таких видений, год назад привело его в кабинет Синклера. Адам научил Ловэта управлять своими способностями, поэтому теперь они проявлялись лишь при необходимости. Время от времени к Перегрину обращались за помощью из Управления полиции, его дар видения минувших событий был просто неоценим.

— Ага, кажется, ты искал именно это, — сказал художник, поворачивая альбом к Синклеру.

Адам положил книгу на колени и кивнул. С портрета семнадцатого столетия на него смотрел виконт, лихой всадник, облаченный в камзол темного бархата, из которого выглядывали рукава белой сорочки. Подбородок виконта утопал в кружеве, а на груди поблескивал медальон. Утонченное лицо в обрамлении золотисто-каштановых локонов и чувственный рот резко контрастировали с холодным, вызывающим взглядом рыцаря. Надпись под портретом гласила: «Джон Грэхэм Клаверхаус, виконт Данди. Автор: сэр Годфри Кнеллер».

— Эта работа больше известна как «Портрет Гламиса», так как является частью коллекции замка Гламис, — объяснил Перегрин. — Виконт изображен здесь за два года до смерти. Я нашел репродукцию еще одного портрета, — добавил он, открывая альбом поменьше и кладя его поверх первого, — правда, она совсем маленькая, но общее представление получить можно. Оригинал, точнее, копия, сделанная Джоном Александром, малоизвестным шотландским художником, хранится в замке Фиви. Портрет написан сэром Питером Лилли. Мне не удалось найти упоминаний о дальнейшей судьбе оригинала, однако, если это важно, я могу завтра посмотреть в библиотеке университета.

Последняя из двух версий была менее совершенна с точки зрения мастерства, но сам образ выглядел реалистичнее. На этом портрете виконт был немного моложе. Шапку его каштановых кудрей венчал обруч овальной формы.

— Пожалуй, не стоит, — пробормотал Синклер, откинувшись в кресле, когда Хэмфри внес на подносе три хрустальных бокала в форме чертополоха¹, наполненных рубиновой

¹ Чертополох исторически является символом Шотландии.

жидкостью. — Ни на одном из них нет того, что мне нужно, а на портрете Мельвилля виконт еще слишком молод. Благодарю, Хэмфри, — добавил он, когда дворецкий подал ему бокал с вином.

— Предлагаю тост, — улыбнулся Адам. — За сэра Мэтью Фрейзера и за Перегрин, чей талант, как и щедрость, достойны всяческого восхищения.

— И за леди Дженнет, красота которой вдохновляет художника, — галантно добавил Перегрин.

— За всех, кто приложил руку к тому, что сейчас мы пьем этот чудесный напиток. — Синклер обвел собравшихся многозначительным взглядом. — Ваше здоровье, джентльмены!

Мужчины оценивающе пригубили вино, после чего на лицах всех троих появилась улыбка блаженства.

— Если можно, я хотел бы добавить: и за ваш успех, сэр! — Дворецкий вопросительно взглянул на Адама.

— Спасибо, Хэмфри.

Осушив бокал, слуга поставил бутылку на столик возле камина и удалился. Перегрин вздохнул и, потягивая следующую порцию напитка, выжидающе посмотрел на друга.

— Так какая же связь между Данди и пропавшей Печатью? — спросил художник через некоторое время. — Я правильно понял, что залоговой суммы хватило, чтобы полностью обеспечить крестьянское восстание?

Адам удивленно приподнял бровь.

— Натан связывал Печать с бунтом?

— Безусловно. — Перегрин легонько постучал по конверту. — Часть документов посвящена анализу этих событий. Разве Ноэль тебе не сказал?

— Не думаю, что у него было время прочесть их целиком, — покачал головой Адам. — Расскажи подробнее.

— Твой друг Финнс предположил, что уцелевшие члены Ордена создали нечто вроде подпольной организации и стягивали силы под прикрытием крестьянского восстания 1381 года. Отсюда он делает вывод, что мятеж не был спонтанным, и многие действия планировались заранее.

— Как Натан обосновывает свою теорию? — спросил Адам, отставляя в сторону бокал и протягивая руку к конверту.

— Профессор приводит ряд доказательств. К примеру, все мятежники имели отличительный знак — почти униформу: белый капюшон с красными кистями. В одном городе, Беверли, если не ошибаюсь, в таких капюшонах вышли сразу пятьсот человек. Такое трудно представить даже в наши дни, а шесть веков назад, когда ткань делалась вручную, а потом вручную же сшивалась... В общем, Финнс считает, что сочетание красного и белого избрано не случайно.

Пока Перегрин говорил, Адам открыл конверт, достал бумаги и сейчас быстро их просматривал. Естественно, у него было общее представление о событиях, имевших место в июне 1381 года, когда английские крестьяне, задавленные непомерно высокими налогами и жесткими ограничениями на обработку земли, подняли восстание, которое возглавили вольнодумствующий священник Джон Булл и некий человек неясного происхождения, известный как Уот Тайлер. Крестьянская армия прошла победным маршем через всю страну, взяла приступом Лондон и чуть было не свергла монархию, но Тайлер предательски бежал во время переговоров с юным Ричардом II и его министрами. В теории профессора Финнса восстание 1381 года выглядело совсем иначе. Ссылаясь на работу некоего Джона Робинсона «Рожденный в крови», Натан доказывал, что руководство мятежниками осуществляли тамплиеры. Орден также выделял средства на приобретение оружия и амуниции. Гипотезу подтверждал тот факт, что в ходе восстания ни одно владение Ордена не пострадало, в то время как госпитальеры, получившие большую выгоду от ликвидации тамплиеров, потеряли большую часть своей собственности. Следовательно, если Печать обеспечила необходимыми средствами...

— Да, в этом есть смысл, — пробормотал Адам, переворачивая очередную страницу. — Мы уже знаем, что Грэми из Темпльгранджа владел землей, в прошлом принадлежавшей Храму. Если допустить, что подпольная организация тамплиеров и их последователей действительно существовала, и он был ее членом, ему могли дать распоряжение заложить Печать, чтобы на вырученные средства восстановить былое влияние Ордена.

— Это объясняет, почему ее так и не выкупили, — согласно кивнул Перегрин. — Восстание закончилось неудачей, Грэми скорее всего был убит, а кроме того, они просто могли не найти достаточно денег. — Художник вздохнул. — Остается неясным, почему Печать оценили так высоко... Чем она является? И какое отношение к этой истории имеет Грэхэм Клаверхаус?

Адам принял более удобную позу, пошевелил пальцами и, тщательно подбирая слова, произнес:

— На последний вопрос я тоже не знаю ответа. Скорее всего Клаверхаус был членом Ордена. Но я пока не вижу связи между ним и Печатью. Что касается самой Печати... — Синклер задумчиво посмотрел на художника, — я полагал, Ноэль ввел тебя в курс дела. Хотя он мог опустить одну деталь... короче, печать, о которой мы говорим, не просто обыкновенная древняя диковинка. Натан был убежден, что это легендарная Печать царя Соломона.

Перегрин на мгновение прикрыл глаза и поражение присвистнул.

— Ну и ну... думаешь, это действительно она?

— Пока не знаю, — угрюмо бросил Синклер. — По словам профессора, Печать обладает огромным могуществом и несет великую угрозу, «Она хранит мир от величайшего зла». Предполагается, что Печать как-то связана с неким тайным обетом, который однажды дали рыцари Храма. Натан был уверен, что она имеет отношение к темным силам.

— Силам какого рода? — переспросил Перегрин.

— Также пока неясно. Финнса убили раньше, чем он успел это выяснить. После кошмара, который приснился мне прошлой ночью, я уже ничему не удивляюсь. Традиционно считается, будто царь Соломон обладал властью над злыми духами. Если правда, что Натанова печать действительно принадлежала Соломону, мне не хочется даже думать о том, какие силы она сдерживает, принимая во внимание, что с той поры прошла не одна тысяча лет. Если это вырвется на свободу...

— Следовательно, охрана Печати и ее тайны была доверена тамплиерам, — неуверенно произнес Перегрин несколько секунд спустя.

— Похоже на то. Если хочешь, могу зачитать тебе отрывок из дневника Натана, — сказал Синклер, потянувшись к портфелю, который привез из Йорка. — Это комментарий к воспоминаниям некоего Рено ле Клерка, свидетеля борьбы французской короны против парижской ветви Ордена, — пояснил Адам, открывая записную книжку на заложенной странице. — Натан получил эту информацию от своего помощника с инициалами А.Ж., предположительно, Анри Жерара, француза, которого полиция разыскивает для допроса. Вот: «А.Ж. прибыл утром, привез копию фрагмента воспоминаний Рено ле Клерка. В основном Рено повторяет привычные обвинения в адрес тамплиеров: идолопоклонство, сношения с дьяволом, содомия и всевозможные ереси. Но есть кое-что необычное: он утверждает, что „генерал Ордена заключил письменную сделку с темными духами, скрепив документ доисторической бронзовой печатью, на которой изображен магический знак...“ Обвинение само по себе чудовищно нелепо, но в нем заключена крупица истины. — Адам покосился на Перегрин, чтобы удостовериться, что тот не уснул. Перегрин слушал. — „... Хотя Рено не останавливается подробно на описании, нет сомнений, что тамплиеры действительно были хранителями древней печати. Принимая во внимание уже известные факты, я все больше убеждаюсь, что упомянутый артефакт является Печатью, полученной от Грэми из Темпльгранджа. По всей вероятности, она попала на британскую землю с отрядом, бежавшим из Ла-Рошели незадолго до падения Ордена. К сожалению, это не дает ответ на многие важные вопросы: что скрывает Печать, ее изначальное предназначение, откуда она, и

как члены духовно-рыцарского Ордена оказались ее хранителями...“ Дальше Натан пишет, что Жерар предложил послать пробу металла на экспертизу. — Адам перевел взгляд на друга. — Я обнаружил копию письма из Сорбонны, анализ подтвердил древность Печати. Правда, это еще не доказывает, что она принадлежала царю Соломону, — закончил Синклер и отложил книжку.

Перегрин покачал головой и тихонько вздохнул.

— Ну, хорошо, предположим, что это было не просто ограбление. Допустим, что твоя цитата объясняет связь Печати с тамплиерами. Но при чем здесь виконт Данди?

— Я задаю себе тот же вопрос, — ответил Синклер. — Даже если виконт был членом Ордена, между ним и Печатью отрезок времени длиной в три столетия.

Адам пересказал свой разговор с Мак Реем, в котором тот предложил свою версию связи Ордена с Клаверхаусом. По мере того как рассказ приближался к завершению, глаза юноши округлялись, пока не достигли размера совиных.

— В книгах, которые мне доводилось читать, не было и намека на то, что ты сейчас рассказал, — потрясенно пробормотал он. — Интересно, предполагал ли бедняга Финнс подобную связь?

— Во всяком случае, он работал в верном направлении, — ответил Синклер. — Натан был уверен, что виконт каким-то образом фигурирует в этой истории. Его последние слова были о Данди и разгадке, как-то с ним связанной. Честно говоря, в то время я подумал, что он имеет в виду город, хотя надо заметить, там действительно есть замок Клейпот, когда-то принадлежавший Клаверхаусу.

— Полагаю, профессор все-таки имел в виду человека, — заметил Перегрин.

— Вероятно, — согласился Адам. — Попробуем проследить цепочку до конца. Допустим, что Данди был генералом Ордена в Шотландии, следовательно, он, возможно, единственный из всех членов владел тайнами тамплиеров. Упоминалась ли обязанность Ордена охранять Печать или то, что она запечатывает, — Бонни Данди, несомненно, знал ответы на интересующие нас вопросы.

— Поэтому ты намерен поговорить с Джоном Грэхэмом Клаверхаусом, виконтом Данди, — заключил Перегрин.

— Это наиболее простое решение, которое приходит мне в голову, — кивнул Адам. — Правда, процесс установления контакта может представлять некоторые сложности. Самый действенный способ — использовать вещь, принадлежавшую в прошлом Данди.

— К примеру, крест тамплиеров, который был на нем в момент смерти, — закончил мысль Перегрин.

— Или что-то аналогичное, с чем виконт никогда не расставался. Отчасти поэтому я хотел взглянуть на портреты. — Адам кивнул в направлении альбомов. — К сожалению, ты сам видел, ни на одном из них нет подходящего артефакта.

— Но о человеке с таким именем и положением в обществе должны были остаться какие-то свидетельства, личные вещи, украшения...

— Согласен, только что? — ответил Синклер. — Если не считать креста, которого, возможно, уже не существует, остаются медальон и шлем. И то и другое хранится в замке Блэр. Проблема в том, что через несколько лет после смерти Клаверхауса могила была разграблена. В конце концов реликвии вернули, но их энергия была испорчена. И потом у меня нет уверенности, что вещи, выставленные в замке Блэр, подлинные.

— Понятно, — кисло улыбнулся Перегрин. — Какие еще артефакты могут взаимодействовать с ним? Вдруг нам удастся выяснить местонахождение означенного креста?

— Хороший вопрос, — сказал Синклер, направляясь к телефону. — Ответить на него нам поможет человек, близко знакомый с миром британских древностей и их собирателей.

Перегрин отметил, что, кем бы ни был загадочный абонент, Адаму не требовалось смотреть в записную книжку, чтобы вспомнить номер. Последовали два коротких сигнала, тихий щелчок, и зазвучал женский голос, принадлежавший, судя по гримасе друга,

автоответчику.

— Линдси, это Адам. Мне нужна информация о всех сохранившихся реликвиях Джона Грэхэма Клаверхауса, более известного как Бонни Данди, — быстро говорил Синклер. — Особенно важно выяснить, что стало с крестом тамплиеров, который, предположительно, был на Данди в момент смерти. Где его можно найти, если крест сохранился до настоящего времени? Буду благодарен за сведения о любых других артефактах, принадлежавших Клаверхаусу. Свяжись со мной как можно быстрее, информация нужна срочно.

Синклер повесил трубку и вернулся в кресло у камина. Перегрин взял альбом с портретом Кнеллера и задумчиво всматривался в невозмутимое лицо Бонни Данди.

— Я подумал, — произнес художник после того, как друг устроился в кресле напротив, — что не стоит терять времени. Пока твой Линдсей собирает информацию, мы можем съездить в Килликранк и побродить по полю битвы. Может, получится вызвать образ Данди и выяснить, действительно ли в тот день на нем был крест тамплиеров. Портрет поможет сконцентрироваться и установить контакт.

Адам обдумал предложение и покачал головой.

— Неплохая мысль, но для концентрации я бы предложил поехать в Блэр. Бонни похоронен неподалеку от замка, его останки покоятся в подземельях местной церквушки. Если бы мы знали точное место смерти Данди, шансов войти с ним в контакт на поле было бы больше, но даже в этом случае они весьма невелики.

— Я не подумал об этом, — признал Перегрин.

— Всего лишь потому, что ты не знал места его захоронения, — улыбнулся Адам. — Кстати, в замке можно взглянуть на медальон и шлем. При любом повороте событий в замке твои видения будут более определенными, чем в Килликранке, там их будет проще контролировать.

— Конечно, едем в Блэр, — энергично кивнул молодой человек, соглашаясь со словами Синклера. — Во сколько тебя разбудить?

Адам издал невольный смешок, растроганный юношеским энтузиазмом Перегрина.

— Не спеши, — охладил пыл друга Синклер, — некоторых из присутствующих по утрам ждут больные. Меня не было два дня. Кроме того, мне бы хотелось захватить с собой Ноэля, если у него найдется время. Во всяком случае, я постараюсь вытащить его завтра на ленч.

Глава 7

Незадолго до полудня Перегрин Ловэт забросил мольберт и куртку из оленьей кожи на заднее сиденье автомобиля и через буковую рощу отправился в загородное поместье Адама.

Было время, когда художник считал свои видения проклятием. В те дни он избегал брать с собой кисти и краски, чтобы не создавать картин, полных боли и ужаса. С тех пор, как, благодаря доктору Синклеру, он научился управлять своим даром, художник стал относиться к нему по-другому. Теперь он редко выезжал из дома, не взяв с собой хотя бы небольшой альбом и карандаши, тем более когда отправлялся куда-нибудь в компании сэра Синклера.

Ловэт оставил машину на усыпанном гравием тенистом дворе, неподалеку от входа в гараж, где стояли автомобили Адама и его собственный «алвис». Места было мало, и старенький зеленый «моррис» пришлось поставить снаружи. «Алвис» был подарком богатой поклонницы его таланта — леди Лауры, графини Кинтол. Перегрин был также обязан ей знакомством с сэром Синклером. Смерть графини повергла художника в депрессию и заставила искать у Адама профессиональной помощи.

Просунув голову в гараж, молодой человек полюбовался подарком, мысленно поблагодарив графиню — где бы ни была сейчас ее душа, — и направился к боковой двери дома, которой пользовались только близкие друзья Адама. У порога его встретила миссис Гилкрист, умелая и заботливая хозяйка, по-матерински нежно любившая «молодого мистера

Ловэта». Как обычно, предложив Перегрину чаю с ячменными лепешками, от которого тот со смехом отказался, она отправила молодого человека в библиотеку дожидаться Адама с Ноэлем. В иное время Ловэт с удовольствием бы принял предложение, но нужно было поторапливаться, чтобы попасть в Блэр раньше, чем солнце начнет клониться к западу.

Двадцать минут спустя низкое урчание двигателя дорогого автомобиля возвестило о прибытии хозяина. Наблюдая из окна за плавным движением «ягуара», Перегрин заметил в пассажирском кресле знакомую широкую фигуру. Ловэт был знаком только с одним человеком, обладавшим таким торсом, — с инспектором Маклеодом.

Художник вышел им навстречу. С точки зрения стороннего наблюдателя, мужчины едва ли могли быть друзьями или даже приятелями. Сэр Адам Синклер — баронет, известный психиатр, человек, обладающий огромными познаниями в области истории и археологии, — ко всем перечисленным достоинствам обладал великолепной внешностью. Изящное сложение и изысканная манера одеваться делали его образцом элегантности. Кроме того, сэр Адам обладал редким даром сохранять спокойствие даже в самых критических ситуациях. Маклеод, напротив, был жилистым и мускулистым, а резкость и неожиданные вспышки темперамента Ноэля долгое время заставляли Перегрин обходить инспектора стороной, пока они не познакомились ближе. Однако за фасадом внешней несхожести скрывалась крепкая дружба. Оба были опытными Охотниками, Хранителями мирового Порядка и Справедливости. Перегрин подозревал, что он — недавно посвященный член Ложи Хранителей и не знает всего масштаба их деятельности. Более того, ему, вероятно, еще только предстояло познакомиться с остальными членами местного отделения Ложи.

Старшие товарищи присоединились к Перегрину через несколько минут. Адам успел сменить официальный костюм на вельветовые брюки и свободного покроя рубашку с бахромой. Это одеяние чем-то напоминало наряд самого Ловэта. Твидовый костюм Маклеода также выглядел подходящим для загородной прогулки.

— Извини, что заставили тебя ждать, — сказал Адам, входя в гостиную, где Хэмфри уже успел накрыть ленч.

Покончив с печеным цыпленком и салатом, Маклеод приступил к рассказу о событиях, случившихся за ночь.

— До настоящего времени полиция Кипра не смогла подтвердить пребывание Анри Жерара на их территории, — потягивая белое вино, сообщил он. — Тревилл передал факсимиле его фотографии на паспорте, — добавил инспектор, передавая собеседникам сложенный лист бумаги. — Я разослал копии Фиппсу и в аэропорты Хитроу, Гатвик, Манчестер и Прествик. Признаю, шансов мало, но, может быть, его удастся перехватить. Если, конечно, мы не гоняемся за химерой... не исключено, что Жерар и впрямь бродит сейчас по кипрским лесам.

— Чутье мне говорит обратное, — возразил Адам.

— Мне тоже, — ответил Маклеод, — однако мы не вправе руководствоваться только чутьем.

Через двадцать минут, обогнув Перт, они свернули на северо-западное шоссе, ведущее к Питлохри. День был солнечным и ярким. Дорога постепенно поднималась в гору, и «рейнджровер» делал лишь шестьдесят миль в час. Оставив позади Питлохри, машина свернула на боковую дорогу и, миновав ущелье Килликранки, покатила по зеленым полям, некогда залитым кровью сражающихся шотландцев.

— Как видишь, здесь не на чем сосредоточиться, — обратился Адам к Перегрину, указывая на холмы. — Правда, в Национальной галерее есть экспозиция, посвященная битве, но она вряд ли подходит для наших целей.

Сразу за ущельем дорога раздваивалась. Они свернули на проселок, который привел их в деревню под названием Блэр Атолл. Свернув к замку, машина въехала в главные ворота

владения герцога Атоллского, старшего наследника клана Муррей. Замок царственно возвышался над липовой аллеей, темные скаты крыш и белоснежный шпиль придавали ему нереальный сказочный вид, за которым скрывались века кровавого прошлого. Над одной из башен развивался бело-голубой флаг Шотландии, но родового знамени не было — очевидно, герцог был в отъезде.

С непринужденной уверенностью частого гостя Адам вырулил на стоянку и затормозил в начале узкой тропинки, ведущей к калитке для посетителей. Выйдя из машины, Перегрин глубоко вдохнул свежий лесной воздух и решил накинуть куртку. На солнце было достаточно тепло, но ему не раз случалось выполнять заказы для богатых дворян, и он хорошо знал, как прохладно бывает в стенах старинных домов. Небольшой альбом и набор любимых карандашей заранее лежали в кармане, поэтому мольберт художник оставил в машине.

Прежде чем Адам успел представиться девушке, сидящей за столиком у входа, к нему подошел пожилой мужчина, облаченный в килт цветов клана Муррей.

— Сэр Адам Синклер! — воскликнул старик, расплываясь в улыбке. — Я не знал, что вы собираетесь к нам заглянуть. Как ваши дела?

— Спасибо, Дэйви, все хорошо, — с улыбкой ответил Адам, пожимая мужчине руку. — Ноэль, Перегрин, это Давид Александр, управляющий Его Светлости. Дэйви, позвольте представить вам моих друзей, главного инспектора сыскной полиции Ноэля Маклеода и мистера Перегрин Ловэта, чьи картины когда-нибудь украсят стены этого замка.

— Рад познакомиться, — ответил Александр, обмениваясь рукопожатиями с художником и полицейским. — Вы разминулись с Его Светлостью буквально на несколько часов. Утром он отправился в Лондон и вернется не раньше понедельника.

— Не беспокойтесь, Дэйви, я не ожидал застать герцога дома. По правде сказать, мы сегодня решили отдохнуть и немного побыть туристами. Перегрин хотел сделать серию набросков. Вы не возражаете, если мы просто погуляем по замку как обычные посетители?

— Конечно, — учтиво ответил управляющий. — Позвольте мне быть вашим проводником. Что особенно вы хотели бы посмотреть?

— Это очень любезно с вашей стороны, — улыбнулся Адам и со значением посмотрел на Перегрин.

— Что до меня, я бы взглянул на реликвии Бонни Данди, — небрежно откликнулся молодой человек, — он всегда был для меня героем. Насколько мне известно, в замке хранятся его шлем и медальон.

— Вы правы, — кивнул Александр, — они представлены в зале графа Джона. Идемте, я провожу вас.

Комната оказалось маленькой и темной, большую часть ее занимала огромная старинная кровать под красным бархатным балдахином. Стены украшала великолепная коллекция картин, на одной из которых был изображен сам граф Джон, верный сторонник английской монархии. По соседству висел портрет маркиза Монтроза, человека, который в 1644 году поднял королевский штандарт над замком Блэр. Тусклый шлем и пробитый пулей боевой медальон Данди крепились в ставне одного из окон. По правде сказать, след от пули появился не так давно — один из герцогов решил, что таким образом медальон будет выглядеть более реалистично. Под ними находилась бронзовая табличка, свидетельствовавшая о подлинности реликвий.

Предыдущая группа экскурсантов уже ушла. Чтобы дать Перегрину возможность сосредоточиться, Адам бесцеремонно утащил Александра в дальний угол комнаты, засыпав вопросами о каком-то ветхом плаще. Инспектор, в задумчивости бродивший по залу, как бы случайно загородил юного Ловэта, когда тот подошел ближе к окну.

Не обращая внимания на деликатно приглушенные голоса друзей, Перегрин сконцентрировал внимание на артефактах. Но его обостренные чувства не смогли уловить даже слабого резонанса. Вызвав в памяти образ Данди, каким он был изображен на портрете Кнеллера, юноша сделал вторую попытку. Вдруг перед его внутренним взором предстал медальон — еще без пулевого отверстия, — хотя не возникло даже нечеткого образа

человека, который когда-то носил его. Перегрин разочарованно вздохнул, возвращаясь к окружающей действительности.

— Увы, реликвии молчат, — заключил он.

Адам бросил в сторону молодого компаньона предостерегающий взгляд, призывая воздержаться от ненужных замечаний.

— Налюбовался? — обронил он шутливым тоном. — Тогда идем дальше.

Компания продолжила экскурсию по замку, неспешно проходя по залам, открытым для осмотра. Прислушиваясь к светской болтовне друзей, Перегрин пораился, с каким искусством Адам поддерживает разговор в нужном русле. Экскурсия завершилась полчаса спустя в Лиственничной галерее, названной так из-за породы дерева, которым были обшиты ее стены.

— Спасибо за приглашение, Дэйви, — с видом искреннего сожаления сказал Адам, отклонив предложение выпить чаю, — нам действительно нужно спешить. Мы хотели бы вернуться домой до темноты, а я еще обещал мистеру Ловэту показать церковь, где похоронен Данди. Был рад повидать вас.

Покинув замок, мужчины направились по узкой лесной дороге к церкви святой Бриды, от которой ныне остались одни руины. Тени заметно удлинились, когда они пришли на старое церковное кладбище. Вдалеке немногие посетители осматривали надгробия и, казалось, были полностью поглощены своим занятием. Следуя за товарищами по узкой тропке среди могил, Перегрин почувствовал едва уловимое покалывание в кончиках пальцев — отчетливое ощущение, что в этот раз они выбрали правильный путь. Сердце художника забилося быстрее, когда, миновав кладбище, они оказались у западного притвора разрушенного храма, ограду которого сплошь покрывал лишайник. Пройдя сквозь дверной проем с круглой аркой, мужчины ступили на выложенную плиткой дорожку, ведущую к месту, где некогда был главный алтарь. Правее, неподалеку от южного входа, на одном из камней виднелась мемориальная плита.

— Вот памятная доска, — сказал Синклер, быстрым шагом подходя к ней. — Сами останки, вероятно, находятся в склепе. — Он указал на стальной люк в полу, закрытый на тяжелый замок.

Перегрин посмотрел на люк, перевел взгляд на каменную плиту и начал вслух читать надпись, постепенно концентрируя внимание на внутреннем образе виконта Данди:

— Под этими сводами лежит прах Джона Грэхэма Клаверхауса, виконта Данди, павшего в битве при Килликранки двадцать седьмого июля 1689 года в возрасте сорока шести лет. Памятная плита была установлена в 1889 году сэром Джоном, седьмым герцогом Атоллским. — Перегрин озадаченно взглянул на Адама. — Сорока шести? Я всегда считал, что Данди умер раньше.

— Современные исследователи считают, что виконт родился летом 1648, следовательно, ему не могло быть больше сорока одного, — согласился Синклер.

Художник кивнул, окинул взглядом часовню и снова посмотрел на люк.

— Сейчас мы находимся непосредственно над останками, — сказал Адам. — Перегрин, попытайся сосредоточиться. Ноэль, покарауль снаружи, нам не должны мешать.

Маклеод беззвучно ретировался. Художник достал свой альбом, портрет Данди и, не отрывая глаз от входа в склеп, опустился на плоский камень возле мемориальной плиты. Адам присел рядом. Перегрин положил на колени портрет, открыл на чистой странице альбом и достал из кармана любимый карандаш.

— Я готов, — произнес он, всматриваясь куда-то поверх головы друга.

— Хорошо, — спокойно ответил Синклер. — Сегодня мы попробуем другой метод. Ты сосредоточишься на портрете и попытаешься установить связь с этим местом. Когда фокус твоего внимания переместится за изображение, описывай вслух то, что видишь.

Перегрин сделал глубокий вдох и стал плавно погружаться в состояние легкого транса.

— Я вижу человека, стоящего посреди темного леса, — тихонько пробормотал он спустя несколько секунд. — Это Джон Грэхэм Клаверхаус, виконт Данди, в доспехах. На

фоне деревьев его лицо кажется очень бледным...

Адам коснулся лба юноши. Окружающий мир подернулся дымкой, и Перегрин остался наедине с Бонни Данди, Темным Джоном Сражений.

— Темен лес, по которому тебе нужно идти, — зазвучал вдалеке голос наставника. — Ясно лицо человека, которого ты ищешь здесь. Войди в лес, где он ждет тебя. Его лицо сияет, как яркий светильник, оно освещает тебе путь сквозь тени времени...

Неясные видения, мелькающие перед затуманенным взглядом Перегрина, стали принимать более отчетливые формы. Ощущение присутствия друга успокаивало. Ведомый его голосом, юноша медленно пошел вниз по лестнице времени. Постепенно контуры образов стали яснее. Он по-прежнему находился в церкви святой Бриды, но происходящее в ней принадлежало другой эпохе. Двери склепа были открыты. Внутри него находилась группа вооруженных мужчин в доспехах, окружавших грубый деревянный гроб, накрытый пледами из шотландки. Горели факелы. Взгляд Перегрина остановился на фигуре покойного. Бледное неподвижное лицо, в целом, походило на портрет Кнеллера, но одновременно сохраняло черты молодого Данди, изображенного Мельвиллем. Кружевной воротник и темные, спадающие на плечи локоны были такими же, как на картинах. Посмертный костюм Клаверхауса состоял из кавалерийской кожаной куртки темно-желтого цвета и высоких сапог с ботфортами. В неровном свете факелов Перегрин отчетливо видел темно-красное пятно и отверстие с рваными краями в левом боку виконта — место, куда была нанесена смертельная рана.

Художник стал быстро зарисовывать увиденное. Лица собравшихся были ему незнакомы, хотя черты некоторых из них Перегрин знал по книжным описаниям. Один из присутствующих, привлекательный мужчина в такой же, как у покойного, темно-желтой кожаной куртке, по всей видимости, был Джеймсом Сетоном, графом Данфермлинским, ближайшим другом и соратником Клаверхауса. Другой походил на Патрика Стюарта Болчина, вассала Муррея, в доме которого тело виконта оставалось до погребения. Внешнее сходство с покойным и нескрываемое горе склонившегося над гробом человека не оставляли сомнений в личности Дэвида Грэхэма, младшего брата Данди. Грэхэм открыто плакал, по бледному худому лицу ручьями струились слезы. В правой руке он сжимал небольшой блестящий предмет — этот предмет, как магнит, притягивал взгляд художника. Перегрин приблизился и, когда воин приложил артефакт к губам, увидел покрытый малиновой эмалью крест длиной три дюйма на прочной золотой цепочке.

Отметив про себя — и на бумаге — это открытие, художник с интересом продолжал наблюдать за происходящим.

Воины стали закрывать тело пледами, но в этот момент граф Данфермлинский, во взгляде которого отражалась не меньшая, чем у младшего Грэхэма, печаль, взмахом руки остановил их. Достав из сапога маленький острый кинжал, он нагнулся над гробом и с благоговением отрезал длинный вьющийся локон волос покойного. Завернув реликвию в шелковый носовой платок, граф спрятал его в нагрудный карман.

Когда гроб скрылся за дверьми склепа, видение прошлого задрожало и растаяло. Перегрин оказался во тьме. Он еще несколько минут машинально продолжал наносить штрихи на бумагу, затем его рука безвольно повисла. Молодой человек плыл по реке времени, любое движение требовало титанического напряжения воли.

Через какое-то время его сознания достиг далекий голос Адама. Подчинившись настойчивому призыву, Перегрин стал медленно выбираться из глубин времени к миру реальной действительности. Достигнув границы, он почувствовал крепкую хватку Адама на своем запястье. Легкий удар чуть выше кисти вывел художника из транса. Со вздохом, словно пробудившись от глубокого сна, юноша потянулся.

Адам сидел рядом, в той же позе, в какой Перегрин оставил его, погружаясь в прошлое. Маклеод, упершись в колени руками, наклонился над ним. Нескрываемое беспокойство было написано на лицах друзей, сменившееся при виде его возвращения к настоящему облегчением. Ощущая себя совершенно пьяным, Перегрин выдавил слабую улыбку и перевел

взгляд на свои наброски. С нескрываемым удивлением он обнаружил, что три альбомных листа сплошь покрыты рисунками.

— Да, последние двадцать минут ты был сильно занят, — ободряюще усмехнулся Ноэль.

Пальцы художника слегка дрожали, как всегда после долгой напряженной работы во время транса. Спрятав карандаш в карман, Перегрин несколько раз встряхнул пальцами.

Адам потянулся к альбому. На первом листе была представлена общая картина погребальной церемонии, а на полях — портреты участников и набросок самого Данди, покоящегося в гробу. Следующий лист изображал Давида Грэхэма с крестом в руке и сам крест в натуральную величину. По форме — четыре расширяющихся по краям лепестка — артефакт вполне соответствовал символу, который носили рыцари Храма во времена крестовых походов, в отличие от современных тамплиеров, которые отдавали предпочтение мальтийскому кресту.

— Вот он, ваш крест, — тихо сказал Перегрин. — Вероятно, он был с Данди во время сражения. Полагаю, это подтверждает его принадлежность к Ордену.

— Согласен, — ответил Синклер.

Его взгляд упал на зарисовку, где граф Данфермлинский срезает прядь волос покойного друга. Адам был потрясен. Локон был не менее важен, чем крест тамплиеров.

Тем временем тени на земле становились длиннее. А Перегрин, несомненно, нуждался в отдыхе.

— Думаю, пора собираться, — обратился Адам к своим напарникам. — Мы узнали все, что было необходимо. Альбом закончим смотреть по дороге. Надеюсь, в Стратмурне найдется место, где подают горячий чай...

Глава 8

Перед тем как отправиться домой, друзья свернули в Блэр Атолл, где их напоили горячим чаем. По дороге художник хранил молчание. Теперь, когда радость открытия прошла, Перегрин осознал, что они ни на дюйм не приблизились к разгадке тайны Печати. До тех пор, пока не появится возможность завладеть крестом Данди, от подтверждения его существования было мало практической пользы. Локон волос открывал второй путь, но существование пряди также под вопросом, ведь волосы куда более хрупкая материя, чем металл. Нет никакой уверенности, что эти артефакты уцелели за три века, минувших с момента погребения. Однако лишь они могли дать надежду на установление контакта с тонкой субстанцией, которая когда-то была Джоном Грэхэмом Клаверхаусом, и пролить свет на загадку, решить которую Охотники пока не в силах.

Ловэт подумал об установлении связи с Данди непосредственно на его могиле, но тут же оставил эту идею, сомнительную как с технической, так и нравственной стороны. Кроме того, могила однажды, если не больше, была потревожена грабителями, а одна из легенд даже гласила о том, что прах Данди в 1805 году перенесли в деревню Старый Олень в графстве Абердин. Само существование этой легенды ставило под вопрос подлинность останков. И даже если дух Джона Клаверхауса согласится говорить с ними, мысль об использовании праха вызывала у Перегриня неприятный холодок в спине. Юноша еще не забыл, как меньше года назад Черная Ложа Магов потревожила дух волшебника Майкла Скотта в аббатстве Мелроуз. Предательски заключенный в клетку собственного мумифицированного трупа, он томился там, пока Адам не нашел способ освободить его от заклятия. Безусловно, Данди не грозила такая страшная участь, тем не менее Перегрин считал этот метод ужасным.

— Адам, что ты намерен предпринять, если артефактов Данди больше не существует? — спросил Ловэт, когда машина свернула на шоссе к Стратмурну.

— Я думал об этом, — отозвался Синклер, — и возлагаю все надежды на Линдси. В крайнем случае проверим замок Клейпот, что неподалеку от Данди — города, разумеется. За

триста лет там ничего не изменилось; мебель, конечно, не сохранилась, но кладка осталась нетронутой.

— Мы поедем туда... и что? Попытаешься связаться с ним посредством Ноэля? — настороженно поинтересовался Перегрин. — Думаешь, получится?

— Все может быть, — ответил за Адама Маклеод. — Конечно, процедура эта непроста и малоприятна, зато успех весьма вероятен. Хотя я надеюсь, что Адаму не придется прибегнуть к этому.

— Не могу исключить такой возможности, — усмехнулся Синклер. — Впрочем, подождем еще пару дней. Либо Линдсей, либо полиция что-нибудь раскопают.

Когда друзья подъехали к Стратмурну, уже смеркалось. Адам, пригласив всех к себе на ужин, повернул на подъездную аллею и потянулся к панели дистанционного управления, чтобы включить внешнее освещение... и неожиданно осознал, что огни уже горят, а возле крыльца поблескивает хромом шикарный спортивный автомобиль с загнутыми книзу крыльями.

При виде экзотических очертаний машины глаза Перегрина расширились.

— Вот это дизайн! — выдохнул молодой человек. — Кто же ездит в гоночных автомобилях, сделанных на заказ? Потомки герцогов Ломбардии?

Адам иронично кашлянул.

— Ты сильно удивишься, если я скажу, что он принадлежит одной моей знакомой, большому специалисту по античности.

— Я потрясен, — заявил Перегрин, выходя из машины. — Ты имеешь в виду Линдси?

— Именно, — ответил Адам, выключая зажигание. — Судя по тому, что дама взяла на себя труд приехать лично, ей удалось узнать что-то действительно важное.

Гостя ожидала их в библиотеке, потягивая аперитив, любезно предложенный Хэмфри. Находясь под впечатлением от автомобиля, Перегрин был готов увидеть кого угодно, но то, что открылось его глазам, превосходило все ожидания. Девушка была не просто красива, она была восхитительно красива. Лишь с некоторым опозданием Ловэт осознал, что их представили. Ухватив окончание фразы, он пробормотал:

— Я очарован, мисс Ориани.

Линдси Ориани была лишь на дюйм ниже шести футов¹ и стройна, как молодая лань. Изящество ее фигуры подчеркивал элегантный брючный костюм кремового цвета.

— Приятно познакомиться, мистер Ловэт, — протягивая ошеломленному художнику ухоженную руку, девушка бросила на него ироничный взгляд.

Поддавшись порыву, Перегрин попытался поднести ее руку к губам, но Линдси непринужденно обратила жест в рукопожатие, оказавшееся по-мужски уверенным и твердым. Несмотря на внешнюю хрупкость, в поведении мисс Ориани была некая двойственность, которая ставила Ловэта в тупик. Он попытался определить ее источник, однако в этот момент Адам предложил садиться. Втроем они перешли к камину, в котором уже играл огонь. На столике дворецкий предусмотрительно оставил легкие напитки. Два глотка коньяка помогли Перегрину восстановить самообладание. Линдси позволила обновить свой кампари, и к тому времени, когда Синклер перешел к делу, художник уже был готов выслушать все, что бы она ни сказала.

— Думаю, ты догадался, что я нашла интересующую тебя информацию, — произнесла Линдси, обращаясь к Адаму. — Мне удалось выяснить местонахождение двух артефактов, связанных с личностью Джона Грэхэма Клаверхауса. Однако заранее предупреждаю, что не могу поручиться за их подлинность. Первый — перстень с прядью его волос — принадлежит Фионе Моррисон из Ивернесса, второй — золотой крест, покрытый красной эмалью, — находится в Кенте, у отставного бригадного генерала, некоего сэра Джона Грэхэма, потомка младшей ветви дома Клаверхаусов.

В неровных отблесках пламени лицо Синклера выглядело крайне заинтересованно. При упоминании о перстне у Перегрин отвисла челюсть и оставалась в таком состоянии все

¹ 1 фут = 30,48 см.

время, пока девушка описывала крест.

— Восхитительно, — прожурчал Адам, с усмешкой покосившись на художника. — Тебе удалось связаться с кем-нибудь из владельцев?

— Да, сначала я созвонилась с мисс Моррисон, поскольку она живет в Шотландии. Представив свои рекомендации, я объяснила, что действую от имени некоего сэра Синклера, который пишет статью для Королевского общества антикваров о ранее неизвестных реликвиях, связанных с личностью виконта Данди. Сэр Синклер надеется, что мисс Моррисон позволит ему осмотреть кольцо для успешного завершения работы... Коротко говоря, леди согласилась временно передать его тебе для изучения. — Линдси сделала паузу и добавила с ироничной усмешкой: — Общество будет с нетерпением ожидать статью, поэтому тебе, как человеку слова...

— А что насчет сэра Джона? — невозмутимо продолжил Адам.

На лицо девушки набежала тень.

— О, сэр Джон оказался менее сговорчивым. Я вообще сомневалась, стоит ли звонить ему, не предупредив тебя.

— Зачем? — удивленно приподнял бровь Адам. — Ты же знаешь, что я полностью тебе доверяю.

— Ты не дослушал, — мягко перебила его Линдси, сверкнув сапфировыми глазами. — Я навела справки о Джоне Грэхэме. Как выяснилось, он не просто отставной офицер, а, во-первых, бывший разведчик, во-вторых, занимается эзотерическими учениями, насколько я поняла.

— В самом деле? — Адам помрачнел. — То есть он на стороне Оппозиции?

— Вовсе нет, — поспешила развеять его сомнения девушка, — из последующих слов Грэхэма стало ясно, что он придерживается совершенно другой Традиции, но тоже предан Свету. Говорят, что способности сэра Джона огромны и он вне подозрений. Тем не менее шутить с ним не стоит.

— В Игре шутить вообще не стоит, — коротко бросил Синклер. — Надеюсь, ты была достаточно искренней.

Сапфировые глаза Линдси сверкнули холодом.

— Я сказала ему, что ты хочешь осмотреть крест для предотвращения преступления, находящегося вне сферы обычного законодательства. Не знаю, какие выводы сделал сэр Джон, однако сегодня вечером он будет ждать твоего звонка. Не исключено, что он слышал о тебе, во всяком случае, о твоих профессиональных заслугах. Договориться о встрече с ним не удалось.

Адам бросил взгляд на каминные часы и поднялся с кресла.

— Что ж, не будем заставлять джентльмена долго ждать, тем более что мы заинтересованы в нем. У тебя есть его номер?

— Конечно. — Девушка протянула визитную карточку. На обратной стороне карандашом были написаны две строчки. — Первый — телефон сэра Джона, второй — мисс Моррисон.

— Хорошо, — кивнул Адам, — я ненадолго оставляю вас. Перегрин, покажи мисс Ориани свои наброски. Линдси, отнесись к ним внимательно, уверяю тебя, мистер Ловэт не так прост, как кажется, — с усмешкой добавил он, выходя из библиотеки.

Перегрин открыл альбом и, не говоря ни слова, протянул его Линдси. Откинувшись в кресле, художник наблюдал за девушкой. В полумраке комнаты стекла очков скрывали прищур его глаз, поэтому он позволил себе заглянуть в глубины прошлого Линдси. Без удивления Ловэт всматривался в череду образов, уходящих вниз по лестнице Времени, его поразило лишь то, что в большей части своих прошлых жизней мисс Ориани воплощалась мужчиной, а не женщиной. Такая смена пола была совершенно нетипичной. Например, фигурами, определяющими индивидуальность Адама Синклера, являлись образы египетского первосвященника и рыцаря-тамплиера, находившиеся в полной гармонии с его современным воплощением. В личности же Линдси доминировал образ худошавого

мускулистого офицера в форме гусара, что объясняло сопутствовавший девушке ореол мужественности и нарочитую манерность поведения. Возможно, потому она так резко отреагировала на попытку поцеловать ей руку.

В этом был смысл. Они как-то обсуждали с сэром Синклером смену пола в череде реинкарнаций; Адам утверждал, что, перевоплощаясь, человек обычно сохраняет пол, присущий ему в прошлой жизни. С того времени единственным встретившимся Перегрину исключением была девочка по имени Джиллиан Толбэт — современная инкарнация шотландского волшебника Майкла Скотта. По всей видимости, Линдси Ориани являлась вторым примером, но в ее случае эхо предшествующих воплощений было чрезвычайно сильным. Вероятно, однажды девушке, как и самому Перегрину, приходилось обращаться к доктору Синклеру за профессиональной помощью, чтобы ослабить это влияние. Разумеется, она встретила понимание и обрела уверенность, которую получал каждый, кто имел дело с Адамом.

— Очень интересно, мистер Ловэт, — сказала вдруг Линдси, поднимая глаза. — Вы предугадали мои находки. Похоже, мы играем на одной стороне.

Перегрин улыбнулся и пожал плечами.

— Целиком заслуга Адама. Я обязан ему всем, что умею сейчас. Он научил меня управлять своим даром.

— Да, в этом он силен, — слабая улыбка тронула губы девушки, — но и вы тоже не промах. Положим, о кресте вам было известно до поездки в Блэр, а о локоне — нет.

Перегрин отрицательно качнул головой.

— Похоже, удача на нашей стороне, — объявил Адам, входя в комнату. — Сэр Джон любезно пригласил нас к себе в понедельник. Нозль, ты сможешь отпроситься с работы на пару дней?

— Да, в выходные у меня дела в Лондоне, а в понедельник я свободен.

— Хорошо, — кивнул Синклер. — Перегрин, как ты?

— Есть сомнения? — спросил молодой человек.

— Выходит, ты согласен, — дружелюбно ухмыльнулся Синклер.

Линдси издала довольный смешок, от чего Перегрин окончательно смутился и замолчал.

— Может, стоит попытать счастья также и с мисс Моррисон? — предложил Маклеод.

— Я звонил ей, но мне никто не ответил. Попробую после ужина. Ты присоединишься к нам, Линдси? Хэмфри утверждает, что стол уже накрыт.

Девушка отрицательно покачала головой и залпом допила кампари.

— Спасибо за приглашение, но я откланиваюсь. Мне нужно возвращаться в Глазго, Вэл ждет меня на романтический ужин. Я обещала не опаздывать.

— Что ж, не смею стоять на пути, — галантно ответил Адам. — Вэл огромный привет.

Линдси улыбнулась и тряхнула огненными волосами.

— Непременно передам. Звони, если что. Я регулярно прослушиваю автоответчик. — Девушка направилась к двери. — Не провожай меня, Адам... Была рада познакомиться, мистер Ловэт. Чао, Нозль.

— Какая женщина, — задумчиво пробормотал Перегрин, едва дверь захлопнулась. — Кто бы ни был этот Вэл, ему чертовски повезло.

— Да, Линдси нашла достойного человека. Они вместе уже много лет, — сказал Синклер нейтральным тоном.

Неожиданно Перегрину пришла в голову мысль, что имя Вэл может принадлежать и женщине. Судя по тому, что он видел в ее прошлом, в этом не было ничего странного.

— Я вижу, ты догадался об истине, — заметил Адам. — Тебя это беспокоит?

— Меня? — ответил Ловэт, немного удивленный тем, что они обсуждают эту тему. — С чего ты взял? Я видел ее прошлое, оно написано на ее лице.

— Тебя интересует, почему прошлое неотступно преследует ее? Честно сказать, я и сам не знаю, — с грустью произнес Адам. — Но она приняла себя такой, какая она есть, и нашла

способ получать удовольствие от жизни. Это большой успех... Мы идем ужинать? Думаю, Хэмфри уже в нетерпении.

Глава 9

В то время как Адам со своими друзьями ужинал в Стратмурне, худой человек с темными лоснящимися волосами и тонкими усиками вошел в захудалый отель на окраине Эдинбурга и потребовал номер на ночь. Получив ключ, постоялец прошел в комнату, крепко запер за собой дверь и зажег тусклую одинокую лампочку на шестьдесят ватт. Мужчина подошел к окну, задвинул шторы и водрузил на кровать небольшой чемодан, на крышке которого виднелись буквы «А.М.Ж.». В регистрационной книге значилось имя Гиллар Морис Гренье, совпадающее с подлинным именем лишь инициалами.

Анри Марсель Жерар¹ критически оглядел скудную обстановку. Не считая кровати, комната могла похвастаться разве что тумбочкой, на которой красовалась старая лампа, гардеробом с зеркальной дверью, парой неуклюжих кресел и дешевым кофейным столиком. Последний стоял напротив электрокамина. По своей воле Жерар никогда бы не поселился здесь. Утешая себя мыслью, что скоро все богатства мира будут к его услугам, он извлек из чемодана полосатую пижаму и небольшую сумочку с бритвенными принадлежностями. Среди одежды были видны две тяжелые кожаные книги и массивный предмет размером с ладонь, завернутый в несколько шелковых носовых платков. Еще раз подозрительно оглядев комнату, Жерар задумчиво побарабанил пальцами по упакованному предмету, затем начал разбирать вещи. Он выложил на стол два тома, включил камин. Убедившись, что тот стал нагреваться, вынул из чемодана шелковый сверток и, усевшись в самое удобное кресло, погрузился в мечты, которые вскоре обещали стать реальностью.

С тех пор как Жерар узнал о Печати, ничего другого он уже не желал так страстно. Теперь она была в его руках. Судьба допустила ужасную ошибку — на протяжении стольких лет Печать находилась у невежественных Финнсов, которые даже не подозревали, каким сокровищем они обладают. Он, Анри Жерар, был просто обязан вмешаться и освободить их от этого бремени. Такой могущественный артефакт, как Печать царя Соломона, должен принадлежать тому, кто сумеет использовать его, в благих целях, разумеется. Идиот Финнс пытался помешать ему, вел себя как та собака на сене, которая и сама не ест, и другим не дает. Совесть Жерара была спокойна, он вовсе не желал старику смерти. Не его вина, что Финнс получил больше, чем заслуживал.

Многokrатно француз убеждал себя в собственной невиновности, но непрощенный образ старика, сползающего по перилам с проломленной головой, вновь и вновь вставал у него перед глазами. Чтобы выбросить это из памяти, Жерар постарался представить, какое влияние и силу он обретет, когда воплотит свой давний сон.

Он приснился ему еще в детстве и с тех пор повторялся так часто, что Жерар стал считать его пророчеством. В этом сне он видел себя не скромным ученым с ограниченными средствами и посредственной репутацией, но могущественным королевским советником. Само собой возникло имя: Гийом де Ногар, Хранитель Печатей, доверенное лицо Филиппа Красивого. Де Ногар обладал несметным богатством и огромным влиянием, власть его была так велика, что ему не мог противостоять никто, даже рыцари Храма. Именно он убедил Филиппа начать кампанию против тамплиеров, которая закончилась ликвидацией Ордена. В своих сновидениях Жерар — де Ногар — председательствовал на многих процессах и выслушивал показания свидетелей, обвинявших тамплиеров в содомии и колдовстве.

Уверенность Жерара в виновности тамплиеров была непоколебимой. На этой основе он построил свою научную карьеру, однако до последнего времени ничего не предвещало изменений в его судьбе — до знакомства с профессором Финнсом. Сотрудничество с ним открыло Жерару доступ к ранее неизвестным материалам, имевшим отношение к сокровищам тамплиеров. Богатства Ордена, не доставшиеся ни Филиппу, ни де Ногару,

¹ Во французском языке инициалы имени Hilaire Mourice Grenier соответствуют Henri Marcel Gerard.

могли оказаться в его руках.

Сон направлял Жерара. Ему удалось найти два письменных свидетельства, что рыцари владели некой таинственной шкатулкой, которая находилась под неусыпной охраной со дня основания Ордена. Считалось, что на шкатулку наложено заклятие, снять которое может только Хранитель Печати. Один из свидетелей утверждал, что в ней заключена лишь малая часть сокровищ тамплиеров, но ценность их больше, чем вся остальная собственность. В сравнении с этим книги магии и руководства по волшебству, которые помогли Ордену стать самой могущественной организацией в мире, ничего не стоили.

Де Ногар не сомневался в истинности этих свидетельств. Но настоящей причиной, побудившей советника начать кампанию против Ордена, были деньги и власть, которые сулила его ликвидация. Однако ни шкатулку, ни золото так никогда и не нашли. Когда королевские сенешали¹ ворвались в сокровищницы Ордена, те оказались пустыми. Никто, даже Ногар, не мог заподозрить, что ныне стало известным Жерару — ключом к тайне была Печать царя Соломона. Спустя более трех веков он, Анри Жерар, почти одержал победу там, где потерпел поражение де Ногар. Печать сулила ученому богатство, превосходящее то, которым владел королевский фаворит. Оставалось найти место, где хранятся сокровища. Исследование Натана и собственные догадки ученого указывали, что тайник нужно искать в Шотландии, куда флот тамплиеров прибыл из Франции. Жерар чувствовал, что близок к цели.

Положив Печать на кофейный столик, он открыл одну из книг, оказавшуюся трактатом по теории и практике каббалистической магии на иврите, и углубился в чтение. Старый Натан Финнс никогда бы не осмелился использовать каббалу в корыстных целях, но он был мертв, а Жерар шел ва-банк в этой последней, решающей схватке с Судьбой.

Глава 10

Утром пятницы, после традиционно легкого завтрака, Адам просматривал свежий номер «Шотландца». Он ждал, когда наступит удобное время для звонка совершенно незнакомому человеку. Ровно в девять часов Синклер встал из-за стола и набрал номер Фионы Моррисон. Наконец в трубке раздался звонкий женский голос.

— Рада слышать вас, сэр Синклер, — прошептала Фиона после того, как Адам представился, — мисс Ориани предупредила, что вы перезвоните. Простите, вечером телефон не отвечал. Обычно я рано ложусь спать и отключаю его. Если я правильно поняла, вы хотели бы увидеть перстень Данди?

— Совершенно верно, мисс Моррисон, — подтвердил Адам. — Мисс Ориани говорила вам, что я работаю над статьей для Королевского общества антикваров?.. Вы не против, если я заеду после полудня, чтобы взглянуть на кольцо?

— О нет, это совершенно невозможно, — живо отозвалась женщина, — племянница обещала сегодня привезти своих малышей, а я не видела их целую вечность. К тому же на выходных я буду в Эдинбурге, чтобы присутствовать на инвеституре Общества тамплиеров в соборе святой Марии, — добавила она в тот момент, когда Синклер приготовился попытать счастья во второй раз, — но мы могли бы где-нибудь встретиться. Вы, конечно, знаете, что Данди был тамплиером? Говорят, во время битвы при Килликранки он надел Великий Крест Ордена!

— Да, я слышал, — ответил Адам. — Как удачно, что вы едете в Эдинбург. Я, по правде сказать, тоже собирался пойти на инвеституру.

— Замечательно, тогда я захвачу перстень... Ах, простите, ко мне кто-то пришел. Буду с нетерпением ждать встречи с вами, сэр Адам.

И прежде чем Адам ответил, мисс Моррисон повесила трубку. Постояв в нерешительности, Синклер заключил, что отсрочка на день ничего не изменит, поскольку встреча с Джоном Грэхэмом все равно состоится не раньше понедельника. Обстоятельства

¹ Сенешаль — королевский чиновник, глава судебно-административного округа на юге Франции.

складывались весьма удачно, и это наводило на мысль, что они продвигаются в верном направлении. Между тем нужно было возвращаться к повседневным делам. Подавив раздражение, Адам отправился в больницу выполнять служебные обязанности.

Около полудня позвонил Маклеод, сообщив, что с этого дня Анри Жерар официально находится в розыске, и инспектор ожидает ответа от иногородних коллег. Помимо этого, у него огромное количество работы в Управлении. Перегрин начал новую картину, чтобы хоть чем-то занять себя во время вынужденного бездействия.

Время будто застыло. Ожидание утомляло, его не скрашивали даже занятия с самыми блестящими студентами.

В четыре часа телефон продолжал молчать. От Маклеода новостей не было. В половине пятого, преодолев желание позвонить своему Второму, Адам провел рабочее совещание и уехал домой, чтобы принять душ и побриться.

Наступивший вечер не принес никаких перемен. Адам с досадой думал о предстоящем ужине с четой Фрейзеров, а мысль о совместной поездке в театр не вызывала в нем ничего, кроме отвращения. В иное время несколько часов в компании старых друзей доставили бы ему огромное удовольствие, но сейчас Синклер был не способен развлекаться и тем более достойно отвечать на бесконечные попытки Дженет устроить его судьбу. Все надежды Адам возлагал на сэра Мэтью, чье присутствие обычно несколько сдерживало пыл супруги, однако того совершенно неожиданно вызвали в Бостон на медицинский симпозиум. В последний момент Синклер пригласил Перегрин с Джулией в надежде, что они отвлекут на себя внимание Дженет. Молодые люди встречались уже почти год, и Адам подозревал, что вскоре одним холостяком в Эдинбурге станет меньше.

Заехав в Бентли, Адам забрал миссис Фрейзер и направился в отель «Каледония», где был заказан столик на четыре персоны. Перегрин и Джулия пока не приехали, и Адаму пришлось в одиночку отражать матримониальные атаки Дженет.

— Какой чудесный вид! — воскликнула женщина, с непревзойденным изяществом опускаясь на стул возле окна. — Должно быть, это самое романтическое место в Эдинбурге! Какая жалость, что ты наслаждаешься им лишь в моей компании! Ах, Адам, я обожаю твое общество, но меня убивает мысль о том, что на этом месте сейчас не сидит твоя прекрасная Ксимена. В глубине души ты ведь тоже так думаешь, верно? — лукаво добавила она.

Спокойный взгляд Адама стал ледяным.

— Ты заставляешь меня быть невежливым, Дженет.

— Совсем нет, — весело отозвалась женщина, — я заставляю тебя быть тем, кем ты на самом деле являешься, — влюбленным мужчиной. Интересно, что у них сегодня вечером... Как полагаешь, для оленины еще не сезон? — поинтересовалась Дженет, изучая меню.

Адам сделал вид, что полностью поглощен выбором блюд. Девушку, о которой говорила миссис Фрейзер, звали Ксимена Локхарт. В декабре прошлого года Синклер попал в аварию, и они встретились в операционной Королевской эдинбургской больницы, где Ксимена работала хирургом-консультантом. Взаимная симпатия со временем переросла в глубокую романтическую привязанность. Они даже поговаривали о свадьбе, хотя оба понимали, что согласовать профессиональные интересы им будет достаточно сложно. Внезапная болезнь отца вынудила Ксимену прервать контракт с больницей и вернуться в Калифорнию. Их с Адамом отношения словно повисли в воздухе. Длительная разлука заставила обоих пересмотреть свои чувства. Дело осложнялось тем, что бремя переезда ложилось полностью на плечи Ксимены. Специалисту уровня и репутации доктора Синклера были бы рады в любой клинике Америки, но Адам был привязан к Шотландии узами более прочными, чем обеты брака. Девушка пока не знала об этом.

— Да, оленины у них нет, — радостно заключила миссис Фрейзер и сразу без перехода добавила: — Бессмысленно сидеть на одном месте и печалиться, это ее не вернет.

Адам выдавил из себя подобие улыбки. Боль потери и тоска пробудились в нем с новой силой. Не желая демонстрировать этой излишне любопытной женщине глубину своих чувств, сэр Синклер лишь пожал плечами.

— Не буду отрицать, я скучаю по Ксимене, — небрежно заметил он, — однако жизнь продолжается.

Легкомыслие друга задело Дженет. Она обиженно замолчала, но, внимательно посмотрев Адаму в глаза, взяла его за руку и тихонько сказала:

— Не позволяй ей уйти. Женись, если ты действительно любишь свою американку. Мы бы все очень хотели видеть тебя счастливым.

Дженет говорила искренне. Адам задумчиво молчал, не зная, что ответить. Из глубин памяти всплывали слова матери, сказанные в первые дни его инициации: «Адепт обречен на одиночество. По этому пути нужно идти одному. Не только во имя Дела, но ради безопасности тех, кого ты любишь». Опыт минувших лет показал, что это — суровая правда.

— Если бы мое счастье зависело только от свадьбы... — вслух промолвил Адам. — Боюсь, оно зависит также от многих других причин.

— Никто не спорит, Адам, — со строгостью старшей сестры произнесла Дженет, — хотя о желаниях тоже не следует забывать! Ты, конечно, скажешь, что существуют тысячи вещей, имеющих первостепенное значение. Допустим, я даже соглашусь с этим, но хотя бы раз в жизни подумай о себе!

Раньше Дженет никогда не говорила с такой настойчивостью, и лишь появление Перегрин с Джулией спасло Синклера от неприятного разговора.

— Джулия, сегодня ты просто великолепна, — непринужденно обратился Адам к девушке, в то время как сияющий Перегрин приветствовал миссис Фрейзер.

Прибывшие были в вечерних туалетах: Перегрин в черном смокинге с галстуком, Джулия — в длинном облегающем платье из голубого шелка и белых перчатках на миниатюрных руках. С их появлением за столиком воцарилась атмосфера возбужденного ожидания. Казалось, молодые люди что-то задумали. От внимания Адама не ускользнули лукавые взгляды, которыми они обменивались через стол. Несомненно, Дженет тоже заметила их.

— Вы выглядите, как пара сиамских котиков, только что съевших канарейку, — воскликнула леди. — Вы сами все расскажете, или нам с Адамом придется вытаскивать из вас признание силой?

Довольно усмехнувшись, Перегрин перевел взгляд на Джулию.

— Ну, кто будет говорить, ты или я?

Глаза девушки сверкнули той же синевой, что и сапфиры в ее золотисто-рыжих волосах.

— Я лучше покажу, — ответила она, снимая левую перчатку.

Сияние бриллиантового сердца, обрамленного ободком из кроваво-красных рубинов, провозгласило новость не менее красноречиво, чем это могли бы сделать слова.

— Вы помолвлены! — восторженно вскричала леди Дженет.

— И когда же произошло сие знаменательное событие? — с легкой грустью поинтересовался Адам.

— Мы думали об этом уже довольно давно, — ответил Перегрин, заливаясь краской, — но официально помолвка состоялась только сегодня утром. Это кольцо принадлежало еще моей бабушке.

— Ах, как я рада за вас обоих! — импульсивно сказала миссис Фрейзер, наклонясь через стол, чтобы пожать руку Джулии. — Вы уже назначили дату свадьбы?

— Скорее всего весной... день еще не выбран, — ответила девушка и, послав жениху смеющийся взгляд, добавила: — Мы непременно сообщим вам, леди Дженет.

Синклер встал и с сияющей улыбкой протянул Перегрину руку.

— Поздравляю, друг мой, — сердечно произнес он, — от всей души поздравляю. Джулия, дорогая, — целуя невесту в щеку, продолжил Адам, — я искренне рад за вас. Что бы будущее ни сулило вам, — он жестом подозвал официанта, — эта новость достойна шампанского!

Ужин прошел в атмосфере радости и веселья. В том же приподнятом настроении компания отправилась в театр, и, пока не погасли огни, Адам гнал от себя безрадостные

мысли о крушении собственных надежд на счастье и невыполнимой задаче, тяжким бременем легшей на его плечи. Однако тревожащие душу звуки «Валькирии» вернули Адепта к мрачным раздумьям. До сих пор поиски Печати не принесли никаких результатов. Жерар сгинул в безвестности. Плюс ко всему, словно эхо музыкальной фразы, на краю сознания билась мысль о Ксимене. Она не покидала Синклера до конца представления, и позже, уже проводив Дженет домой, он невольно продолжал сравнивать проведенный вечер с множеством других вечеров, когда в темноте зрительного зала рядом с ним сидела Ксимена, вслушиваясь в божественные звуки оркестра. Ее незримое присутствие ощущалось в машине, в кабинете, везде, где им доводилось бывать вместе. Выходя из машины у ворот дома, Синклер поймал себя на мысли, что подсчитывает разницу во времени между Шотландией и Калифорнией.

Отказавшись от чая, Адам поднялся в спальню и сел на кровать. Некоторое время он в нерешительности смотрел на телефон, потом снял трубку и быстро набрал номер. После третьего гудка Синклер внезапно нажал на «отбой», в отчаянии обхватив голову руками. Смысла звонить не было. Разговор принесет временное облегчение и лишь приглушит тоску одиночества, притупив вместе с тем и готовность к встрече с противником. В том, что она состоится, Адепт не сомневался. Он надеялся, что похитителя удастся остановить раньше, чем случится что-то непоправимое. Печать царя Соломона, если это в действительности она, обладала огромной разрушительной силой и хранила мир от ужаса, который даже Адам не решался назвать по имени.

Глава 11

Субботнее утро выдалось ясным, но ближе к полудню поднялся ветер и небо затянуло тучами. Вечером следовало ждать дождя. Неустойчивая погода растревожила пациентов психиатрического отделения, лишь врожденная чуткость и большой опыт позволили доктору Синклеру без труда успокоить своих подопечных. Завершив обход, Адам выпил с ассистентами кофе и уехал домой, чтобы принять душ и сменить деловой костюм на что-нибудь более подходящее к случаю.

Сегодня многое зависело от мисс Моррисон и ее согласия одолжить им перстень Данди — при условии, что хранившийся в нем локон действительно был срезан с головы виконта. Если прядь окажется подлинной, она станет прочной связующей нитью между ними и духом Темного Джона. Большей силой обладала только кровь, однако в силу объективных причин достать ее не представлялось возможным. Дело осложнится, если мисс Моррисон откажется передать кольцо даже на время. Хотя и при таком раскладе остается надежда, что Перегрин осмотрит артефакт на месте, а позже зарисует все, что открылось его внутреннему зрению. Это позволит избежать ненужного постороннего любопытства. И в любом случае существовал крест, который тоже пока не стоило сбрасывать со счетов.

По дороге к Перегрину Синклер продумывал возможные варианты развития ситуации. Погода еще не совсем испортилась, поэтому Адам опустил верх машины, чтобы в полной мере насладиться видом города. Для поездки на инвеституру он облачился в красно-серое — цвета клана Синклеров. Голову Адама венчал широкий красно-белый берет, два орлиных пера указывали на то, что их носитель является вождем клана. В складках кильта на поясе поблескивала рукоять кинжала с крупным бледно-голубым камнем. В целом, кинжал был обычным элементом шотландского костюма, но Адам использовал его, как и перстень с сапфиром, в магических целях.

Затормозив у дома художника, Синклер нетерпеливо посигналил. Дверь тотчас распахнулась, и на пороге появился сияющий Перегрин с внушительных размеров папкой подмышкой.

— Привет, Адам, — радостно объявил он и, захлопнув дверь, стремительно сбежал по ступенькам.

По случаю торжества Ловэт надел светло-коричневый кильт, который великолепно

гармонировал с песочного цвета жилетом и такой же курткой. Забросив папку на заднее сиденье, молодой человек сунул ключи в поясную сумку, открыл дверь и непринужденно опустился в пассажирское кресло рядом с Адамом.

— Похоже, я выбрал правильный костюм для сегодняшнего вечера, — довольно заключил он, окидывая друга оценивающим взглядом.

— Несомненно, — улыбнулся Адам. — Берет на заднем сиденье. Надевай, если хочешь. Я пока не буду поднимать верх — может, это последний погожий денек этой осенью.

Поблагодарив, Перегрин нахлобучил берет, лихо заломив его набок, и довольный откинулся на спинку кресла. «Ягуар» плавно выехал на автостраду, ведущую к собору.

— Итак, — сказал молодой человек, высунув одну руку из окна машины, — мне никогда раньше не доводилось бывать на такого рода мероприятиях. Нужно соблюдать какие-то особые правила?

— Никаких особых правил, — усмехнулся Адам, — обычная церковная служба, и, насколько я помню, довольно простая. — Он обернулся и многозначительно посмотрел на папку. — Ты, вижу, во всеоружии.

— Это еще не все, — рассмеялся Перегрин и кивнул на поясную сумку, — здесь лежит блокнотик и пара карандашей. Правда, я не уверен, этично ли рисовать во время церемонии.

— Думаю, ты зря беспокоишься, — ответил Адам, — это не более оскорбительно, чем проводить фотосъемку. Если ты, конечно, будешь благоразумным, — добавил он, многозначительно покашливая. — Мне кажется, большинству собравшихся польстит твой интерес.

— Это хорошо, — заключил художник. — Такие события у меня вызывают вдохновение. Все равно что принимать участие в исторической постановке, где все происходит по-настоящему.

— Пожалуй, в какой-то мере ты прав, — хмыкнул Синклер.

Друзья продолжили обсуждать планы на вечер, стремительно проносясь по извилистым улицам города. При виде открытой спортивной машины, в которой сидели два привлекательных шотландца, прохожие оборачивались, некоторые дамы даже останавливались и одобрительно смотрели им вслед.

К тому времени, когда они добрались до площади Палмерстон, на противоположной стороне которой возвышался собор Святой Марии, солнце скрылось и над городом начал сгущаться туман. Сегодня удача была явно к ним благосклонна — как только Синклер свернул на стоянку, в плотном ряду машин образовалось пустое пространство. Адам махнул рукой владельцу отъезжавшего автомобиля и аккуратно поставил «ягуар» на его место.

Оставив береты на заднем сиденье, друзья подняли верх машины и, закрыв ее, поспешили к собору. Перегрин чувствовал себя на вершине блаженства, разглядывая детали костюмов других гостей. Почти все мужчины были в кильтах, а многие щеголяли старинными родовыми нарядами, вызывая в памяти романы Вальтера Скотта.

На улице быстро темнело, клубящиеся над собором тучи сулили ливень. Адам и Перегрин вошли внутрь и погрузились в атмосферу благоговейного ожидания. Художник почти физически ощущал незримую энергию, переполнявшую огромное пространство храма. Ему приходилось раньше бывать в этом соборе, но никогда он не испытывал ничего подобного. Слева от них, в сумраке северного нефа, уже начиналась торжественная процессия. В первых рядах, по всей видимости, шли postulantes¹, не имевшие определенных отличительных знаков, но в глубине Ловэт заметил белые плащи действительных членов Ордена с красными крестами на левом плече. Он замедлил шаг, чтобы лучше рассмотреть участников, однако в этот момент на хорах показалась огромная фигура, которая приветливо помахала им рукой.

— Вот и наш хозяин, — произнес Синклер, пробираясь сквозь толпу. — Идем, я познакомлю тебя со Стюартом Мак Реем.

Глядя на Мак Рея, Перегрин с восторгом думал о том, каким потрясающим

¹ В католичестве — кандидаты на вступление в монашеский орден.

дополнением авторской коллекции будет его портрет. Высокий и широкий, как дуб, Мак Рей носил красный килт своего клана с уверенностью прирожденного горца. Каштановые с проседью волосы, заплетенные в косу в стиле якобитов семнадцатого столетия, и пышная борода еще более усиливали производимый эффект. Он широко улыбнулся, обнажив ряд белых ровных зубов, и пошел им навстречу.

— Добро пожаловать, сэр Адам! Рад, что ты смог выбраться.

— Я тоже, — улыбнулся Синклер. — Стюарт, позволь представить тебе моего друга, Перегрину Ловэта. Он талантливый художник; возможно, сегодняшнее событие будет увековечено на его холсте.

— Очень рад, мистер Ловэт, — ответил рыцарь, благодушно пожимая ему руку. — Кажется, я слышал о вас раньше.

— Надеюсь, только хорошее, — вежливо улыбнулся Перегрин. — Мне очень приятно, что Адам пригласил меня на это торжество.

— Постараемся не разочаровать вас, — добродушно проворчал гигант. — В любом случае всегда приятно познакомиться с другом сэра Адама. Он не сказал вам, что день инвеституры выбран не случайно?

При этих словах Синклер вздрогнул.

— Нет, — ответил Перегрин.

— Дело в том, что 27 сентября 1745 года принц Чарльз Эдвард Стюарт во дворце Святого Креста принимал рыцарей Ордена Храма. После этой встречи принц стал тамплиером. В Королевской художественной галерее есть картина, посвященная этому событию. Вы наверняка ее знаете, мистер Ловэт, вы же художник. Принц на ней изображен в окружении предводителей кланов Камерон и Форбс. Довольно мрачный портрет, должен сказать вам.

— Если вы говорите о полотне Джона Петти, — живо отозвался Перегрин, — то я знаю его очень хорошо. Это один из лучших портретов принца, который я когда-либо видел. Но два других персонажа для меня всегда оставались загадкой.

— Да-да, это та самая картина, — радостно согласился Мак Рей. — Сегодня вечером будет прием в память этого события — вечер Белой Кокарды. Мы устраиваем его каждый год. Я приглашаю вас обоих.

— Мы бы с удовольствием, Стюарт, но, боюсь, у нас другие планы, — небрежно ответил Адам. — Мы с Перегрином назначили свидание одной очаровательной особе, которая обещала нам помочь прояснить кое-какие вопросы, касающиеся моей будущей статьи. Кстати, ты оказал бы мне большую услугу, представив нас мисс Фионе Моррисон.

— К сожалению, придется подождать до окончания церемонии. Мисс Моррисон сейчас в ризнице, а месса вот-вот начнется.

— Что ж, тогда мы, пожалуй, займем свои места.

— Я прослежу, чтобы она не убежала после церемонии, — заверил его Мак Рей.

Рыцарь жестом подозвал помощника, который проводил Адама и Перегрину на места первого ряда, предназначенные для семей и близких друзей членов Ордена; места, что были оставлены для самих участников, пока пустовали. Едва Перегрин успел достать блокнот и карандаши, как колокольный звон возвестил о начале церемонии.

Поток безмолвного восторга захлестнул стены храма. Всеобщее возбуждение передалось Перегрину, в предвкушении таинства тело художника пронзила сладкая дрожь. В полной тишине белая колонна вышла из северного нефа и величественно проследовала по центральному проходу к алтарю. Когда первые рыцари приблизились к алтарным ступеням, все встали. Рыцари торжественно возложили на алтарь старинный шотландский палаш, сильно проржавевшую шпору на бархатной подушке и темный кусок металла, должно быть, часть старинного меча, принадлежавшего Ордену. За ними шли несколько священников различных монашеских орденов и пять сосредоточенных postulants, которых сегодня посвящали в рыцари. Мужчины были в килтах, женщины — в кильтообразных юбках. (Напряженное ожидание на их лицах напомнило Перегрину обряд его собственного

посвящения в Ложу Охотников, что состоялся менее года назад, хотя он и отличался по внешнему антуражу.) За postulантами парами следовали рыцари — сорок или пятьдесят мужчин и женщин, облаченных в белые мантии с красными крестами. Процессию замыкал Великий Магистр Ордена в сопровождении восьмерых рыцарей с обнаженными мечами. Двое из них несли личный штандарт и меч приора.

Некоторое время под сводами храма слышалась только звучная поступь участников процессии. Затем наступила тишина, и хор грянул гимн «Вперед, Христово воинство». Подпевая вместе со всеми, Перегрин отметил, что трудно было бы подобрать более подходящие к случаю слова:

*Церковь Христова — воинское братство,
Мы проходим там, где Дух Святой прошел.
Мы неразделимы, в Боге мы едины,
В вере, в надежде и милости.*

Простые и трогательные, они напомнили юноше непреложную истину о единстве всех людей, призванных к служению Свету, независимо от внешних различий. «Как все цвета спектра соединяются в световом луче, так и все люди доброй воли призваны к единству в Божественном, — вспомнились Перегрину слова Адама, — поэтому каждый, кто служит Свету, — с нами, а мы с ним».

Погруженный в свои мысли, Перегрин не заметил, как смолкло заключительное Amen, и все сели. Его охватило чувство, что слова гимна продолжают повторять тысячи неразличимых голосов, как вся гармония звучит от единственного прикосновения к струне арфы. Эхо было глубоким и сильным, словно собор был переполнен. Молодой человек даже оглянулся, чтобы удостовериться, не подошли ли опоздавшие, однако увидел только ряды пустых скамей. Собор был на три четверти пуст. Тем не менее атмосфера незримого присутствия множества людей сохранялась.

Во время чтения из Библии нечто подобное почувствовал и Адам, но даже тени замешательства не промелькнуло на его, как обычно, бесстрастном лице.

Прозвучал сигнал к началу собственно церемонии облачения, вызвавший в рядах postulантов некоторое смятение. Когда первый из них, положив руки на древний том Священного Писания, преклонил колена перед Великим Магистром, Адам ощутил легкую дрожь, напомнившую ему о его собственном далеком прошлом. Воспоминания нахлынули, как поток, и он почти физически чувствовал, как меч в руках генерала Ордена коснулся плеч и головы посвящаемого.

— Sois Chevalier, au Nom de Dieu. Avances, Chevalier... Именем Господа посвящаю тебя в рыцари. Встань, рыцарь...

Адам зачарованно следил, как на плечи неопита накинули белую мантию и возложили нагрудный крест. Он ощутил прикосновение рукояти меча, и внезапно его сердце отчаянно заколотилось в ответе на этот далекий призыв. Находясь на пороге транса, Адам ощутил себя частью огромного рыцарского братства, уходящего в глубь веков. Даже не повернув головы в сторону новоиспеченного рыцаря, Синклер видел огромное белое войско, поблескивающее доспехами в лучах утреннего солнца. Оно было так велико, что стены церкви не могли вместить его. Здесь собрались все рыцари Храма, когда-либо жившие на земле, чтобы приветствовать новых членов братства... Когда последний посвященный поднялся с колен, Адам закрыл глаза и вместе со всеми вознес безмолвную молитву за новых воинов Света.

Зазвучали торжественные слова Клятвы Верности, впервые произнесенные рыцарями шотландского приората¹ в 1317 году, три года спустя после битвы с королем Робертом при Баннокберне. Минувшие столетия изменили текст клятвы, но смысл сохранился:

«Ввиду того, что древнее королевство Шотландское приняло и защитило братьев самого древнего и доблестного Ордена Иерусалимского Храма во времена гонений, рыцари Храма

¹ Приорат — отделение монашеского ордена на определенной территории.

клянутся: хранить права, свободы и привилегии древнего и суверенного королевства Шотландского; защищать, даже ценой собственной жизни, членов королевского дома королевства Шотландского; всей своей мощью противостоять любому посягательству на территорию королевства Шотландского или его часть. Бессмертием наших душ клянемся быть верными данному слову пред Господом нашим Иисусом Христом и вами, братия».

— Клянемся, — в один голос ответили посвященные.

Присягой, принесенной перед алтарем в присутствии Великого Магистра Ордена и всего братства, рыцари посвящали жизнь служению своему королю и стране. Кроме того, клятва обязывала их к служению Высшему царству и Высшему господину, который есть сам Господь. Этот второй, скрытый смысл клятвы уловил и Перегрин. Он украдкой взглянул на стоявшего рядом наставника и испуганно отступил назад. Человек, представший его взору, мало чем напоминал привычного Адама Синклера, утонченного аристократа и выдающегося психиатра нашего времени. Перед ним был бородатый рыцарь в массивной кольчуге и белом плаще с алым крестом Ордена Храма. Уже не первый раз художник видел Синклера в этом облике, но раньше видение было почти прозрачным, как след негатива на проявленной пленке. Теперь же превращение было полным, словно Адам снял маску, за которой скрывал свой истинный облик. Неожиданно к художнику пришло осознание того, что такое перевоплощение находилось в непосредственной связи с происходящим в соборе. Действительность таинства не оставляла сомнений, так же как и нерушимая связь Адама с Орденом Храма.

Когда смолкли последние слова клятвы, все сели, и Перегрин вновь взял в руки карандаш.

Глава 12

Церемония завершилась молитвами о благоденствии Ордена и мира. Под звуки заключительного гимна процессия торжественно прошла по центральному проходу и растворилась в северном нефе.

Пока Перегрин заканчивал последний рисунок, Адам успел поболтать с кем-то из знакомых и сейчас направлялся к ризнице, где Мак Рей беседовал с пухлой розовощекой дамой неопределенного возраста. Ее решительный вид напомнил Адаму одну из двоюродных бабок с отцовской стороны. Сине-зеленая кильтоподобная юбка не оставляла сомнений в том, что перед ним была неустрашимая мисс Моррисон. Последующий церемониал подтвердил это предположение. Дама смерила Синклера оценивающим взглядом и протянула руку — сначала ему, затем Перегрину. Рукопожатие было коротким и жестким.

— Да, вы действительно тот самый сэр Адам, — блеснув очками, заключила она с улыбкой — Не удивляйтесь, нам не доводилось встречаться раньше, но, насколько я знаю, вы поддерживаете Королевское Шотландское Общество по охране памятников, не так ли?

— Грешен, каюсь, — изумленно рассмеялся Адам — Мисс Моррисон, я и не смел предположить, что вас интересует деятельность Общества.

— Вне всякого сомнения, — важно ответила дама — Я считаю должным посещать, по возможности, все благотворительные лекции Общества. В прошлом году в «Горном Орле» вы, сэр Адам, читали доклад о связи между интуицией и археологией.

— Надеюсь, вам понравилось? — поинтересовался, искренне тронутый, Адам — У вас великолепная память, мисс Моррисон.

— Такой доклад трудно забыть, — возразила женщина — Пожалуй, самый запоминающийся из всех, что мне доводилось слышать. Меня заинтриговал тезис о том, что интуиция может быть подходящим средством для построения археологического исследования.

— Приятно слышать, что мои нелепые идеи хоть у кого-то вызывают отклик, — ответил Синклер, довольно покашливая — Боюсь, подавляющее большинство членов Общества считают меня забавным чудаком.

— В таком случае им должно быть стыдно, — решительно заявила мисс Моррисон — Если они принимают за чудачество необычный подход к научным проблемам, пусть среди нас будет побольше чудаков. Впрочем, хватит болтать — Дама оборвала себя на полуслове — Вам, должно быть, не терпится взглянуть на кольцо.

При этих словах женщина открыла маленькую кожаную сумку и извлекла оттуда небольшой округлый предмет, завернутый в вышитый носовой платок. Когда платок развернули, Перегрин робко заглянул через плечо Адама, чтобы получше рассмотреть содержимое. На белом шелке поблескивал старинный золотой перстень. Адам сложил ладони, и мисс Моррисон торжественно опустила в них драгоценность. Форма и вес перстня свидетельствовали о том, что он явно принадлежал мужчине. В центре крепился ограненный кусок горного хрусталя, который плотно прижимал локон темных волос. Пристально посмотрев на перстень, Синклер передал его напарнику для детального изучения.

— Стилль семнадцатого столетия, — повертев реликвию в руках, заключил Перегрин. — Не могли бы вы рассказать о его происхождении?

— Кольцо появилось в семье около века назад, — безмятежно ответила мисс Моррисон, в то время как художник прищурил глаза, пытаясь уловить призрачный резонанс. — По традиции, оно переходило к старшему сыну, но у моего отца, упокой, Господи, его душу, рождались только девочки. Он завещал кольцо мне, поскольку я была единственным ребенком, который интересовался различного рода древностями.

— Сто лет, — протянул Адам, получая обратно перстень от Перегрина, который едва заметно качнул головой в знак того, что ничего не почувствовал. — Довольно долгий промежуток времени, однако Данди жил на двести лет раньше. Каким образом реликвия оказалась в вашей семье, мисс Моррисон?

— Ах, это очень просто, — не задумываясь, прошептала дама. — Мой прапрадед приобрел его вместе с домом в Хантли в восьмидесятых годах прошлого века у некоего престарелого джентльмена по фамилии Макинтош. Кажется, он был потомком клана, воевавшего на стороне герцога Аргилла во время восстания 1715 года. Семейное предание гласило, что Макинтош привез кольцо из Франции. Как вы понимаете, со времен битвы при Килликранки минуло не так много лет. Многие люди в те дни сочли бы кольцо с локоном Данди талисманом, приносящим удачу.

На мгновение Адам припомнил рисунок Перегрина, сделанный в разрушенной церкви неподалеку от Блэр Атолла, на котором плачущий сэр Джеймс Сетон, граф Данфермлинский, срезает локон с головы погибшего друга. Вполне возможно, что в дальнейшем его заключили в перстень, который стал для графа талисманом. Хотя доказательств тому не было.

— Простите за недоверие, — извиняющимся тоном произнес Синклер, — но я должен спросить, на чем, кроме семейного предания, основывается утверждение, будто прядь волос под камнем действительно принадлежала Бонни Данди?

Мисс Моррисон обиженно поджала губы.

— Во-первых, кольцо упоминается во всех завещаниях как «Талисман Темного Джона». Надеюсь, вы не будете отрицать, что в Шотландии виконт был известен как Темный Джон Сражений? Кроме того, согласно завещаниям, кольцо перешло во владение Макинтошей между 1715 и 1745 годами. Конечно, профессиональный историк скажет, что это ничего не значит, но я доверяю своей интуиции и считаю кольцо подлинным.

Адам ответил не сразу. Он вертел артефакт между пальцами, пока не почувствовал, как в подушечках начинается легкое покалывание. Чем дольше перстень находился в его руках, тем отчетливее становилось это ощущение. Казалось, его прикосновения разбудили в кольце дремлющие силы. Но ведь Перегрин ясно дал понять, что ничего не почувствовал... Это противоречие раззадорило Синклера. Скрывая заинтересованность под маской легкого любопытства, Адам положил перстень обратно в платок и с разочарованной улыбкой протянул его мисс Моррисон.

— Вы бьете меня моим же оружием, — небрежно заметил он. — Я не могу спорить с вами.

— Если я и бью вас вашим оружием, сэр Адам, то лишь потому, что уверена в вашей проницательности, — с довольным смешком ответила дама.

— Позвольте считать это комплиментом? — кашлянув, спросил Синклер. — В таком случае, смею ли я просить вас, мисс Моррисон, одолжить мне кольцо на пару дней, чтобы сделать несколько фотографий? Кроме того, я рассчитываю, что после тщательного осмотра мистер Ловэт даст свое профессиональное заключение о художественной ценности вашего перстня.

В тот же момент Перегрин ощутил на себе изучающий взгляд голубых глаз.

— Так вы художник, мистер Ловэт... — заключила женщина. — Я вспомнила, что видела вас на докладе сэра Адама. У меня сложилось впечатление, что вы физик.

От удивления Перегрин едва не поперхнулся.

— Надеюсь, вы не сильно разочарованы, — с вымученной улыбкой произнес он.

— Совсем немного, — небрежно бросила дама. — Мне всегда хотелось узнать мнение физика о моем кольце.

— Если хотите, я могу это устроить, — предложил Синклер. — У меня есть пара знакомых физиков. Так вы одолжите мне кольцо на несколько дней?

— Конечно, раз вы об этом просите, — кокетливо улыбнувшись, ответила мисс Моррисон.

Получив согласие, Адам извлек из кармана визитную карточку и изящным почерком написал на обратной стороне расписку.

— Я хотела бы получить кольцо до субботы, — добавила женщина.

Сдержанно улыбнувшись, Адам протянул ей визитную карточку.

— Обещаю. — Синклер ненадолго задумался. — Если не смогу вернуть перстень лично, его завезет мой дворецкий.

— Замечательно, — прощбетала мисс Моррисон. — Впрочем, не обязательно привозить кольцо в Ивернесс. В Национальной выставочной галерее скоро будет проходить выставка, посвященная яacobитскому периоду, и я уже обещала предоставить им кольцо в качестве экспоната.

— В таком случае я передам его Галерее не позднее... — Синклер задумчиво пощелкал языком, — скажем, четверга. Это их устроит?

— Да, вполне, — радостно согласилась мисс Моррисон. — Вы не забудете про физика?

Адам свирепо покосился на Перегрину, у которого от едва сдерживаемого смеха на глазах выступили слезы.

— Не забуду, обещаю вам, — с обворожительной улыбкой заверил Синклер свою благодетельницу. — Мы договоримся о встрече после выставки.

Распрощавшись с мисс Моррисон, еще довольно долгое время друзья провели в компании Мак Рея, который представил их Великому Магистру и ряду других важных особ. К тому времени, когда они покинули здание собора, Перегрин едва сдерживал нетерпение.

— О Боже, мы почти дома! — воскликнул он, откидываясь на спинку кресла, в то время как Адам включал зажигание. — Как ты думаешь, в словах мисс Моррисон есть хоть крупица истины?

— Знаешь, что-то подсказывает мне, что интуиция ее не подвела, — задумчиво произнес Синклер. — Ты еще в состоянии поработать сегодня вечером?

— Конечно, — бодро ответил Перегрин, — хотя не уверен, что это принесет какие-то результаты. Возможно, мне мешало присутствие мисс Моррисон, но я ничего не почувствовал. Кстати, ты выглядел несколько странно, когда взял кольцо.

— В самом деле? — удивился Адам.

— Не беспокойся, этого никто не заметил, — уверил его Перегрин. — Я не предполагал, что ты способен воспринимать информацию от предметов.

— Обычно нет, — ответил Синклер. — Не знаю, что произошло. Посмотрим, что у тебя получится дома; может быть, я тоже попробую поработать с этим перстнем.

Друзья вернулись в Стратмурн в начале седьмого. Хэмфри встретил их сообщением,

что днем из Лондона звонил Маклеод и сообщил неутешительные новости: следов Анри Жерара обнаружить не удалось. Подавив разочарование, Адам направился в кабинет, на ходу снимая пиджак и срывая галстук. Привычным жестом указав напарнику на его излюбленное место у камина, Адам взял с полки подсвечник и поставил на изящный столик розового дерева. Затем достал из кармана завернутый в платок перстень и аккуратно положил рядом с подсвечником. Синклер намеренно избегал прикасаться к артефакту, дабы не потревожить тонкую нить, которая могла связать их с духом Темного Джона. Перегрин уже начал погружаться в состояние медитативного транса, закрыв глаза и раскрыв на коленях альбом с набросками. Адам сел рядом. Перегрин нервно вздрогнул, мгновенно сфокусировавшись на пламени свечи.

— Ты слишком торопишься, — мягко упрекнул Адам своего ученика. — Готов углубиться?

— Да, — слабо кивнул Перегрин.

— Тогда сделай глубокий вдох, — мягко сказал Синклер, едва ощутимо коснувшись левого запястья друга.

Очертания комнаты стали расплываться, и художник плавно перешел в транс. В первый момент молодой человек, как обычно, оказался в туманной пустоте. Затем взор Перегрина прояснился, и он увидел множество иных реальностей за пределами привычного трехмерного мира. Каждый раз попадая сюда, художник чувствовал себя археологом, застывшим у входа в древнюю, еще неизученную пирамиду. Неизвестность и манила, и одновременно пугала его. Он остановился, глубоко вздохнул и сосредоточился. Когда пульс успокоился, а дыхание стало ровнее, Перегрин услышал вкрадчивый баритон наставника:

— Теперь ты готов отправиться глубже. По моему сигналу...

Как при замедленной съемке, Адам плавно поднял руку и мягко коснулся лба Перегрин. Желудок художника сжался, и он испытал знакомое чувство падения в пустоту. Не связанный более узами тела, его дух взмыл, как сокол из рук охотника.

— Теперь открой глаза и всмотришься в кольцо, — настойчиво произнес Адам. — Оно стало для тебя путеводной звездой.

Перегрин нехотя подчинился. Перед его взором пламенел золотой обруч, и, как породистый сокол, в честь которого он был назван¹, его дух не мог противостоять притяжению этого кольца. Золотая окружность увеличивалась в размерах до тех пор, пока не заполнила все видимое пространство. Словно через иллюминатор, он смотрел сквозь него, и постепенно окружающий мир начал принимать зримые очертания. Перегрин оказался под сводом могучего леса. В кромешной тьме вырисовывалась фигура высокого человека в дорожном плаще, стоявшего на перекрестке двух дорог. Рядом, на вытоптанной земле, мерцал светильник, бросая свет на лицо мужчины, полускрытое широкополой шляпой с белым пером. Рыцарь задумчиво склонил голову. В неровном свете фонаря можно было различить прямой римский нос, безупречные очертания непреклонно сжатых губ и решительно выдающийся вперед подбородок. Поверх плаща, на груди, виднелся массивный алый крест Ордена тамплиеров.

— Бонни Данди! — изумленно выдохнул Перегрин.

Рыцарь вздрогнул и недоуменно повернул голову. В этот момент на тропе послышались легкие шаги, и из темноты вынырнули две хрупкие женские фигуры, с головы до ног укутанные в плащи. Они откинули капюшоны, и от восхищения у художника перехватило дыхание — настолько прекрасны были эти юные девы: тонкие черты, огромные темные глаза на бледных личиках и водопад черных волос, каскадом спадающий на плечи. Даже в дымном свете фонаря сходство было очевидным. Девушки были сестрами.

Данди приветствовал старшую поцелуем, при этом его взгляд стал таким нежным, что не возникало сомнений: этот жест значил больше, чем обычная светская формальность. Младшая робко шагнула вперед, чтобы тоже получить поцелуй виконта... и тут Перегрин неожиданно понял, что знает эту девушку. Боль узнавания пронзила его, как лезвие ножа, и

¹ Peregrin (англ.) — сокол.

он в смятении затаил дыхание. Однако прежде чем художник смог что-то вспомнить, девушка отступила в тень. Мгновение спустя Перегрин осознал, что виконт что-то прячет в складках плаща.

Рыцарь присел возле светильника, рядом с ним на колени опустились сестры. Взор Перегрин был прикован к затянутым в перчатки рукам виконта. Данди достал небольшой, завернутый в белый шелк предмет и с глубоким почтением протянул его старшей из сестер. Она благоговейно сложила ладони и подняла глаза на виконта со смешанным выражением любопытства и страха. Рыцарь ободряюще кивнул ей. Девушка осторожно развернула сверток, и белый шелк озарился мягким сиянием. Предмет оказался золотой диадемой: широкий резной обруч венчали шесть лучей чеканного золота. Простота формы и ценность металла свидетельствовали о необычайной древности украшения.

Зачарованный, Перегрин не отрывал глаз от мерцающего обруча. Он прищурил глаза, и диадема, казалось, ожила. Постепенно мерцание усилилось, теперь корона сияла, как расплавленная звезда. Казалось, каждый луч танцевал, будто язычок пламени, образуя два сияющих треугольника. Ритм этого танца пульсировал в венах, в висках, в сердце. Ослепленный блеском, Перегрин смотрел на треугольники, забыв обо всем на свете... до тех пор, пока в ушах, как выстрел, не прозвучало его имя.

— Перегрин! — Голос властно призывал его из мира грез. — Перегрин, что бы ты ни видел, позволь руке рисовать! Не анализируй!

Подчиняясь приказу, художник глубоко вздохнул и ощутил слабую дрожь в правой руке. Он почти потерял образ, который рука начала переносить на бумагу. В этот раз все шло не так, как обычно, Перегрин с трудом контролировал ситуацию. Корона поработила его, он не мог вырваться из плена... и не хотел.

Адам склонился над рисунком, появляющимся под быстрыми пальцами друга, и вдруг ощутил тот же непреодолимый призыв, который овладел волей его юного напарника.

Глава 13

На листе обозначились три коленопреклоненные фигуры: одна из них принадлежала виконту Данди — гордый профиль и тяжелый крест на кружевах не оставляли сомнений. Но внимание Адама привлекло нечто другое — округлый предмет, очертания которого все отчетливее проступали под искусным карандашом Перегрин. В целом рисунок напоминал сцену с героических полотен Рембрандта: хрупкие девичьи руки крепко и бережно сжимали древнюю восточную диадему. Женские руки появились наверняка не случайно, Адам отметил это, но его взгляд, как магнитом, притягивало изображение самой диадемы. Над широким обручем возвышались шесть язычков, по форме напоминавших лепестки цветка.

Внезапно Синклер вспомнил сон, который приснился ему на следующую ночь после смерти Натана. Перед глазами всплыл образ короны на голове царя Соломона, она была в точности такой, как на рисунке. Какое отношение имел Джон Грэхэм Клаверхаус к Венцу царя Соломона?.. С пронзительной ясностью Адам осознал, что Венец и Печать таинственным образом связаны, и локон Данди позволил обнаружить эту связь. Следовательно, и сам виконт каким-то непостижимым образом связан и с Венцом, и с Печатью. Существование Венца было важным открытием. Если сон не лгал, появлялась еще одна возможность вернуть Печать или оградить от посягательств то, что она хранила.

Адам размышлял над этим, погружившись в состояние легкого транса, когда Перегрин вдруг глубоко вздохнул и самопроизвольно вернулся в привычную действительность. Художник тряхнул головой, словно освобождаясь от призрачных образов, отложил карандаш и медленно распрямил затекшие пальцы.

— В этот раз все было совсем по-другому, — выдохнул юноша, поймав на себе настороженный взгляд наставника.

— Ты рисовал то, что видел? — спросил Синклер, анализируя степень совпадения их ощущений.

— И да, и нет, — нахмурившись, ответил Перегрин. — Понимаешь, так корона выглядела физически. Но в ней словно была еще одна, более древняя — египетская или древневосточная. По виду совсем простая: тонкий золотой обруч с шестью треугольными лучами. Затем она словно ожила. Лучи сияли, как расплавленное золото, хотя ее форма оставалась неизменной. Это напомнило мне один библейский фрагмент, — юноша еще более помрачнел, — сцену сошествия Святого Духа.

Неуклюжее сравнение окончательно убедило Синклера в верности его предположений.

— Венец царя Соломона, — сказал он просто. Перегрин поднял глаза и ошеломленно уставился на старшего товарища.

— О Боже, — только и смог вымолвить он.

— В ночь после смерти Натана мне приснился кошмар, — продолжал Адам, — в котором присутствовал и царь Соломон, и его Корона. Я не упоминал об этом, так как считал, что сон навеян впечатлениями от минувших событий, но точно помню, что голову Соломона венчала именно такая диадема, — Синклер постучал указательным пальцем по рисунку, — а в руке он держал нечто вроде скипетра. Еще одна загадка, и Данди — ее часть.

— Возможно, ты прав, — согласился Перегрин, — но зачем ему было отдавать Корону этим девушкам?

Адам в недоумении посмотрел на молодого человека, и тот принялся описывать подробности своего видения.

— Не могу объяснить почему, — произнес Перегрин, — однако я уверен, что сначала Данди был хранителем Короны, и когда он передал ее старшей из сестер, у меня было отчетливое ощущение, что теперь хранительницей станет она. Не знаю, что произошло дальше, — извиняющимся тоном добавил он, — меня настолько притягивала сама Корона, что я не обращал внимание ни на что другое. Даже удивительно, что мне удалось столько нарисовать.

— Ничего удивительного, — ободряюще сказал Синклер, — рискну предположить, что ты видел ее ауру — видимое проявление внутренней природы Короны, если хочешь. Вероятно, она обладает огромной силой. Впрочем, иначе и быть не может, если это действительно Венец царя Соломона.

— Но какое отношение она имеет к Печати? — спросил Перегрин.

Адам задумчиво покачал головой.

— Принимая во внимание все, что мы знаем о Данди, я почти уверен, что между ним, Короной и Печатью существует прямая связь, как историческая, так и метафизическая.

Перегрин тихонько присвистнул.

— Таким образом, если мы не можем получить ни Корону, ни Печать, нашей единственной надеждой остается сам Данди, — заключил молодой человек. — Честно говоря, я не совсем понимаю, как действует кольцо, — продолжал он, поглядывая на столик, где оно поблескивало рядом с серебряным подсвечником, — тем не менее локон под камнем, видимо, настоящий, а если так, почему Данди не проявил себя более явно?

— Этому могут быть два объяснения: во-первых, твои способности отличаются от способностей медиума. Я уверен, что Ноэль реагировал бы совсем иначе. Впрочем, ты еще увидишь, как он будет работать с крестом Данди в Кенте. Во-вторых, не исключено, что кольцо в большей степени связано с кем-то, кто владел им впоследствии, возможно, с одной из тех девушек.

— И поэтому их образы были такими яркими, — заключил Перегрин.

— Ты не знаешь, кто они? — спросил Адам.

— Честно говоря, нет, — признался Перегрин, — хотя лицо младшей показалось мне знакомым. Мы словно встречались раньше, только не помню, где и когда. Ты можешь это выяснить?

— Боюсь, что у меня недостаточно информации, — с сожалением произнес Адам, обдумывая тот же вопрос. — Честно говоря, вторая личность, связанная с кольцом, ставит меня в тупик. Будь у нас больше времени, я бы занялся этим. Наберись терпения. Думаю, мы

получим ответы на все вопросы, когда Ноэль поработает с обоими артефактами.

— Значит, придется ждать до понедельника, — разочарованно протянул Перегрин. — Много может произойти за это время!

— Понимаю не хуже тебя, — с некоторым раздражением ответил Синклер, — но пока не вижу способа, как этому помочь.

Лицо Перегрина стало упрямым. После непродолжительной паузы он произнес:

— Предположим, виконт передал корону на хранение двум сестрам. Допустим, что она была частью сокровищ Ордена и каким-то образом связана с Печатью. Но если Данди решился расстаться с реликвиями, то перед смертью он мог передать свое знание кому-нибудь из последователей.

— Не думаю, — ответил Адам. — Данди был отважен и презирал опасность. Перед сражением его умоляли не рисковать и остаться в тылу, опасаясь, что в случае его гибели вся кампания будет проиграна, как, собственно, и произошло. Единственное, на что он согласился, это сменить алый плащ на кожаную куртку рядового бойца. Фактически битва при Килликранке стала началом конца восстания. — Синклер ненадолго замолчал. — Что касается секретов Ордена, мы не знаем даже имен рыцарей Храма того времени, не говоря уже о том, что скорее всего Данди предпочел унести доверенные ему знания в могилу, чем допустить, чтобы они попали в руки врагов. Хотя остается надежда, что он что-нибудь рассказал девушкам, когда передавал им Корону.

Перегрин вздохнул и начал рассеянно переворачивать страницы альбома.

— Думаю, я попробую нарисовать их, — задумчиво произнес художник. — Похоже, девушки являются ключевыми фигурами в этой загадке. Жаль, что современные тамплиеры не могут поговорить с Данди от нашего имени. Ведь должна быть духовная связь между членами Ор...

Юноша смолк, устремив взгляд на рисунок, на котором Адам был изображен в облачении рыцаря-тамплиера.

— Слушай, Адам, — пробормотал он, обращаясь к наставнику, — мне только что пришла в голову мысль... Посмотри-ка сюда. Знаешь, я не раз видел тебя в облике тамплиера; очевидно, между тобой и Орденом существует прочная духовная связь. В конце концов Данди был одним из многих Великих Магистров Ордена. Даже если он унес свои знания в могилу, остаются те, кто ушел прежде, и ты один из них.

— Вряд ли, — ответил Адам. — Если бы мои прошлые знания имели какое-то отношение к настоящему, они бы уже проявили себя.

— Все равно, когда-то ты был тамплиером, — настаивал Перегрин. — Почему бы тебе не попробовать вступить в контакт с Великим Магистром твоего времени? Думаю, он согласится открыть тебе, что ему известно о сокровищах царя Соломона и их магической силе.

— Ты считаешь, что моя персона достойна такого доверия? — усмехнулся Синклер. — К тому же, когда сокровища Ордена прибыли в Шотландию, ни Жоффрея де Сент Клера, ни Великого Магистра Ордена Жака де Моля уже не было в живых.

— А как насчет твоего предка, который вернул Темпльмор?

— Это было уже позднее, — ответил Синклер. — Он мог что-нибудь слышать о тайне, связанной с Орденом... — Адам замолчал. — Впрочем, пока Ноэль пропадает в Лондоне, стоит попробовать...

— Значит, завтра мы поедem в замок? — спросил Перегрин. — Мне кажется, это самое подходящее место для контакта.

Адам задумчиво кивнул.

— Пожалуй. Несколько раз на развалинах замка я видел призрак рыцаря, но посчитал это плодом разыгравшегося воображения. Может быть, он согласится поговорить с нами... Ты завтра свободен?

— Семья Джулии пригласила нас на ленч после воскресной службы, но если ты планируешь выехать утром, я извинюсь перед ними.

— Нет-нет, не меняй своих планов, — возразил Синклер. — Не обижай Джулию, тем более что спешить нам некуда. Мы отправимся после обеда, а утром я займусь семейным прошлым. Постарайся, чтобы твой ленч не затянулся.

— Постараюсь, — ответил Перегрин. — Во сколько я должен быть здесь?

— Не позднее трех, — сказал Адам. — Чтобы создать нужное настроение, поедem верхом. Если хочешь, возьми с собой Джулию. Покажешь ей, как продвигается реконструкция. Пусть альбом на всякий случай будет при тебе... Джулия ведь ездит верхом? — неожиданно спросил он.

— Да, конечно, — ответил художник. — Думаю, если погода будет хорошая, она обрадуется такой прогулке — при условии, что ей не придется встретиться лицом к лицу с призраком рыцаря в полной боевой амуниции.

— Насчет этого можешь быть спокоен, — усмехнулся Синклер. — Твоя невеста увидит лишь, как ты делаешь произвольные наброски, слушая мой рассказ о прошлом.

— Ловлю тебя на слове! — криво улыбнулся Перегрин. — Сейчас, когда я почти убедил родных Джулии, что способен зарабатывать на жизнь при помощи кисти, мне бы совсем не хотелось отпугнуть ее.

Большую часть воскресного утра Адам, как и планировал, провел, погрузившись в списки дат, имен и бывших владений Ордена тамплиеров в Шотландии. Информация была общеизвестной, большая часть земель Ордена Храма во времена гонений перешла в руки госпитальеров. Пять из шести вотчин Ордена являлись бывшими владениями тамплиеров: Танкертон, Денни, Листон, Мэрикалтер и Балантродок. Последний в свое время был пресепторией для всей Шотландии. Упоминались также и владения поменьше. Один из источников насчитывал почти шестьсот поместий.

Словно бусинки на четках, Синклер перебирал в уме названия и размышлял, могут ли они дать ключ к разгадке тайны, над которой бились он и его друзья.

Около двух прибыл Перегрин с Джулией. Молодые люди были в коротких бриджах и ботинках для верховой езды, их головы украшали маленькие бархатные шапочки. Поверх сорочки Перегрин надел легкий твидовый жакет, в карманах которого находились все необходимые принадлежности для рисования. Джулия в нежно-зеленом жилете и узком галстуке, аккуратно повязанном вокруг шеи, выглядела прирожденной наездницей. Пышные золотистые локоны девушка стянула в тугой хвост, что еще больше подчеркивало изящество ее черт.

Когда компания добралась до конюшни, лошади уже стояли под седлом. Джон, отставной конюх Ее Величества, в ведении которого находилась конюшня Синклера, помог девушке взобраться на лошадь и поправил упряжь. Адам уже ждал их верхом на своем любимом жеребце, высоком сером Халиде. Перегрин оседлал горячую гнедую кобылу, Маковку, соседку Халида по конюшне. Для Джулии Адам выбрал покладистого вышколенного мерина по кличке Кричтон, взятого напрокат у дочери соседнего помещика.

День выдался ясный и холодный. Всадники проскакали по кромке широкого скошенного луга, пока не достигли выгона. Выехав на него, они сменили рысь на легкий галоп, направляясь к темнеющему на горизонте ельнику. За ним виднелись лесистые склоны холма, над которым возвышались две башни замка Темпльмор. Даже издалека было видно, как изменился замок за последние месяцы. Губы Адама тронула улыбка. Еще год назад по стропилам обвалившейся крыши вился плющ, а из полуразрушенных башен пробивались молодые деревца. С тех пор проломы в стенах были заложены, замок покрыт новой кровлей, а башни увенчаны смотровыми площадками под черепичными козырьками. Понимая, сколько еще предстоит сделать, Синклер все же был счастлив видеть возрождение родового гнезда.

У подножия холма они повернули на узкую тропку, ведущую к вершине. Время от

времени в просветах между деревьями мелькало солнце и виднелся кусочек синего неба.

Перегрин впервые побывал здесь незадолго до начала реставрационных работ. В те времена это был единственный путь к замку. Сейчас по тыльному склону холма сбегала просторная асфальтовая дорога. Она была сделана специально для рабочих и техники; по окончании работ Адам планировал превратить эту трассу в ухоженную подъездную аллею.

По мере приближения всадников к вершине воздух становился свежее. В конце тропы деревья расступились, открывая вид на белые стены замка. Внизу, с другой стороны холма, стоял одинокий экскаватор, словно охраняя траншею, где когда-нибудь будут пролегать водопровод, газ и телефонный кабель. К счастью, этот уродливый пейзаж искусно скрывали вековые деревья, листву которых уже слегка тронули краски наступающей осени.

Спешившись, Синклер обвел пристальным взглядом окружающую местность, с удовлетворением отметив, что задуманному ничего не помешает. Лошадей оставили пастись на краю поляны. Джулия изумленно рассматривала возвышавшуюся постройку.

— Адам, это потрясающе! — в конце концов воскликнула девушка. — Он словно вышел из сказки! Убрать двери и нижние окна — и получится настоящая цитадель волшебника!

Перегрин радостно засмеялся.

— Если бы ты видела эту цитадель до ремонта, ты бы сказала, что она вышла из страшной сказки. Замок был в ужасном состоянии. Смотри, у меня есть несколько зарисовок того периода.

Художник сбросил с плеча сумку и достал ворох рисунков, вложенных в прозрачные папки. В настоящее время реконструкция Темпльмора проводилась согласно тем эскизам, которые художник сделал на развалинах замка. В целом же коллекция представляла собой ранние работы. В них Перегрин пробовал использовать свой дар для Ложи Охотников.

— Не могу передать, насколько полезными оказались рисунки вашего будущего мужа при составлении плана реконструкции, Джулия, — сказал Синклер, наблюдая за выражением лица девушки, когда она отложила очередной эскиз. — Успехом этого предприятия я во многом обязан Перегрину.

Нежная улыбка озарила лицо девушки.

— Да, его рисунки ужасно хороши. — Она озорно поглядела на жениха. — Главное, не говорить об этом в его присутствии, иначе он окончательно зазнается.

— Зазнаюсь?! — воскликнул Перегрин тоном оскорбленной невинности. — Я, всегда умолявший лишь об одном добром слове... — Театрально вздохнув, молодой человек замолчал и тут же получил шуточный тычок в ухо.

— Похоже, вы будете наслаждаться семейным счастьем до конца ваших дней, — рассмеялся Синклер. — Кстати, Перегрин, почему бы вам не показать даме окрестности? Ступени на башнях уже починили... — Адам улыбнулся и многозначительно посмотрел на друга. — Я бы с удовольствием пригласил вас составить мне компанию для осмотра коммуникаций, но боюсь, это зрелище способно испортить настроение кому угодно.

— Согласен, — радостно кивнул Перегрин, глазами давая понять, что он понял скрытый намек. — Идем, Джулия, и я покажу тебе дом твоей мечты...

Молодые люди растворились в сумраке замка; гулкое эхо долго повторяло их голоса, затихая по мере того, как они удалялись от входа. Оставшись в одиночестве, Адам обернулся и задумчиво посмотрел на родовой герб, красовавшийся над дверью. Свежие краски играли на в свое время почти полностью стертой эмблеме: венок из красных и золотых роз и мальтийский крест в окружении семи золотых звезд. Это был древний эзотерический символ, значительно лучше отражающий семейное призвание, чем птица феникс, которую изображали на гербе последние поколения Синклеров.

Адам медленно отошел к краю поляны и, глядя на главную башню, опустился на крупный обломок тесаного камня. На левой руке его поверх перчатки поблескивал сапфир. Синклер накрыл камень ладонью и склонил голову в молчаливой молитве. Затем выпрямился, положил руки на колени ладонями вверх и, доверившись силам Света,

приготовился к встрече с прашурами.

Вселенское спокойствие наполнило его душу. Он закрыл глаза и мысленно воззвал к рыцарю, виденному им ранее на развалинах. Вокруг стояла оглушающая тишина, все замерло, словно боясь спугнуть слабое покалывание, появившееся в кончиках пальцев. Адам ждал. Постепенно мягкое сияние в проеме башни, которое не было светом утасяющего дня, стало ярче, и вскоре на пороге у входа задрожал призрачный образ, облаченный в боевые доспехи. С плеч рыцаря спадал белый плащ с ярко-алым крестом, таким, какой носили тамплиеры эпохи раннего средневековья. Руки в латных рукавицах опирались на рукоять огромного меча, поблескивавшего серебром в свете заходящего солнца. Бородатое лицо в кольчужном подшлемнике было суровым, в настороженном взгляде читался вопрос.

— Кто звал Обри де Сент Клера? — раздался резкий вопрос, скорее понятый, чем услышанный. — Говори, ибо я не могу оставаться здесь долго.

Последовал еще один леденящий душу взгляд, на который Адам ответил доброжелательной улыбкой.

— Я Адам Синклер, потомок твоего рода и духовный член Ордена Храма. В этом времени и месте я также являюсь Магистром Охоты. Передо мной поставлена задача, решение которой связано с одной из тайн Ордена. К тебе я обращаюсь за помощью.

Фигура рыцаря неожиданно оказалась настолько близко, что ее можно было коснуться. Мягкое свечение окружило Адама со всех сторон. В то же мгновение Синклер ощутил, как меняется его облик: вместо элегантного костюма для верховой езды на нем был длинный белый плащ, скрывавший тяжелую кованую кольчугу.

Преображение Адама убедило призрака в общности их духовных уз. Синклер искренне сжал протянутую латную рукавицу и вступил в беззвучный диалог с представителем древнего славного рода. Ничего не скрывая, Адам поведал собеседнику все, что ему было известно о пропавших сокровищах царя Соломона, Печати, Короне и том ужасе, который похититель мог навлечь на человечество из-за своей алчности.

— Сила, которую таят сокровища, слишком опасна, чтобы выпустить ее на свободу, — угрюмо сообщил Синклер, вкладывая в беззвучные слова все беспокойство, которое испытывал сам. — Если тебе что-либо известно об этих предметах, заклинаю тебя, скажи мне.

Последовала короткая пауза, и Адама накрыло волной невыразимой печали, исходившей от призрака Обри. Затем его мысли кристаллизировались в слова.

— Я не могу помочь тебе, — раздался в ушах голос рыцаря, — мы привезли много сокровищ из Франции, но в Темпльморе их нет. Возможно, Балантродок хранит то, что ты ищешь.

— Балантродока давно не существует! — в отчаянии воскликнул Адам. — Где еще находились сокровищницы?

Ответом послужила еще одна волна сожаления, в этот раз носившая оттенок легкого беспокойства. Сияние вокруг стало меркнуть, и постепенно тень Обри де Сент Клера растаяла в пронизанном вечерней прохладой воздухе.

Синклер ощутил легкое, словно дуновение ветерка, прикосновение к затылку и остался в одиночестве, медленно возвращаясь к окружающей действительности. Безропотно принимая поражение, он молча вознес слова благодарности, обращенные к духу предка. Когда он окончательно пришел в себя, камень уже покрылся росой — предвестником скорых сумерек. Солнце клонилось к западу. Теперь все зависело от успеха завтрашней встречи с таинственным и опасным сэром Джоном Грэхэмом из Оквуда.

Глава 14

Адам завершил утренний обход в Королевской больнице, и Хэмфри отвез его в аэропорт, где у входа стоял Перегрин, нервно поглядывая на часы. Большая часть пассажиров уже поднялись на борт. Завидев Адама, направляющегося к нему с дорожной сумкой в руках,

юноша озарился улыбкой облегчения.

— Ох, наконец-то! — радостно воскликнул он, протягивая старшему другу билет и посадочный талон. — Я уж начал бояться, что тебя задержали.

— Меня почти задержали, — криво улыбнулся Синклер, — но, похоже, сегодня удача на нашей стороне.

Полет прошел без приключений. Перед посадкой друзьям предложили холодный завтрак, и около часа, точно по расписанию, самолет приземлился в Гатвике.

У выхода их встречал Маклеод. Обменявшись приветствиями, все трое направились к красному «форду-гранада», припаркованному неподалеку у обочины. Рядом с машиной стоял облаченный в униформу констебль. Компания села в машину. По дороге Адам посвятил Маклеода в события минувших выходных, подробно описав опыт с кольцом Данди.

— Оно при тебе? — коротко спросил Маклеод. Вместо ответа Синклер достал из кармана кольцо и положил его в протянутую ладонь инспектора. Не отрывая взгляда от шоссе, Маклеод покатал перстень в руке и вернул Адаму.

— Сейчас нет времени им заниматься, но вкупе с крестом от него может быть какая-то польза. Перегрин, ты захватил наброски?

— Они в багажнике вместе с дорожной сумкой, — откликнулся художник. — Хочешь взглянуть на них до того, как мы приедем в Оквуд?

— Не стоит, — ответил Маклеод, — эксперимент должен быть чистым. Кстати, как вы думаете, чем закончились поиски Анри Жерара?

— Сдается мне, что ничем. — Синклер бросил косой взгляд на напарника. — Я угадал?

— Да, — кисло ответил Маклеод. — Как сквозь землю провалился. Хотя чувствует мое сердце, что он где-то неподалеку, причем скорее всего в Шотландии.

Разговор плавно перешел в обсуждение способов контакта с Данди, если визит в Оквуд окажется успешным. Затем в машине установилась тишина, время от времени нарушаемая лишь репликами Адама, который сверял маршрут с картой.

Вскоре поля сменились живописными сельскими пейзажами графства Кент. Дорога пролегла по северным окраинам Вилда, в свое время густо покрытого лесами; сейчас большая часть лесов была вырублена, а на их месте появились сады и фермы. Вид за окнами настолько отличался от унылых вересковых пустошей на границе Шотландии, что Перегрин, удобно устроившись на заднем сиденье с альбомом на коленях, не мог наглядеться. Иногда над полем вырастали домики с высокими дымовыми трубами — в них сушили и оставляли на хранение хмель. В Шотландии на границе поля обычно возводили невысокую стену из серого песчаника, здесь же поля окружали ряды розовых кустов и жимолости, которая к этому времени уже покрылась крупными темными ягодами. Глядя на пейзаж, юноша вспоминал о «зеленой и прекрасной стране» из знаменитой поэмы Блейка «Иерусалим», которая обессмертила имя поэта и стала фактически вторым национальным гимном Англии. В этих местах существовала легенда, будто в далекие времена здесь любил гулять маленький Иисус со святым Иосифом, и при взгляде на изумрудно-зеленые склоны древних холмов хотелось верить в это. Становилось понятным, откуда такие прославленные английские художники, как Джон Констебль и Самюэль Палмер, черпали вдохновение для своих картин. Только легкие облака, изредка пробегающие по небу, нарушали безмятежное спокойствие ухоженных домиков, полей и перелесков. Завороженный постоянной игрой светотени, Перегрин не заметил, как заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что машина едет по узкой проселочной дороге; слева раскинулся широкий холмистый выгон, а по правую сторону высился древний лес. Вдоль обочины росла густая живая изгородь, достаточно низкая, чтобы не закрывать великолепный вид. Юноша украдкой поглядел на часы и смущенно потянулся.

— Доброе утро, соня, — добродушно проворчал Маклеод, поглядывая на товарища в зеркало заднего вида.

— Хорошо поспал? — поинтересовался Синклер. Перегрин скорчил страдальческую гримасу.

— Жаль, что мало. Где это мы?

— Почти на месте, — ответил Адам. — Так что поправь галстук, не пугай хозяина.

Въезд в поместье, массивные кованые ворота, охраняли два каменных сфинкса. Створки были распахнуты настежь и выглядели так, словно их вообще редко закрывали. Величественные дубы возвышались по обеим сторонам аллеи, образуя над ней замысловатый балдахин из переплетенных ветвей и листьев. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался тенистый парк, где среди вековых дубов иногда мелькали березки и рябины. За ними виднелись зубчатая крыша и трубы дома в строгом стиле эпохи Тюдоров.

Как только они миновали каменные изваяния, у Синклера возникло чувство, что воздух наполнен незримой энергией. Она слышалась в шелесте листвы и щебетании птиц и по мере приближения к дому становилась все более интенсивной. Припоминая слова Линдси об эзотерических способностях сэра Джона, Адам ожидал обнаружить нечто подобное: Оквуд был словно окутан силовым полем, защищавшим поместье и его обитателей.

— Ну и местечко! — пробормотал Маклеод, настороженно озираясь, словно охотник, попавший на неизведанную территорию.

Перегрин ссутулился, стараясь сдержать произвольную дрожь.

— Я рад, что мы пришли как друзья, — заметил он. Молодой человек хотел было добавить что-то еще, но в этот момент дорога сделала последний поворот, и вместо слов из уст Перегрин вырвался возглас восторга. Перед ними во всей своей красе предстал дом Джона Грэхэма, волшебника из Оквуда. Нижняя часть здания была сложена из камня и из резного дерева. Взглянув на крышу, художник насчитал восемь дымовых труб из местного песчаника цвета дикого меда; каждую трубу украшала искусная резьба, отличная от всех прочих. Розовые завитки плюща взбирались по углам дома, оплетая его тонкой сеткой из нежных цветов.

Шелестя шинами по гравию, машина проехала под аркой двухэтажной сторожки к открытому дворику в елизаветинском стиле и остановилась неподалеку от элегантного «фиата-панда». Из дома выбежал мохнатый королевский спаниель, приветствуя прибывших громким радостным лаем. Пес остался лаять во дворе, когда, поднявшись на крыльцо, Адам дернул за веревку дверного колокольчика. На пороге появился седой дворецкий в традиционной полосатой ливрее и с достоинством старого семейного слуги принял визитку Синклера.

— Добрый день, — произнес Адам, после того как дворецкий оторвал взгляд от карточки. — Полагаю, сэр Джон ждет нас?

— Да, сэр, — с легким поклоном, адресованным также Перегрину и Маклеоду, ответил слуга, — следуйте за мной.

Дворецкий провел посетителей под высокими сводами прихожей и широкого вестибюля и свернул в галерею, стены которой были украшены великолепными работами знаменитых английских художников: Ромни, Гейнсборо, Рейхолдса. Многие из них Перегрин видел на страницах художественных альбомов и журналов, но сейчас не отрываясь глядел на полотно неизвестного автора, где был изображен коленопреклоненный дворянин; человек в короне сжимал в ладонях его почтительно сложенные руки. Внизу крошечная бронзовая пластинка сообщала, что на картине представлены король Генрих IV и Дэвид, второй граф Селвин. Юноше нечасто приходилось встречать изображения, передающие почти сакральный характер отношений между монархом и подданным, в которых, собственно, и заключалась вся мистическая сущность королевской власти. Перегрин замер, но в этот момент тяжелая рука Маклеода опустилась на его плечо.

— Идем, малыш, — прошептал ему в ухо инспектор, — не стоит заставлять хозяина ждать.

Тем временем Синклер продумывал возможные варианты развития беседы. Перстень Данди лежал у него в кармане, однако в данный момент Адама влекла перспектива увидеть крест и его грозного владельца. Глядя вперед, поверх плеча дворецкого, Синклер различил в конце галереи дубовую дверь, украшенную узором из дубовых листьев и желудей. Сразу за

дверью оказался еще один коридор, ведущий к точно такой же двери. Перед ней слуга остановился и, прежде чем войти, вежливо постучал.

— Сэр Адам Синклер, — торжественно объявил он. — С ним его друзья.

— Спасибо, Линтон. Пригласите их, — раздалось из-за двери мелодичное контральто.

Соблюдая все нюансы старинной церемонии, дворецкий проводил Адама и его товарищей в комнату. Им навстречу с кресла эпохи Тюдоров поднялась тоненькая девушка на вид лет двадцати, с каштановыми волосами до плеч и нежно-розовой, почти прозрачной кожей. Широкая, открытая у ворота блузка и длинная, до щиколоток, юбка были одного темно-синего цвета. Шею девушки украшала скромная нитка жемчуга, а на руке, которую она приветливо протянула Синклеру, отсутствовали кольца.

— Добро пожаловать в Оквуд, сэр Адам. Я Кэтлин Джордан. Сэр Джон — мой прадед. Рада видеть вас в Оквуде.

— Счастлив быть вашим гостем, — галантно ответил Синклер, улыбнувшись в ответ. — Это мои друзья, инспектор Ноэль Маклеод из шотландской полиции и мистер Перегрин Ловэт. Надеюсь, мы не заставили вас долго ждать?

— Нет, что вы, — живо откликнулась девушка. — Удивительно, что вы добрались так быстро. Ведь Оквуд расположен вдали от проезжих дорог, поэтому мы с пониманием относимся к нашим гостям, особенно когда они приезжают впервые. Добрый день, инспектор Маклеод, как вы себя чувствуете? Готова поспорить, что это вы сидели за рулем, — непринужденно продолжала Кэтлин. — Мистер Ловэт, надеюсь, у вас было приятное путешествие?

Девушка приветливо протянула Перегрину руку, и в этот момент он погрузился, словно в глубь лесного озера, в омуты ее ясных глаз, за прозрачной поверхностью которых скрывались неизмеримые глубины. Его закружило и бросило на поляну девственного леса, среди вековых дубов. На месте Кэтлин возникла другая женщина, чуть старше, но не менее прекрасная. На ней было простое белое платье, а голову украшал венок из омелы. Перегрин глубоко вздохнул, на мгновение прикрыл глаза и взял себя в руки. Понимая, что Кэтлин ждет ответа, он попытался вспомнить ее вопрос. В этот момент Синклер обеспокоенно взглянул на товарища и, видимо, понимая, что произошло, поспешил ему на помощь.

— Спасибо, поездка была просто замечательной, — непринужденно ответил Адам, — в это время года пейзажи Кента особенно красивы.

— Люди, живущие здесь постоянно, считают так же, — улыбнулась Кэтлин. — Позвольте предложить вам напитки или чай?

— Если не возражаете, я бы предпочел сначала встретиться с генералом, — вежливо отклонил предложение Синклер. — Не хочу показаться невоспитанным, но...

Девушка подняла руку и с улыбкой склонила голову.

— Не надо, не объясняйте, я вовсе не обижена, — доброжелательно сказала она. — Следуйте за мной, возможно, мне удастся уговорить вас на чай после того, как вы повидаетесь с прадедушкой. Он ждет вас в беседке.

Кэтлин распахнула французское окно, и все четверо оказались на широкой, залитой солнцем террасе. Отсюда открывался вид на прекрасно ухоженный сад. Кусты сирени и роз вносили некоторое разнообразие в геометрически правильные, аккуратно подстриженные газоны. За ними виднелись смутные очертания самшитовых зарослей, в самом центре которых возвышался белоснежный купол беседки.

Изредка оглядываясь, чтобы убедиться, что мужчины не отстают, Кэтлин сбегала по каменным ступеням и стремительно направилась к темнеющим зарослям. Без труда следуя за девушкой, Адам вежливо заметил:

— Сэр Джон был так любезен, согласившись встретиться с нами.

— Вы дали понять, что дело не терпит отлагательств, — просто ответила девушка. — К счастью, сегодня полнолуние, поэтому, если вы собираетесь проделать с крестом серьезную работу, лучшего времени не найти.

Синклер сумел совладать с изумлением, вызванным этими словами, и тут же ощутил,

как насторожился Маклеод, а Перегрин едва слышно, но испуганно вздохнул.

— Не удивляйтесь и не пугайтесь, — продолжила девушка с легкой улыбкой, — мы знаем, кто вы, а вы вскоре узнаете, кто мы. Прадедушка редко встречается с незнакомцами, предварительно не проверив их. Ему уже девяносто два.

Она остановилась у калитки, за которой виднелось хитросплетение уходящих в самшитовую чащу тропинок. Адам ободряюще глянул на друзей. Замечание девушки подтвердило его подозрение: прелестная Кэтлин Джордан была посвященной, и за ее плечами лежал опыт множества прошлых жизней.

Грядущая встреча теперь представлялась Синклеру совсем в ином свете. Некоторое раздражение, правда, вызывала мысль, что их «проверили». Адам Синклер мог быть Магистром Охоты у себя в Шотландии, но здесь Магистром был сэр Джон Грэхэм. Неизвестность держала Адама в легком напряжении, хотя в целом он не ощущал опасности.

— Это вход в наш лабиринт, — лукаво улыбаясь, сказала Кэтлин и распахнула калитку, жестом приглашая гостей войти. — Держитесь правой тропки, и вы не собьетесь с пути.

Последняя фраза могла быть просто дружеским напутствием, но, принимая во внимание предыдущие высказывания девушки, Адам понял, что в этих словах звучал скрытый намек. В эзотерике понятие «Правой Тропы» означало следование путем Света и противопоставлялось пути Тьмы. Таким образом, невинное замечание могло иметь целью подбодрить их. И все же, ступив на петляющую дорожку, Адам ощущал смутное беспокойство и нервно теребил сапфир на своем перстне. За его спиной беззвучно ступал Маклеод. Отряд замыкал Перегрин, и Синклер поймал себя на мысли, как воспримет лабиринт самый младший и наименее опытный из них.

В то же самое время Перегрин размышлял, почему хозяин решил принять их здесь, на открытом воздухе, когда в доме это было сделать значительно проще. Станным казалось и то, что очаровательная Кэтлин оставила их одних. Лабиринт, конечно, был совсем детским по сравнению с теми, которые ему доводилось видеть, например, знаменитый лабиринт Тюдоров в Хэмптон-Курте. Однако по мере того, как они продвигались к центру, художник отчетливо ощутил скрытую подземную энергию, словно поверхность лабиринта представляла собой часть сложного замка, и нужно только подобрать подходящий ключ, чтобы освободить таящиеся в нем силы. Вокруг стояла неестественная тишина. Здесь почти не пели птицы, и ветер чуть шевелил на деревьях листья. Воздух едва ощутимо вибрировал, словно вдалеке работала динамо-машина. Чем дальше они углублялись, тем сложнее становилось сосредоточиться. Мысли стали вялыми, и почему-то клонило в сон.

— Адам, куда мы попали? — прошептал Перегрин, хватая друга за рукав.

Синклер остановился. Его лицо выражало невозмутимое спокойствие.

— Я думал, ты догадаешься, — обронил Магистр. — Это магический лабиринт, типичная модель для сохранения и управления психической энергией. Конкретно этот предназначен не для работы — скорее для создания защитного экрана. Он тебя беспокоит?

Перегрин судорожно кивнул головой. Его сознание затуманилось, словно под воздействием наркотика.

— Да, — наконец выдавил молодой человек. — Мы в опасности?

— Вовсе нет, — уверил его Синклер. — Здесь обитает добрая сила. Хотя и она может угнетающе воздействовать на новичков. Ты бы надел кольцо, будет легче сохранить ясность мысли, пока мы находимся в зоне действия лабиринта. Думаю, этот эффект пропадет, как только мы доберемся до середины.

Только теперь Перегрин заметил, что на пальцах старших товарищей уже мерцали сапфиры. Юноша слабо кивнул и достал из кармана свой перстень. Его камень крепился на ободке в форме китайского дракона. Кольцо скользнуло на палец, и в тот же момент Перегрин ощутил, что окружающий мир изменился, словно из глаза вынули соринку.

— Лучше? — коротко осведомился Синклер.

— Да, намного, — кивнул Перегрин.

Туман, застилавший взор художника, исчез, однако присутствие скрытой силы

сохранялось. Тропинка сделала последний поворот и закончилась у открытой площадки, вымощенной плитами из привычного песчаника. В центре возвышалась сама беседка — ажурная белоснежная конструкция, увитая розами. У входа в арку темнела фигура величественного седовласого старца.

Друзьям было известно, что бригадный генерал сэр Джон Грэхэм достиг почтенного возраста девяноста двух лет, но в его облике не было ничего, говорившего о духовной или физической слабости. Напротив, стройность фигуры отставного генерала и горделивая посадка головы свидетельствовали о том, что он сохранил силу и задор молодости. Его чуть восточные глаза смотрели спокойно и пронизательно. Все еще красивое лицо покрывала сетка тонких морщин, которые прочертили не годы, как решил Адам, а тревоги и заботы. Старик был облачен во все черное, начиная от пуловера и широких брюк, и заканчивая эбонитовой прогулочной тростью с серебряным набалдашником, на котором величественно покоились его руки. На плечи отставного генерала было накинуто легкое летнее пальто, в тон всему костюму. Ощущение спокойной власти, исходившей от темной неподвижной фигуры, немедленно сообщило Синклеру, что перед ним стоит представитель одной из самых древних эзотерических традиций.

Согласно древней английской вере, существовавшей задолго до того, как христианство достигло берегов Альбиона, Человек в Черном олицетворял фигуру Бога Месяца, царственного супруга Королевы Луны. Вместе они воплощали могущественное Божество, которое оберегало туманный остров от всяческих напастей — болезней, мора и иноземных вторжений. Последний раз его действие проявилось во времена Второй мировой войны, когда вражеская нога так и не ступила на землю Британии. Скорее всего это было дело рук сэра Джона, подумал Синклер, поскольку он был самым старшим Человеком в Черном, возможно, самым могущественным на территории Англии. От старика исходила невероятная сила. Адам с легким удивлением осознал, что встретил личность равную, если не превосходящую его самого. Однако с каждым шагом Синклер убеждался, что сэр Джон, представ перед гостями в своем истинном облике, выказывал им наивысшую степень уважения. Он признавал их ровней, своими соратниками на службе Свету и Истине. Такое признание невозможно завоевать двумя телефонными разговорами, в одном из которых Адама представляла холодная, всегда сдержанная Линдси. Кэтлин прямо сказала, что их «проверили». Сэр Джон был отставным офицером разведки, но в случае с Охотниками это еще ничего не значило. Следовательно, Джон Грэхэм обладал иными источниками информации, неподконтрольными самому Синклеру, так как это был единственный способ узнать, кем и чем являлись его гости.

— Выходит, ты и есть сын Филиппы, — с улыбкой произнес сэр Джон. — Рад, наконец, познакомиться с тобой. Проходи, добро пожаловать.

Глава 15

Упоминание имени матери произвело на Адама эффект холодного душа. Ни на кого не глядя, он склонил темноволосую голову в грациозном поклоне и, взойдя по каменным ступеням, остановился у входа в беседку. В этот момент его правая рука сделала неуловимый жест, устанавливающий защитный экран.

— Гость всегда чтит традиции хозяина дома, — спокойно проговорил Адам, не сводя глаз с лица сэра Джона.

Последовало крепкое рукопожатие, и старик жестом пригласил гостей войти.

— Сэр Джон, позвольте представить вам моего Второго, Ноэля Маклеода.

Такая откровенность учителя поразила Перегрину до глубины души.

— А это мистер Ловэт, — непринужденно продолжал Синклер, — художник редкого таланта, не говоря уж о прочих достоинствах.

Старик загадочно улыбнулся и, протянув руку, бесцеремонно втащил Перегрину на верхнюю ступеньку.

В глубине беседки смутно вырисовывались очертания ажурного кованого стола с тяжелой стеклянной крышкой. Его окружали четыре таких же кованых стула, на сиденьях которых лежали элегантные подушечки, обтянутые веселым ситцем в цветочек. Солнечные лучи пробивались сквозь розовые заросли, образуя на полу замысловатую мозаику из пятен света и тени. В беседке пребывала та же атмосфера защищенности, что и в лесу. Грохот динамо-машины, преследовавший Перегрину на протяжении всего путешествия через лабиринт, исчез, как только художник переступил порог.

— Охотники! Великолепная команда, — с улыбкой обронил сэр Джон. — Присаживайтесь, джентльмены.

Последнее замечание сэра Джона повергло Перегрину в состояние шока. Он покосился на старших товарищей, но Адам и Ноэль, казалось, отнеслись к словам старика совершенно спокойно. Сэр Джон широким жестом указал им на стулья и сел сам. Синклер выбрал место по правую руку хозяина и едва заметно кивнул Маклеоду на стул справа от себя. Перегрину осталось единственное свободное место по левую руку хозяина.

— Итак, — произнес сэр Джон, опираясь руками на трость, — каждый из нас хотя бы в общих чертах представляет, зачем мы собрались здесь. Не будем терять времени. — Старик ненадолго замолчал. — Адам, если мне позволено называть тебя по имени, — обратился он к Синклеру, — ты, вероятно, хочешь спросить, откуда я знаю твою мать?

— Признаюсь, меня удивило, что вы знакомы, — осторожно подбирая слова, ответил Синклер.

— Не беспокойся, мой мальчик, — грустно улыбнулся старик, — я не открою тебе ничего, что могло бы опорочить ее доброе имя. Достаточно сказать, что в годы Второй мировой Филиппа и я вместе участвовали в одном проекте, от успеха которого во многом зависел исход войны. Ее отвага и другие качества, которые, я надеюсь, ты унаследовал в полной мере, восхищали меня до глубины души. Хотя она в те дни была еще совсем девочкой, моложе нашего мистера Ловэта, я думаю.

— Вы очень добры, — обескураженно пробормотал Синклер.

— Это чистая правда, — вздохнул сэр Джон, слегка склонив седую голову. — В мои годы уже не хочется растрчивать силы на пустые комплименты. Если бы не самопожертвование Филиппы, история могла пойти совсем иначе. В следующий раз, когда тебе случится говорить с Филиппой, передай ей от меня самый горячий привет.

Сэр Джон не стал уточнять, отметил Перегрин, жива ли еще мать Адама. Вероятно, о многом старик осведомлен лучше, чем можно было ожидать даже от Магистра. Синклер молча кивнул.

— Хорошо, тогда к делу. Во время нашего разговора по телефону ты благоразумно скрыл истинную подоплеку своего интереса к находящемуся в моих руках артефакту. Теперь, когда мы убедились во взаимной честности, надеюсь, ты откроешься мне. Ведь в том, что наши пути в конце концов пересеклись, нет ничего удивительного. Я хотел бы помочь тебе.

— Думаю, никто из нас не может винить другого в излишней осторожности, — ответил Адам, не скрывая облегчения. — И я очень рад, что вы согласны помочь нам, сэр Джон. Все наши надежды связаны с вашим крестом, иначе нам придется устранять последствия уже свершившегося зла, а не принимать меры по его предотвращению.

В следующие несколько минут Адам коротко рассказал сэру Джону о похищении Печати царя Соломона и все, что Охотники знали на данный момент.

— Теперь я не сомневаюсь, что Печать является могущественным артефактом, — сказал он в завершение своего повествования. — Мой друг Натан Финнс был убежден, что неверное использование Печати может разбудить страшную силу. Но мы понятия не имеем, ни что это за сила, ни принцип действия Печати. Я даже подозреваю, что Соломон сам сотворил то, что ныне она охраняет.

Синклер пересказал содержание сна, который приснился ему в ночь после смерти Натана, и видение Перегрину, подтвердившее существование магического Венца, который таинственным образом был связан с Джоном Грэхэмом Клаверхаусом.

— Полагаю, Венец является вторым элементом цепи, связывающей неизвестное зло, — заключил Адам. — Видение Перегринна также подтверждает мое предположение, что тайна Печати и ее охрана была доверена Магистрам Ордена Храма. Во времена гонений, когда флот Ордена бежал из Франции, Печать попала в Шотландию. Преемственность в передаче тайны сохранялась на протяжении столетий, пока виконт Данди не унес ее с собой в могилу.

— Понятно, — сказал сэр Джон. — И ты надеешься посредством креста войти в контакт с духом Клаверхауса?

Адам согласно кивнул.

— У нас есть некоторый опыт в таких делах. Ноэль является первоклассным медиумом. Вся наша надежда на то, что Клаверхаус согласится помочь нам, и мы узнаем, чего именно следует опасаться и какие меры предпринять.

Задумчиво кивнув, старик обратил взор на Перегринна.

— Ты уверен, что локон волос настоящий?

— Да, сэр, — ответил художник. — Я уверен, что увиденное на могиле виконта не было ложным. Безусловно, нет никаких материальных доказательств того, что локон в кольце и локон, срезанный с головы Клаверхауса, идентичны, но, судя по моим видениям, это так.

— Тогда почему ты считаешь, что при работе с кольцом связь оказалась нарушенной? — спросил Адама сэр Джон.

— Я сам задаю себе этот вопрос, — ответил Синклер. — Возможно, кольцо резонирует сильнее, чем локон волос, который скрыт куском горного хрусталя. Если бы кольцо принадлежало мне, я бы снял камень, чтобы получить прямой доступ к локону. Но я рискую потерять доверие владельца кольца, если в результате этой операции с ним что-то случится.

— Понимаю, — ответил сэр Джон. — Могу я взглянуть на него?

Не говоря ни слова, Адам опустил руку в карман, извлек перстень Данди и положил его на стол перед Джоном Грэхэмом. Старик отставил в сторону трость, нацепил на нос очки в серебряной оправе и склонился над кольцом, осматривая его с разных сторон. Мгновение спустя он взял перстень в руки, покатал на ладони, пристально глядя на локон, плотно прижатый к металлу, затем накрыл перстень правой рукой и закрыл глаза.

— Интересно, — пробормотал отставной генерал, снимая очки и убирая их обратно в карман. — Посмотрим, что с ним можно сделать...

Сказав это, старик опустил руку в другой карман, достал плоскую черную коробочку длиной около четырех дюймов, поставил ее на стол перед Синклером и жестом предложил открыть ее. Адам взял коробочку в руки и откинул крышку. Внутри на подушечке из черного бархата лежал старинный золотой, покрытый алой эмалью крест. Верхний кончик креста был увенчан маленьким ушком для цепочки или шнура.

— Ручаюсь, что в момент смерти на шее Данди был именно этот крест, — сказал сэр Джон. — Мой прапрадед получил его от французского священника по имени Дом Кальме, которому, в свою очередь, его доверил брат Клаверхауса. Прапрадед был представителем младшей ветви семьи. Ни сам Данди, ни его брат Дэвид не оставили наследников. Семейное предание гласит, что в 1745 году Великий Магистр Ордена Храма надел этот крест, принимая в Орден Чарльза Эдварда Стюарта в монастыре Святого Креста. Зная историческую ценность артефакта, перед тем как отправиться в очередной военный поход, Великий Магистр передал его на хранение сэру Малькому Грэхэму. — Старик замолчал. — Впрочем, я готов ответить на любые твои вопросы.

— Благодарю вас, — учтиво произнес Синклер. Повертев коробочку в пальцах, он протянул ее Перегрину. — Твое мнение?

Художник пристально посмотрел на крест, однако в руки не взял.

— Внешне не отличается от того, что я видел, — констатировал он, передавая коробочку Маклеоду.

— Ноэль? — Синклер перевел взгляд на Второго. Инспектор поправил очки и поднес коробочку ближе к глазам, но к кресту также не прикоснулся.

— Похоже, старый, — уклончиво ответил Маклеод. — Но я предпочту воздержаться от

непосредственного контакта с ним до того, как мы приступим к работе. Ведь вы позволите нам, сэр? — обратился Маклеод к генералу, ставя коробочку обратно на стол.

— Конечно, — утвердительно ответил сэр Джон. — Мое единственное условие, что крест не должен покидать пределы Оквуда.

— Можете в этом не сомневаться, — заверил его Синклер.

— Естественно, я предоставляю вам место и все необходимое для работы, — продолжил старик. — Кроме того, если вы не будете возражать, я бы хотел присутствовать при контакте, хотя бы как сторонний наблюдатель.

Адам, без того потрясенный силой защитного поля, установленного вокруг беседки, теперь отбросил последние сомнения на счет Джона Грэхэма. Он смотрел на темную величественную фигуру человека, сидевшего по левую руку от него, и понимал, что глубоко симпатизирует и, более того, доверяет этому седовласому старцу, когда-то работавшему вместе с его матерью. Сэр Джон принадлежал к тому же узкому кругу людей, посвятивших всю свою жизнь служению Свету, хотя традиции их школ могли сильно различаться в методах.

— Я буду рад, если вы примете участие в нашей работе, — искренне сказал Синклер. — Безусловно, Нозль является медиумом высшего класса и великолепно владеет техникой. До сих пор нам приходилось работать с существами, открытыми для контакта и готовыми вести диалог, а этот процесс не представляет больших трудностей. Сейчас нам предстоит общение с особенной душой, которая может не пожелать говорить с нами. Кроме того, не исключено, что душа Клаверхауса ныне переживает очередное воплощение.

Задумчивый взгляд сэра Джона скользнул по открытой коробочке. Когда старик поднял голову, его карие глаза лучились теплом и симпатией.

— Филиппа должна гордиться тобой, мой мальчик, — с нежной улыбкой произнес сэр Джон.

Холодная сдержанность, с которой встретил их Джон Грэхэм, вдруг уступила место трогательной заботливости, словно сквозь хмурую пелену облаков пробился к земле ласковый лучик солнца.

— Я сочту за честь помочь тебе, Адам. И предложил бы отложить контакт на более поздний час. Не будучи уверенными, что дух Клаверхауса не связан телесными узами, мы имеем больше шансов достигнуть успеха в то время, когда его тело, кем бы оно ни являлось в настоящем, будет пребывать во сне. При условии, что современное воплощение обитает в этой части света и в близком часовом поясе, — добавил он, неловко улыбнувшись, — иначе нам придется отложить беседу до более подходящего времени.

Синклер согласно кивнул, вспоминая недавний печальный опыт.

— Полностью согласен с вами. Как-то раз мне и моим коллегам довелось видеть, что происходит с душой, которую принудительно держат вдали от тела. К счастью, в результате нам удалось освободить ее и залечить нанесенные раны. Добавлю, что изначально мы не имели отношения к этому варварскому вызову.

— Я и не сомневаюсь, — с усмешкой ответил сэр Джон. — Впрочем, вернемся к проблемам насущным. Давайте обсудим, в какой форме проводить контакт. Смею предположить, что вам будет удобнее работать в привычной традиции. Что касается меня, сложностей возникнуть не должно. За годы практики я перепробовал множество методов различных школ.

— Так же, как и я, — вставил Адам.

— Что ж, если не возражаете, я займусь формулированием начальной установки, которая будет согласовываться с обеими традициями. В Оквуде мы обычно работаем здесь, — старик широким жестом обвел пространство беседки, — если, конечно, позволяет погода. Вы, должно быть, уже заметили, что атмосфера в беседке отличается от обычной. Это особое место, защищенное высшими силами, здесь нам не будут мешать.

— Вы читаете мои мысли, — улыбнулся в ответ Синклер. — Я не решался даже просить вас о том, что вы так великодушно предлагаете. Находясь под сенью этого дома, я

отдаю себя и свою команду под ваше мудрое руководство.

— Спасибо, Адам, — сказал сэр Джон, закрывая коробочку и опуская ее обратно в карман. — А сейчас нам пора возвращаться. Кэтлин будет очень сердиться, если я лишу ее вашего общества. Детали обсудим за чаем. Потом я покажу вам комнаты, где вы сможете отдохнуть и набраться сил для грядущей работы.

Глава 16

Сэр Джон вывел их из лабиринта. Старик шел быстро, хотя и опирался на трость. Присутствие силы не так явно ощущалось на обратном пути — возможно, потому, что хозяин сам сопровождал своих гостей. Как только компания ступила на лужайку возле дома, сэр Джон и Адам сразу же пошли рядом, беседуя о пустяках, словно два старинных друга. Перегрин, едва выйдя из лабиринта, потряс головой — его переполняли впечатления. Придя в себя, он стал намного яснее осознавать детали недавно увиденного.

— Ноэль, что ты о нем думаешь? — шепнул молодой человек инспектору, указывая глазами на сэра Джона.

Глаза инспектора саркастически блеснули из-под очков.

— Разве ты не можешь воспользоваться своим чудесным Зрением?

— Здесь я вижу слишком много, образы наплывают один на другой, и мне так просто не разобраться. Я бы кое-что зарисовал, но, честно говоря, не смею, а спрашивать разрешения — не решаюсь...

— Я бы тоже не посмел, — признался Маклеод. — Он ведь старший Адепт, Перегрин, и даже поважнее Адама, хотя старик принадлежит к другой школе. Однако они, похоже, отлично понимают друг друга. Если сегодня удача будет на нашей стороне, всех нас ждет интересная ночь...

Наконец компания вошла через французские двери в библиотеку. Маклеод и Перегрин по-прежнему шли сзади, соблюдая субординацию. В библиотеке они обнаружили Кэтлин Джордан, калачиком свернувшуюся в кресле с книгой в руках. Заметив вошедших, девушка отложила чтение и поднялась им навстречу. Поприветствовав сэра Джона легким поцелуем в щеку, она доброжелательно улыбнулась Адаму.

— Ну что ж, я вижу, вам не составило большого труда пройти наш лабиринт. Он вам понравился?

— У него свой характер, — отвечал Адам с задумчивой полуулыбкой. — Хотя, возможно, он, как и весь дом, лишь отражает характер хозяев.

— Это комплимент? — лукаво сверкнула глазами девушка.

— Конечно. — Адам отвесил ей галантный полупоклон. — Вы и ваш дом достойны восхищения.

Глаза их встретились, и Адам понял — Кэтлин знает, что он говорит не только об архитектуре.

— Что ж, спасибо. — Она взяла прадедушку под руку. — Ваша приязнь вполне взаимна. Тех, кому здешняя атмосфера не по нутру, лабиринт обычно пугает.

Сэр Джон хмыкнул, привлекая к себе внимание:

— Этим гостям наш дом вполне подходит, дорогая моя. Но окончательно мы убедимся в этом сегодня ночью. — Старик загадочно улыбнулся.

— Ах вот как...

— Я надеюсь, Адам, что вы погостите у нас до завтра, — продолжал сэр Джон. — Думаю, закончим мы достаточно поздно.

— Это очень любезно с вашей стороны, — учтиво отозвался Адам. — Если вы уверены, что мы не стесним вас... В противном случае нас ничуть не затруднит провести ночь в отеле.

— Итак, решено, вы остаетесь. Кэтлин, не могла бы ты переговорить с Линтоном? Наши гости хотят немного отдохнуть и освежиться после чая. Может, поместить их в восточном крыле, если тамошние комнаты готовы?

Кэтлин кивнула. Едва она потянулась к звонку, как раздался стук в дверь, и на пороге возник Линтон собственной персоной. Перед собой он катил изящный ореховый столик, сервированный для чая. Над чашками китайского фарфора вился ароматный дымок. Перегрин, успевший к тому времени изрядно проголодаться, с радостью взирал на широкие блюда с печеньями и сэндвичами. Кэтлин заговорила с дворецким о комнатах в восточном крыле, а тем временем юноша принялся за еду, едва дождавшись приглашения сэра Джона.

Чаепитие продолжалось около получаса. Адам и сэр Джон обсуждали теории реинкарнации, к ним неожиданно присоединился Маклеод, рассказав о собственном опыте медиума. Кэтлин по большей части хранила молчание, как и Перегрин, который, не имея возможности принять участие в разговоре, изучал хозяев дома. Увидеть ясный и однозначный образ сэра Джона ему так и не удалось — не получалось сфокусировать зрение, но Кэтлин с каждой минутой интересовала его все больше и больше. Когда чаепитие подошло к концу, и дворецкий повел гостей смотреть комнаты, Перегрин заговорил о ней с Адамом.

— Мне бы хотелось нарисовать ее, Адам. Как думаешь, она позволит?

— Не понимаю, когда ты собираешься это делать, разве что утром за завтраком, — усмехнулся его наставник. — Вряд ли после грядущей ночи ты будешь в состоянии самостоятельно добраться до постели, не то что рисовать. Каждый из нас должен приложить максимум усилий для преодоления пропасти между прошлым и настоящим.

Линтон провел гостей по галерее; ее стены украшали старинные картины, изображавшие сцены охоты.

— Вот комнаты, которые мисс Кэтлин распорядилась приготовить для вас, джентльмены, — бесстрастно сказал дворецкий. — Сэр Синклер, это спальня для вас; к ней примыкает ванная комната. Инспектор Маклеод, мистер Ловэт, вы займете апартаменты напротив, здесь общая ванная и две спальни. Ваши вещи уже доставили. Располагайтесь и звоните, если что-то понадобится.

— Я уверен, что не понадобится, — отозвался Адам. — Спасибо, Линтон.

Дворецкий откланялся и поспешил удалиться. Маклеод взглянул на часы и взялся за ручку двери.

— У нас есть немного времени, чтобы поспать. — Он бросил на Перегрин суровый взгляд. — Кстати, парень, я бы на твоём месте не паялся так на мисс Кэтлин. Ты что, уже забыл, что помолвлен?

Перегрин остолбенел и растерянно моргнул.

— Не забыл, конечно, и не думал забывать! Джулия — самая прекрасная девушка на свете. Уверяю тебя, что мой интерес к красавице Кэтлин исключительно интеллектуальный. Меня больше привлекает ее прошлое, чем настоящее.

— Ну, раз уж ты такой любитель прошлого, подумай-ка лучше о Бонни Данди, — с этими словами Маклеод захлопнул за собой дверь.

Перегрин недоуменно оглянулся на Адама.

— Не бери в голову, — посоветовал тот. — Ноэль просто страшно нервничает. Собственно, в этом нет ничего удивительного. Не так уж часто ему приходилось выступать в роли медиума. Кто угодно начнет психовать, зная, что через несколько часов придется уступить свое тело пришедшему из потустороннего мира духу! А если по окончании сеанса «гость» не захочет уходить? Я, конечно, уверен, что все пройдет без осложнений, у нас нет поводов для беспокойства, однако человеческие страхи зачастую иррациональны, и никакая логика здесь невластна.

Перегрин кивнул.

— Да, я об этом не подумал. На месте Маклеода я бы, наверное, еще не так разволновался. Когда мы планируем начинать?

— Вряд ли раньше десяти-одиннадцати, так что ты успеешь хорошо выспаться. В любом случае без нас не начнут. Между прочим, в традициях этого дома перед совершением обряда принимать ванну, чтобы очиститься как физически, так и духовно — избавиться от лишних мыслей, смыть дневную пыль. Кстати, не удивляйся, если ванну тебе придется

принимать при свечах. Это ритуал, имеющий целью привести человека в надлежащее состояние духа.

Перегрин снова кивнул.

— Понятно. Значит, пойду вздремну. Вечером увидимся.

— Непременно увидимся. Желаю хорошо отдохнуть.

Комната Перегрина располагалась напротив апартаментов Адама. В ней оказалось прохладно и сумрачно. На высоком потолке лежали тени, стены были обшиты панелями темного дуба. Возле широкой кровати Перегрин обнаружил свою сумку и этюдник. На ходу срывая галстук, он подошел к большому окну, выходившему в сад, и посмотрел вниз. Елизаветинский садик благоухал розмарином и тимьяном, под окнами зеленели буйные заросли лавра. Даже с высоты второго этажа художник слышал, как над клумбой лаванды гудят пчелы.

Глубоко вдыхая ароматный воздух, он постоял у окна, затем снял пиджак, расстегнул рубашку и повесил одежду на спинку стула, потом задернул шторы и лег в постель. Комнату окутал приятный полумрак. Положив очки на столик в изголовье, Перегрин попытался уснуть. Но мысли мешали, лезли в голову, не давали покоя. Он вспомнил уроки Адама и попытался очистить сознание и разум, полностью отрешиться. Чтобы сосредоточиться, художник коснулся губами своего кольца в форме китайского дракона, закрыл глаза и начал делать дыхательную гимнастику. Уже через несколько минут его мысли успокоились, тело обмякло, и Перегрин погрузился в зыбкое состояние между сном и явью.

Прошло, казалось, всего несколько минут, и он проснулся оттого, что кто-то громко барабанил в дверь. Молодой человек с трудом оторвал голову от подушки, неожиданно обнаружив, что в комнате уже совсем темно.

— Кто там? — недовольно отозвался он, садясь в постели и протягивая руку за очками.

— Ноэль. Я принял ванну, сейчас твоя очередь. Она уже наполнилась.

— Спасибо, я сейчас.

Перегрин включил настольную лампу и понял, что, пока он спал, в его комнате кто-то побывал — на спинке стула висел синий банный халат. Набросив его на плечи, молодой человек направился в ванную комнату. Ее и в самом деле освещали свечи — под потолком был прикреплен кованый канделябр. Погрузившись в теплую воду по самую шею, Перегрин посидел несколько минут, глядя на пламя и стараясь сосредоточиться на том, что им предстояло. Когда четверть часа спустя он вернулся в свою комнату, лампа была выключена. Вместо нее на столике горели свечи, их пламя слегка трепетало на сквозняке. На кровати лежало новое одеяние — длинная черная ряса с капюшоном. К ней прилагался ярко-красный широкий пояс. Перегрин скинул синий халат и просунул голову и руки в новую одежду. Мягкий шелк нежно прилегал к обнаженной коже. Не будь капюшона и этого тоскливого черного цвета, он бы решил, что вновь оказался в подвальной часовне Стратмурна, где проходил обряд его посвящения. Черный цвет облачений, признаться, немного пугал молодого человека. Когда он завязывал пояс, в дверь тихонько постучали. Это оказался Адам, одетый точно так же.

— Вижу, ты готов, — одобительно отметил он. — Нас скоро пригласят вниз. Если у тебя есть вопросы, задай их до начала обряда.

— Нет, никаких. — Перегрин задумчиво повертел кончик пояса. — Разве что... Скажи, красный пояс означает то же, что и у нас?

— Алый — цвет Посвященного. Это общее для большинства эзотерических традиций. А чем, собственно, тебя не радует алый пояс?

— Меня скорее не радует черная одежда, — угрюмо буркнул Перегрин. — Разве правильно — проводить весь обряд в черном?

Адам улыбнулся.

— Между прочим, монахи-бенедиктинцы всю жизнь носят черные рясы. Это тебя не настораживает?

— Конечно, но...

— Успокойся, Перегрин. Даю тебе честное слово, что мы не нарушаем никаких запретов, отступая от привычных правил. Представь, что наши черные платья — лишь рама для картины. Рама не меняет изображения, разве что несколько влияет на твое отношение к нему. В любом обряде самое важное лежит за пределами символики.

— Да, я понимаю, — поспешно заверил художник. — Я просто хотел сказать, что чувствую себя немного не в своей тарелке.

— Не волнуйся, тебе не придется прыгать выше головы, — успокоил друга Адам. — Основная роль сегодня вечером принадлежит Ноэлю. Твое участие ничем не будет отличаться от того, что ты уже делал десятки раз.

Едва Перегрин успел наскоро пригладить гребешком спутанные волосы, в комнату вошел Маклеод, тоже облаченный в черное. Инспектор, казалось, вновь обрел свое обычное хладнокровие.

— Перегрин, прости, что наорал на тебя, — как бы невзначай бросил он, глубже засовывая руки в карманы длинного одеяния. — Ты же знаешь, что я не нарочно.

— Да понимает он. — Адам примирительно похлопал инспектора по плечу.

Оставив дверь приоткрытой, Синклер усадил друзей на кровать по обе стороны от себя и коротко повторил им рекомендации, как лучше сосредоточить внимание.

В коридоре послышались тихие шаги, Адам прервал объяснения и встал. В дверях появилась Кэтлин со свечой в руках. Мягкий свет озарял ее задумчивое лицо и распущенные по плечам темные волосы. Как и все присутствующие, девушка была одета в черное и подпоясана алым кушаком.

— Как хорошо, что вы уже готовы, — тихо сказала она. — Следуйте за мной.

Трое мужчин направились вслед за девушкой вниз по ступеням. В последний момент Перегрин вспомнил, что нужно захватить планшет для рисования. В библиотеке их ждал сэр Джон, восседавший в кресле с высокой спинкой, чем-то напоминавшем трон. Прислонив трость к стене, он встал навстречу гостям. Через французские окна, ведущие в сад, комнату заливал яркий лунный свет, и Кэтлин задула свечу.

— Если ни у кого нет вопросов, предлагаю отправиться в беседку, — сказал сэр Джон, обводя собравшихся изучающим взглядом. — Здесь, в Оквуде, во время работы принято использовать сакральные имена, но, полагаю, в этот раз мы обойдемся без формальностей. Кстати сказать, близкие друзья зовут меня Седоголовый. Можете поступать так же.

Он жестом приказал Кэтлин возглавить шествие и пропустил гостей вперед, в залитый лунным светом сад. Луна светила так ярко, что маленькой процессии не требовалось дополнительного освещения. Четверо мужчин вслед за девушкой прошли по лужайке, ощущая босыми ногами холод выпавшей росы. Они приближались к лабиринту, который в сумраке выглядел сплошной темной стеной. Над его живыми древесными стенами возвышалась крыша беседки. Ночь была почти теплой, но Перегрин от волнения пробирала дрожь.

— Сейчас лабиринт может показаться вам совсем другим, — предупредила Кэтлин, кладя руку на створку ворот. — Его устройство, конфигурация и количество переходов зависят от рисунка на внутренней стороне ворот. Предназначение сегодняшнего рисунка — защита от зла. А еще лабиринт сможет удержать внутри себя любые силы, которые будут призваны нами в процессе обряда. Самое главное для вас сейчас — сохранить спокойствие, это поможет правильной расстановке сил. Идите по лабиринту, стараясь не искать и не замечать отличий. В центре остановитесь, в беседку мы должны войти первыми. Далее — вы, в порядке старшинства, но не раньше, чем вас позовут. Обряд совершается по строгой схеме, которую не следует нарушать. Сейчас вы — подчиненные.

Не дожидаясь ответа, девушка открыла ворота и бесшумно пошла вперед, проводя процессию по извилистым листованным коридорам. Гравий слегка колот босые ноги. В

темноте лабиринт казался совершенно иным, чем днем. Изменение его структуры произвело эффект прорвавшейся плотины: сила пронизывала воздух и сбивала с ног, клубясь над головами идущих, как живое облако. Впрочем, это было скорее не облако, а конус, и вершина конуса уходила в высокий купол беседки. С каждым шагом Адепты все дальше углублялись в лабиринт, подходя к источнику силы. Несмотря на то, что на пальцах Охотников мерцали сапфировые кольца, Перегрин ждал, что вот-вот вернется прежнее чувство потерянности, охватившее его в первый визит сюда. Но этого не случилось, может быть, потому, что его сопровождали оба хранителя лабиринта. Каким-то загадочным образом воля Перегринна слилась в одно с их волей. Сознание было кристально чистым, посторонние мысли ушли, сердце билось ровно и глубоко. Когда тропинка сделала последний поворот, Перегрин почувствовал, что готов к ночной работе.

Процессия ступила на залитые лунным светом тяжелые плиты. Они находились в самом сердце лабиринта. Адам и его товарищи замерли; вперед прошли сэр Джон и Кэтлин, поднялись по ступеням, ведущим в беседку. В белом сиянии луны решетчатые стены беседки, увитые розами, мягко светились. Изнутри беседку освещали фонарики, развешанные по углам. Стоявший в центре стол был накрыт белоснежной скатертью, по краям горели две свечи — черная и белая. Из глубины беседки исходило алое сияние, которое образовывало третью вершину огненного треугольника.

Кэтлин и сэр Джон безмолвно заняли места перед алтарем, спиной к остальным. На расстоянии Перегрин не мог разглядеть, что они говорят и что делают, но нетрудно было догадаться, как именно двое посвященных создают ритуальный круг. Закончив прелюдию, девушка и старец синхронно развернулись лицом ко входу. Сэр Джон протянул руку и взял нечто, до сих пор скрытое за дверным косяком. В руке его бледно сверкнул тонкий меч, по лезвию которого струился лунный свет. Он медленно поднял его и свободной рукой сделал Адаму знак приблизиться.

Поблагодарив сэра Джона легким кивком головы, Адам шагнул ему навстречу и взошел на ступени. На верхней площадке его встретило острое клинка, направленное в ямочку меж ключицами, как указующий перст.

— Кто идет? — властно спросил сэр Джон — достаточно громко, чтобы Маклеод и Перегрин тоже могли слышать.

Адам бесстрастно поднял глаза и, встретившись взглядом с величественным старцем, ответил:

— Адам, Магистр Охоты, слуга Света, принесший обет.

— Входи и ныне будь одним из нас, Адам, Магистр Охоты и слуга Света, — торжественно произнес сэр Джон и поднял меч.

Адам слышал неподдельную теплоту, с которой его приветствовал Седоголовый. Такая же теплота сквозила во взгляде Кэтлин, когда она взяла его за руку и легким поцелуем коснулась его губ. Запах духов смешивался с пьянящим ароматом роз, но даже сквозь этот дурман Синклер чувствовал, как изменилась атмосфера вокруг. Ступив в область магического круга, он всей кожей ощутил нисходящую на него силу.

Сэр Джон торжественно вложил меч Адаму в руки.

— Теперь ты можешь позвать своих Охотников.

С легким поклоном Адам принял меч и повернулся к Маклеоду и Перегрину. Рукоять меча слегка пульсировала у него в ладони. Адам воздел меч над головой, сливаясь с ним в одну волю, и взглядом приказал Маклеоду приблизиться. Инспектор слегка побледнел, однако спокойно двинулся вперед и взошел на ступени, бесстрастно встретив острое клинка, холодившее его горло.

— Кто идет? — произнес Адам ритуальный вопрос.

— Ноэль, Мастер Охоты, слуга Света, принесший обет.

Адам поднял меч над головой, позволяя другу пройти.

— Входи и ныне будь одним из нас, Ноэль, Мастер Охоты и слуга Света.

Маклеода приняла Кэтлин и также приветствовала поцелуем. Теперь наступил черед

Перегрина подняться по ступеням. Молодой художник выглядел торжественно и отрешенно, только широко распахнутые глаза выдавали его волнение. В левой руке, почти как шпагу, он нес планшет. Когда острый клинок уперлось в основание горла, он лишь чуть слышно втянул воздух сквозь зубы.

— Кто идет?

— Перегрин, Мастер Охоты, слуга Света, принесший обет.

Адам принял и этот ответ и легким кивком позволил Перегрину пройти. У входа его также встретила Кэтлин, повторив положенный ритуал.

Теперь, когда все были в сборе, Синклер вопросительно взглянул на сэра Джона, уже зная, что делать. Старец утвердительно кивнул, и Адам острием меча трижды начертил в воздухе крест, запечатывая вход. Он хорошо знал магию символов и удовлетворенно улыбнулся, ощутив, как могучая сила встала стеной у входа в ответ на его повеление. Закончив обряд, Синклер быстро присел и положил меч на порог острием наружу, чтобы усилить действие заклęcia. Затем повернулся и подошел к остальным, собравшимся вокруг алтаря. На белом полотне теперь лежали два артефакта, связанных с виконтом Данди, — кольцо и крест на шелковом шнурке.

Сэр Джон молча соединил руки с ладонями Кэтлин и Адама, взглядом предлагая им сомкнуть круг с Перегрином и Маклеодом.

— Прежде чем начать, мы должны сосредоточиться, — тихо промолвил он.

Адам глубоко вдохнул, продолжая начатое им еще при входе в лабиринт. Он сфокусировал взгляд на пятне алого света меж черной и белой свечами — в терминах эзотерики это означало Главный Столп, центр мира, находящийся в равновесии между столпами-близнецами: Жестокостью и Милосердием. Этой ночью им всем предстояло бороться за сохранение мирового порядка, забыв про собственные пристрастия и желания. Через несколько секунд легкое покалывание сказало Адаму, что пришло время приступить к главному. Руки посвященных разомкнулись, Кэтлин и сэр Джон придвинули стулья, до того стоявшие по углам беседки.

— Адам, думаю, вам с Ноэлем следует сесть друг против друга, непосредственно перед алтарем, — произнес сэр Джон. — Я встану у тебя за спиной, Кэтлин займет место за спиной Ноэля, а Перегрину, если он собирается рисовать, будет удобнее сидеть спиной к выходу, чтобы видеть все лица.

Синклер согласно кивнул и поставил два стула — для себя и Маклеода — так близко друг к другу, что сидящие почти соприкасались коленями. Перегрин занял указанную позицию и, пристроив альбом на коленях, достал из кармана сразу несколько заточенных карандашей. Сэр Джон встал слева и чуть позади от Адама.

Синклер переключил все внимание на Маклеода. Инспектор снял очки и положил их на стол, затем откинулся на спинку стула и устремил взгляд на Магистра, перед этим быстро коснувшись губами сапфира на пальце. Потом руки его бессильно опустились на подлокотники и замерли.

— Готов? — тихо спросил Адам.

— Да.

— Тогда закрой глаза и сделай глубокий вдох. По моему сигналу погружайся еще глубже.

Маклеод покорно опустил веки и полной грудью вдохнул ароматный воздух. На выдохе Адам протянул руку и положил свои чуткие пальцы на запястье Ноэля. Маклеод обмяк, голова его безвольно склонилась на грудь.

— Хорошо, — прошептал Адам. — Продолжай. Дыши. Глубже, еще глубже... Еще. Так глубоко, как только можешь. Слушай мой голос... Слушай только мой голос.

Маклеод проделывал эту операцию десятки раз, поэтому под руководством опытного наставника без труда достиг нужной глубины транса — оставаясь восприимчивым, но почти лишившись воли. Адам протянул руку и взял со стола крест Данди. Крепко сжимая реликвию обеими руками, Синклер закрыл глаза и приготовился исполнить свою часть ритуала:

призвать прежнего обладателя креста.

Первое, что он увидел, погрузившись в транс, была сияющая энергетическая сеть, опутавшая все пространство беседки и лабиринта. Тонкие живые нити, словно сотканные из звездного серебра, трепетали и звенели, вызывая в нем ощущение легкой эйфории. Погружаясь глубже, Адам чувствовал, что сияющие нити тянутся вслед за ним. На самой границе Тонкого Мира он продолжал ощущать теплое присутствие креста меж ладонями: реликвия казалась живым кусочком нежного пламени. На этом огоньке он сосредоточил все свое внимание. Синклер размеренно произносил слова Призыва, говоря одновременно языком тела и духа. Общая воля собравшихся вокруг алтаря увеличивала силу заклęcia.

— Джон Грэхэм Клаверхаус, виконт Данди и Великий Магистр! Силой этого креста, связавшего тебя с Орденом Иерусалимского Храма, обращаюсь к тебе и приказываю отвечать!

Он повторил призыв трижды... ответа не было. Тогда, аккуратно взяв крест за шелковый шнурок над самым ушком, Адам поднес его к лежащему на столе кольцу и снова устремил взгляд на реликвию, поблескивающую алой эмалью. Остальные члены круга также сфокусировали глаза на кресте, слегка вибрировавшем от колоссальной энергии, наполнявшей беседку. Мгновения, прошедшие с момента погружения в транс, казались Адаму часами. Бессильно опустив локти на стол, он безмолвно повторял слова заклęcia, призывая на помощь все светлые силы Вселенной, пока наконец из-за тонкой светящейся кромки Тонкого Мира не пришел ответ, которого они ждали.

Слова громко и отчетливо прозвучали в сознании Адама:

— Кто зовет меня?

Глава 17

— Кто зовет меня?

Вопрос вибрировал в напряженной атмосфере беседки, заявляя о появлении еще одного участника. Не давая себе расслабиться, Адам продолжал неотрывно смотреть на символ Ордена Храма.

— Магистр Охоты желает говорить с тем, кого некогда звали Джон Грэхэм Клаверхаус. Ты сейчас связан с Плотным Миром?

Ответ был отрицательным.

— В таком случае мой призыв не причинит тебе вреда, — продолжал Адам. — Силой Света, служению которому посвящены мы оба, я заклинаю тебя явиться и говорить со мной. Серьезные вопросы, связанные с тайнами Ордена Храма, требуют немедленного разрешения, и я прошу тебя о помощи, ибо ты — последний, кому мог быть ведом ответ. Тебя ждет сосуд, владелец которого уступает его тебе на время по доброй воле. Он приглашает тебя войти в храм его тела и говорить со мной его голосом. Ты принимаешь приглашение?

В тот же момент дух появился в беседке в образе мерцающего облака. Одновременно Адам услышал безмолвный приказ. Повинуясь, Синклер надел шнурок с крестом на шею, которая теперь уже почти не принадлежала его другу Маклеоду. Продолжая балансировать на грани двух миров, Адам коснулся ладонью лба Ноэля, тихо приказав ему расслабиться и не оказывать противодействия. Затем он откинулся на спинку стула, неотрывно глядя в лицо другу. Черты инспектора искажила легкая судорога, и сияющее облако, ярко сверкнув, закружилось вокруг креста, на мгновение окутав тело Маклеода светлой аурой. Постепенно мерцающая субстанция погрузилась в плоть инспектора и, последний раз вспыхнув, погасла.

Прошло несколько томительных секунд. Маклеод встрепенулся, вскинул голову и поднял веки.

— Я тот, кто был Джоном Грэхэмом Клаверхаусом, виконтом Данди, — произнес дух устами Маклеода, но более глубоким и звучным голосом. — Какие нужды Ордена оторвали меня от вечного созерцания Света?

Глубоко вдохнув, Адам неотрывно смотрел в глаза друга, бывшие сейчас зеркалом

совсем иной, загадочной души.

— Меня интересует предназначение Печати царя Соломона. Это крайне важно.

В холодных голубых глазах инспектора отразилось негодование.

— Кто дал тебе право спрашивать меня об этом?

— Я спрашиваю тебя по праву, принадлежащему мне, Магистру Охоты и юстициарию Тонкого Мира, — спокойно отвечал Адам. — Тот, чьим гостем ты сейчас являешься, также представляет Закон. Некто, отвергающий Закон и презирающий Свет, похитил Печать, предательски убив ее хранителя. Мне известно, что в мир придет великое зло, если вор освободит то, что хранит Печать. Потому я спрашиваю снова: что тебе известно о назначении Печати?

— Мне ведома тайна Печати, — Данди склонил голову, — но ты не знаешь сам, о чем просишь. — В его голосе послышалась нотка неизбывной скорби. — Я был последним членом Ордена, кто нес тяжесть этого знания, однако, ослепленный гордыней, не сумел передать его. Секрет ушел со мной в могилу — и не только тот, который ты ищешь. Я согрешил, и этот грех навеки связал меня с бесплотным существованием. Мне не дано ни обрести новую жизнь, ни продолжить путь к Свету, который я обречен созерцать лишь издалека.

В его словах звучали горечь и боль отчаяния. По лицу Маклеода пробежала слабая тень страданий, отмеренных проклятым душам. Может, грех Данди и в самом деле был велик, но Адам, в силу своей профессии привыкший проникать в тайники человеческой души, сумел разглядеть кое-что еще. С каждым мгновением Синклер убеждался, что судьей, наложившим тяжкие оковы на несчастную душу, был сам Данди. Именно самоосуждение, а не божественная справедливость теперь не отпускала его на свободу.

— Почему ты считаешь, что твоя ошибка непоправима? — мягко спросил Адам. — Уверяю тебя, Джон Грэхэм Клаверхаус, как только ты сам простишь себя, тебе будет позволено обрести Свет.

Черты Маклеода исказились от безумной тоски, смешанной с надеждой.

— Как я могу простить себе то, что не совершил? Мой долг остался не исполнен...

— Так дай исполнить его кому-нибудь другому, — спокойно ответил Синклер. — Если ты доверишь мне тайну Печати, я обещаю хранить ее так же ревностно, как некогда хранил ты.

— Доверить тебе, Магистр Охоты?.. — тоскливо произнес Данди. — Я не сомневаюсь, что твои намерения чисты, но я связан клятвой. Я не могу доверить тайну Печати тому, кто не принадлежит к братству рыцарей Храма, в котором я когда-то был Магистром.

— В таком случае ты можешь открыть ее мне, ибо я принадлежу к братству Ордена, — отвечал Адам. — Более чем за три столетия до твоего рождения я принес обеты Магистру Ордена Храма тех дней и окончил свою жизнь, сохранив верность обетам. Ныне в моих жилах течет кровь тех, кто так же, как и я, когда-то принадлежали братству. Именем Истинного Света, которому ты все еще хочешь служить, заклинаю тебя доверить мне то, что гнетет твою душу. Назначь меня своим преемником, возложи на мои плечи свою ношу, и будь, наконец, свободен!

Вложив все силы в этот отчаянный призыв, Синклер замолчал и склонил голову, ожидая ответа. Воздух в беседке словно звенел от напряжения.

Данди в теле Маклеода повернул голову и скользнул взглядом по лицам посвященных.

— Я вижу здесь других людей, Магистр Охоты. Можешь ли ты поручиться за них? Если я открою тебе свою тайну и кто-нибудь из них предаст, я буду проклят в веках. Ты обречешь мою душу на вечные муки!

— Эти люди — верные слуги Света. На протяжении многих жизней они хранили верность Ему, — отчетливо произнес Адам, уверенный в товарищах, как в себе. — Говори же, прошу тебя. Говори, пока сосуд еще способен выдерживать твое присутствие.

Голубые глаза призрака слегка затуманились. Несколько секунд он, казалось, размышлял над тем, что произойдет, если его обманут, потом все же сказал:

— Хорошо, Магистр Охоты. Я поверю тебе. Судьба моей души в твоих руках. Но если ты предашь, то разделишь со мной проклятие, как и твои люди.

— Я принимаю эти условия, — отозвался Адам.

— Тогда узнай же, что некогда узнал я, — после того, как решение было принято, голос Данди словно обрел новую силу. — Тайна эта родилась во времена самого Соломона, нашего духовного отца и основателя. Предание говорит о нем, как о могущественном волшебнике, повелителе людей и демонов. И он воистину им являлся, ибо именно Соломон Мудрый с помощью магии одолел великих демонов Ада Гога и Магога. Его Мудрость заключила их в узилище, в золотой ковчег, который был погребен им глубоко в подземельях Иерусалимского Храма.

Адам поймал себя на мысли, что невольно кивает головой. Где-то справа он чувствовал присутствие Перегринна, иступленно водившего карандашом по бумаге. Сэр Джон, неподвижно стоявший сзади, казался сгустком сверкающей тьмы, и только леди Кэтлин была почти невидимой.

— Храм был разрушен в 70 году после Рождества Христова, — продолжал Данди. — Прошли века до того момента, как рыцарь Гуго де Пайен и его собратья прибыли воевать в Святую Землю, и король Иерусалимский позволил им основать рыцарский Орден с цитаделью на развалинах Храма, там, где, по преданию, находились Соломоновы конюшни. Готовя землю для возведения постройки, строители натолкнулись в глубине на обширные подземелья и в одном из тайников нашли ковчег, запечатанный знаком Соломона, его личной Печатью. Чтя Соломонову Печать, братья решили не пытаться открыть ковчег, покуда не будет доподлинно известно, что скрывает он за своими золотыми стенами. При жизни основателей эта тайна не была раскрыта, но примерно сто лет спустя их продолжатели узнали секрет от таинственного вождя ассасинов, известного как Старец Горы. В его горной крепости помнили много древних легенд, связанных с ковчегом, сам же ковчег считался безвозвратно утраченным. Так тамплиеры узнали, что за сила таится в красивом ларце. Им стало известно, что демонами, заключенными в ковчеге, можно повелевать только при наличии трех артефактов: Печати, Венца Мудрости и Скипетра царя Давида.

В памяти Синклера вспыхнуло яркое воспоминание — сон, виденный им в ночь после смерти Натана Финнса. Царь Соломон на троне, с Венцом на челе, с Печатью и Скипетром в руках. Значит, с самого начала Адаму был дан ключ, а он не понимал этого!

— Три артефакта жизненно необходимы тому, кто рискнет иметь дело с ковчегом, — продолжал говорить Данди. — Оттиск Печати держит ковчег закрытым. Без нее ларец нельзя ни отпереть, ни запереть. Однако Печать можно использовать только в сочетании со Скипетром и Венцом! Венец дает своему носителю мудрость, чтобы противостоять безумию зла. Скипетр же позволяет держать это зло в подчинении. Если кто-то попытается открыть ковчег, не имея в руках защитных артефактов, демоны вырвутся наружу, и тогда их ничто не остановит. Они уничтожат весь мир.

Дух, занимавший тело Маклеода, поднял руку и прижал ладонь к кресту на груди. Голос его стал тише и задумчивее.

— Целью наших предшественников было уничтожить демонов или по меньшей мере никогда не позволить им обрести свободу. Они решили разделить реликвии, убоявшись искушения обратить силу демонов против врагов Ордена. И три реликвии перешли во владение трех верных рыцарей Ордена, связанных страшными клятвами; хранение же ковчега стало обязанностью Великого Магистра. Только он и узкий круг посвященных знали истинное назначение ковчега, а также имена тех троих, кто хранил реликвии. Тогда, после падения Акры, когда Орден был перенесен в Европу из Святой Земли, тамплиеры забрали ковчег и артефакты с собой во Францию. Они хранились в парижском Тампле до самых дней великих гонений. Последний Великий Магистр преодолел искушение использовать демонов в борьбе с Папой и королем Франции, предавшими Орден. Вместо этого он в целях безопасности отправил ковчег и три реликвии в Шотландию. Здесь ковчег снова был сокрыт, а реликвии отправились по тайным местам, где их хранили верные люди. В последующие

столетия большинство знаний было утрачено, но Венец, сменив многих хранителей, перешел ко мне — вместе с легендой, которую я только что тебе поведал.

Синклер перевел дыхание и провел рукой по лбу. В ушах эхом отдавалось слово «тебе», которое только что произнес Данди. Перед глазами мелькало множество ярких образов, связанных с Венцом. Он видел не то отголоски былых событий, не то что-то, происходящее сейчас, только очень далеко. Адам встряхнул головой, чтобы вернуть ясность мыслей, но путаница в голове сохранялась.

— Адам, что с тобой? — Сэр Джон, заметив неладное, опустил сильную руку ему на плечо.

Окончательно сбитый с толку, Адам взглянул на Перегрину, подавшегося в его сторону, потом схватил генерала за руку, как будто ища поддержки.

— Я... Я не знаю. Образы, картинки... Что-то связанное с Венцом. Я не могу уловить нечто определенное, и прогнать это тоже не могу.

Сэр Джон устремил орлиный взгляд на того, кто все еще гостил в теле Маклеода.

— Я говорю от имени Магистра Охоты. Прошу тебя остаться с нами еще немного.

Маклеод посмотрел на Синклера странным взглядом и медленно кивнул.

— Я согласен обождать. Некий друг ищет контакта.

— Что это значит? — прошептал Перегрин. — Ведь Адам — не медиум!

— Разве? — переспросил сэр Джон.

— Я никогда не был медиумом, — отчаянно подтвердил тот.

— Тогда, возможно, сейчас одна из твоих предыдущих личностей пытается выйти на контакт. — Сэр Джон не сводил с него сосредоточенного взгляда. — Ты знаешь о каком-нибудь прошлом своем воплощении, имеющем отношение к предмету нашего разговора?

— Нет. — Адам недоуменно покачал головой.

— Наверное, у этой инкарнации не было нужды проявляться до нынешнего дня, — пробормотал старший адепт. — Должен признаться, мне никогда не приходилось видеть ничего подобного — чтобы чья-то прошлая личность желала говорить с невоплощенным духом, находящимся в теле медиума!.. Хочешь, я помогу тебе? Ведь попытка совладать с этим в одиночку может плохо кончиться.

— Откуда у вас столько знаний и проницательности? — с мукой в голосе прошептал Адам, бросая взгляд на Маклеода. Сквозь глаза инспектора бесплотный дух взирал на него с таким напряженным вниманием, что Синклер с ужасом почувствовал страх. — Сэр Джон, вы говорите так, будто уже сталкивались с подобными опасностями.

— И куда чаще, чем мне бы того хотелось, — жестко ответил сэр Джон, опускаясь на колени рядом с Адамом. — Так ты доверишься мне?

— Конечно же.

— Благодарю. Я постараюсь направлять тебя тем же путем, каким ты вел Маклеода. — Генерал положил узловатую кисть на запястье Адама. — Расслабься. Сделай глубокий вдох. Теперь выдохни... Когда я коснусь твоего лба, ты отправишься глубже. Так глубоко, как возможно. Закрой глаза... Расслабься... Вдохни еще раз.

Адам и без того все это время находился на рабочем уровне транса. Теперь легкое прикосновение старшего адепта мощным толчком отправило его на такие глубины, в каких ему еще не доводилось бывать. Адам почувствовал сильное головокружение и погрузился в темноту, при этом полностью сохраняя ощущение собственной бытийности. Похоже, сэр Джон Грэхэм хорошо знал, что Делать.

— Хорошо, — издали донесся его голос. — Теперь иди назад. Погружайся в самого себя, в свое прошлое. В юность... В детство... В младенчество... И дальше... Дальше...

Ведомый тихим голосом сэра Джона, Адам заскользил по оси времени в обратном направлении; теперь только теплая рука старшего адепта связывала его с реальностью. Адам

ощущал себя листом, влекомым бурным потоком, и не мог противиться течению. Ему навстречу из туманной бездны времени быстро двигался остров — яркое пятно света в середине потока. В следующий миг он увидел, что это пятно — сосредоточенное лицо молодой женщины с закрытыми глазами.

Не сводя глаз с наставника, Перегрин едва успевал поглядывать на бумагу. Карандаш стремительно летал по листу на планшете.

Адам со слабым вздохом, переходящим в стон, откинулся на спинку стула. С его лицом происходили непонятные изменения: сквозь мужские черты, остававшиеся жесткими даже в состоянии глубокой релаксации, теперь проглядывал иной образ. Нежная линия щек, тонкий профиль... Перегрин едва не выронил карандаш, когда осознал, что уже видел это лицо — в тот день, когда им стало известно о существовании Венца Мудрости Соломона. Художник задохнулся, словно от удара в солнечное сплетение. Пока он пытался совладать с охватившим его изумлением, по телу Синклера пробежала слабая дрожь, и он открыл глаза, в которых застыл немой вопрос.

— Вы находитесь в поместье Оквуд, в Кенте, среди друзей, — оповестил сэр Джон новую сущность, изумленно смотревшую глазами Адама. — Вы можете назвать нам свое имя?

Губы Адама дрогнули, однако не произнесли ни звука. Левая рука приподнялась и потянулась к алтарю, словно пытаясь достать что-то.

Внезапно Перегрин осенило.

— Кольцо! — громким шепотом произнес он. — Ему нужно кольцо Данди!

Сэр Джон стремительно взял кольцо со стола и надел его на палец ищущей руки.

— Назовите свое имя, — мягко повторил он.

С губ Адама сорвался облегченный вздох. Его рука поднялась и прижала кольцо сначала к губам, потом к щеке. Глаза нового пришельца продолжали искать кого-то среди сидящих, но не могли найти. Наконец гость заговорил, и неожиданно для всех его голос оказался глубоким женским контральто.

— Я не знаю тебя, сэр. Я леди Джин Сетон, младшая дочь графа Данфермлинского. Я ищу Джона Грэхэма Клаверхауса. Умоляю, скажи, где он?

Перегрин наблюдал, как с каждым словом, слетавшим с губ Адама, черты юной девушки отчетливо проступали на лице наставника. Эффект был одновременно жутким и завораживающим. Однажды Синклер уже говорил ему, что любая душа, прежде чем достичь уровня адепта, проходит цепь последовательных воплощений, как мужских, так и женских. Адам также уверял, что и Перегрин имел в прошлом женские инкарнации. Но до сего момента Ловэт до конца не верил в это... Затаив дыхание, он украдкой достал чистый лист бумаги.

Тем временем Маклеод повернул голову, внимательно рассматривая Адама, и внезапно его голос наполнился нежностью.

— Милая моя, я здесь, — отозвался дух Данди. — Неисповедимы пути Господни, которые спустя столько лет странным образом свели нас. Разве я мог надеяться вновь услышать твой голос? Поведай же мне, как вы жили с момента нашей последней встречи. Как твоя сестра?

При звуке этого голоса губы Адама осветила улыбка радости, но при последних словах виконта в глазах появилась печаль, а ответ был исполнен глубокой тоски.

— Бывали разные дни, мой лорд, хорошие и дурные. Венец спрятан в надежном месте, как ты повелел нам, однако Гризель погибла, чтобы сохранить эту тайну.

Перегрин стремительно рисовал, поочередно бросая взгляды то на Данди, то на юную Джин. Казалось, что над головой Адама появился призрачный образ еще одной женщины. В руках она сжимала старинный золотой венец с шестью остроконечными зубцами. Но это было всего лишь воспоминание, образ, который художник столько раз безуспешно пытался поймать. Значит, Данди все же отдал им Корону! Неудивительно, что образ Венца Мудрости Соломона с самого начала преследовал Адама. Перегрин пытался запечатлеть лица обеих

женщин... И в этот момент духи заговорили вновь, впервые после многолетней разлуки.

— Так, значит, Гризель погибла? Как могло это случиться? — спросил Данди, а тело Маклеода подалось вперед.

Слезы блеснули на глазах у Адама, когда Джин вспомнила свою неизбывную печаль.

— Это произошло уже после твоей смерти, мой лорд. В те печальные дни, когда скорбь отравляла вкус победы, Гризель увезла Венец на север, в Файви, в замок нашего отца. Там он был спрятан в надежном тайнике. Она собиралась отправиться в Абердин, чтобы встретиться с отцом и вместе отплыть во Францию. Туда же другим путем отправилась и я. Но враги пришли раньше. О, мой лорд, это были безжалостные наемники, жадные до добычи. Нет сомнений, что они искали сокровищ попроще, каких уже не осталось в Файви к тому времени. Эти варвары пытали Гризель, считая, что замок полон родовых драгоценностей. Конечно, сестра знала, что Венец вполне бы удовлетворил алчность грязной солдатни, и могла сохранить себе жизнь. Но она предпочла умереть под пыткой, чем предать тебя и твою тайну.

— Дьяволы, они мучили нежную Гризель! — Данди скрипнул зубами в бессильной ярости. — Да будут они прокляты навеки!

— Успокойтесь, виконт, они уже получили свое. — Сэр Джон властно опустил руку на плечо Маклеода, хотя его взор был прикован к лицу Адама. — Леди Джин, мы бы хотели поговорить с Гризель, если возможно, — учтиво попросил он. — Вы не могли бы позвать ее сюда?

— Я могла бы позвать ее, — прозвучал печальный ответ. — Только она не придет даже на мой зов.

— Почему?

— Потому что ее не упокоенный дух до сих пор витает рядом с Венцом, зорко охраняя его от непрошенных гостей. Она не может оставить пост.

— Где расположен тайник? — продолжал настаивать сэр Джон.

— В замке Файви, в той самой зале, где пролилась ее кровь.

— Зеленая Леди! — внезапно воскликнула Кэтлин, заговорив впервые с момента начала ритуала. Поймав на себе непонимающий взгляд Перегринна, она поспешно объяснила: — Я собираю истории о привидениях. В одной из зал в замке Файви с давних пор обитает призрак, известный как Зеленая Леди. Как ты думаешь, Седоголовый, это Гризель Сетон?

Не отрывая взора от лица Адама, сэр Джон кивнул.

— Похоже на правду. Леди Джин, а что, если вы сами придете к ней? — продолжал вопрошать старец. — Сестра согласится открыть вам место, где спрятан Венец?

Адам неуверенно взглянул на него своими темными глазами.

— Пока мы жили и дышали, у нас не было секретов друг от друга, но теперь это не ее тайна, и может быть, она не вправе...

— Нет, — перебил их голос Данди. — Это моя тайна. Ах, милая, отважная девочка, — с нежностью произнес виконт, — разве мог я предположить, что в своей верности она пойдет даже на смерть под пыткой! Каким же черствым был я, Боже мой! — Данди Маклеод печально склонил голову. — Джин, я хочу, чтобы ты направилась к ней как мой посланник. Покажи ей кольцо и возьми крест, который я носил до самой смерти. Я поручаю тебе освободить Гризель от клятвы, преданно хранимой ею на протяжении стольких лет. Передай ей мою любовь и благодарность за верность, и пусть почивает в мире, ибо отныне эта тяжелая ноша ложится на другие плечи.

Адам покорно склонил голову и произнес голосом Джин Сетон:

— Я исполню твой приказ, мой лорд, и сделаю это по доброй воле.

— Милая Джин... — едва различимо прошептал Данди.

Уже на протяжении некоторого времени по бледному лицу Маклеода пробежали судороги, а дыхание стало частым и прерывистым. Подчиняясь безмолвному приказу прадеда, Кэтлин положила тонкие пальцы на запястье инспектора. Седой старец склонился над телом Синклера и прошептал несколько слов, после чего Адам закрыл глаза и бессильно

откинулся на спинку стула.

— Пульс слишком быстрый, — озабоченно произнесла Кэтлин, продолжая держать Ноэля за руку. — Пора заканчивать.

— Не возражаю, — отозвался сэр Джон. — Думаю, мы узнали все, что было необходимо.

— Сэр, — учтиво обратился к Данди Седоголовый, — тело, в котором вы пребываете как гость, уже устало. Я должен просить вас покинуть его.

— Хорошо. Передайте мою благодарность хозяину и той благородной душе, которая взяла на себя тяжесть моей неисполненной клятвы.

— Мы благодарим вас в ответ, — произнес сэр Джон. — Ныне, вооруженные вашим знанием, мы найдем средства обуздать зло, от которого на протяжении веков Орден Храма оберегал мир.

Старик протянул руку и коснулся запястья Маклеода.

— Иди с миром в царство Света, и да пребудет с тобою Господь.

Глаза Маклеода закатились, из груди вырвался протяжный стон, голова безжизненно повисла. На секунду оставив Адама одного, Седоголовый обеими руками снял с шеи Маклеода алый крест и, стремительно начертив на лбу таинственный символ, коснулся его сомкнутых век узловатыми пальцами, на которых просвечивали голубые вены.

— Гость ушел, Ноэль. Ты можешь вернуться, — тихо произнес старик. — Когда будешь готов, глубоко вдохни, На выдохе ты очнешься, здесь и сейчас, в полном сознании, отдохнувший и посвежевший.

Сэр Джон отнял ладонь от лба инспектора. Ноэль глубоко вздохнул, шевельнулся и открыл глаза. Затем моргнул, словно очнулся от глубокого сна, и легонько потряс головой.

— Не так уж плохо, — невнятно пробормотал он. — Если бы всегда это проходило так легко...

Маклеод окинул присутствующих вопрошающим взглядом и замер в растерянности при виде Магистра, безжизненно поникшего на стуле. Инспектор покосился на Перегрину, затем недоуменно обернулся к Седоголовому, ожидая разъяснений.

— Да, сегодня ночью ты оказался не единственным, кто принимал гостей из потустороннего мира, — задумчиво кивнул сэр Джон. После чего, предоставив Маклеоду делать собственные выводы, старый адепт возвратил крест на алтарь и осторожно снял с руки Адама кольцо Данди.

— Джон Грэхэм Клаверхаус вернулся в царство Света, — сурово обратился к духу девушки сэр Джон. — Сейчас нам предстоит завершить его труды. Леди Джин Сетон должна отправиться туда, откуда пришла, и явиться вновь, когда на пальце сэра Синклера воссияет это кольцо. Отплыви на глубину, Адам, и возвращайся назад, в свое настоящее. Ты идешь к себе, к Адаму Синклеру, но не спеши, когда будешь готов...

Глава 18

Безвольно покачиваясь на волнах в туманной дымке жемчужного моря, Синклер неожиданно услышал строгий голос, властно звавший его по имени. Пробудившись от забытья, Адам медленно двинулся на зов сквозь плотные белесые слои времени, навстречу яркой светящейся точке. Внезапно его охватило ощущение легкости, почти блаженства. Постепенно убыстряя полет, он прорвал тонкую пленку, отделявшую царство Света от материального мира, и, широко распахнув глаза, вынырнул на поверхность. В то же мгновение его взгляд наткнулся на Седоголового.

— С возвращением, — промолвил старик с улыбкой. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — отозвался Адам, покосившись в сторону Маклеода, чтобы убедиться, что с другом тоже все в порядке. — О, мой Бог, как же глубоко вы, должно быть, завели меня! Я совершенно ничего не помню.

— И неудивительно, — спокойно кивнул сэр Джон, протягивая руку. К нему

приблизилась Кэтлин и положила на ладонь миниатюрный диктофон. — Мы обычно записываем сеансы на пленку, если ожидаем гостей из астрала. К счастью, предчувствие меня не обмануло. Порой даже четверем бывает трудно воспроизвести слова одного, что уж говорить о том, чтобы трое могли верно передать содержание столь необычного диалога! За ужином мы прослушаем пленку — получите представление о том, что происходило здесь в ваше отсутствие. Кстати, юноша, разрешите полюбопытствовать, что вас так занимало во время сеанса? — продолжал он, лукаво поглядывая на художника.

Вместо ответа Перегрин протянул свой рабочий альбом. Адам подошел ближе к свету, быстро просмотрел наброски и, тряхнув головой в попытке подавить непроизвольный зев, сказал:

— Полагаю, после ужина эти художества станут более понятными. Скажите, Седоголовый, мы получили нужную информацию?

— Да, — коротко ответил сэр Джон. — Предлагаю сомкнуть руки и завершить обряд, как положено. Затем можно будет пойти в дом, переодеться и наконец поесть. Все остальное обсудим за ужином.

Двадцать минут спустя, сменив обрядовые облачения на более удобную и привычную одежду, вся компания собралась в библиотеке. Сэр Джон и Кэтлин сосредоточенно искали что-то на книжных полках, остальные угощались горячим супом и бутербродами. Адам и Маклеод увлеченно слушали запись, которую Перегрин иллюстрировал своими набросками и комментариями. Ни один из них, оказывается, почти ничего не помнил из того, что происходило в беседке. Перегрин, в свою очередь, не мог понять, как хрупкая и женственная Джин Сетон могла быть единой плотью с бесстрастным мускулистым сэром Синклером.

Запись закончилась; Адам выключил диктофон и с усмешкой поглядел на Перегрин, который сосредоточенно сравнивал один из своих набросков с настоящим обликом Адама Синклера.

— Что, не похож? — Он вопросительно поднял бровь.

— Честно говоря, я просто не ожидал... — начал оправдываться художник.

— А, собственно, почему? Когда мы впервые обсуждали вопросы реинкарнации, я говорил тебе, что часть моих прошлых воплощений были женскими, хотя до сегодняшнего дня я не знал о существовании именно этой сущности. Так или иначе, теперь мы получили прочную ниточку, связывающую нас с Данди.

— Конечно, ты говорил, — согласился Перегрин. — Но теоретические представления — это одно, а видеть такое собственными глазами — это, извини, совсем другое! — Перегрин помолчал, что-то пристально рассматривая у себя в альбоме, затем поднял глаза и иронично добавил: — Знаешь, Адам, ты был очень симпатичной девушкой!

— Благодарю за комплимент, — небрежно бросил Синклер. — Не понимаю, что тебя так веселит. Ты ведь не находишь ничего удивительного в том, что маг Майкл Скотт и юная Джиллиан Толбэт являются двумя аспектами одной и той же личности?

— Не нахожу, — согласно кивнул Перегрин. — Но никого из них я не знал лично. То есть я имею в виду, леди Джин Сетон была такая... ну, очень женственная, а ты...

— А я, как и любой другой, сочетаю в себе мужские и женские черты, — изящно закончил Синклер, улыбнувшись при виде, как Маклеод вытаращил глаза, в отчаянии кусая бутерброд. — Сейчас я на минутку стану психологом. Карл Густав Юнг, например, определяет цельную личность как *conjunctio oppositorum*, то есть единство противоположностей. Вопрос только в соотношении, которое обычно определяется биологической принадлежностью к одному из полов. Из двух X-хромосом развивается женское тело, а социальная среда усиливает воздействие женского начала на развитие души. Замените одну X-хромосому на Y, и эффект будет обратным. Потенциал для изменений есть всегда. Иными словами, каждый мужчина имеет в душе аниму — женское начало, а каждая

женщина, в свою очередь, аними. Временами под действием различных факторов психологическая установка настолько перевешивает биологический пол, что человек становится транссексуалом. Такое происходит не так уж редко и вовсе не является чем-то постыдным или грешным. Таковы реалии человеческого бытия.

— Ты, как всегда, прав, — несколько сонно согласился Перегрин, — и я вовсе не собираюсь оспаривать твои доводы. Просто мне требуется время, чтобы привыкнуть к таким проявлениям человеческой природы.

Постепенно потрясение от событий последних часов сменилось жгучим любопытством о собственных прошлых инкарнациях. Перегрин поймал себя на мысли, что было бы небезынтересным взглянуть на мир женскими глазами. Он вспомнил Джулию и подумал, что такой опыт мог бы оказаться весьма полезным в будущей семейной жизни. Впрочем, размышления на matrimониальные темы не мешали ему с аппетитом поглощать пирог.

Вскоре подошел сэр Джон. Опустив на стол стопку книг, из которых выглядывали бумажные закладки, он грустно промолвил:

— Вы, кажется, хотели узнать, что скрывается за именами Гог и Магог. Я нашел кое-какую информацию, только, боюсь, облегчения она не принесет.

Сэр Джон опустил в свободное кресло и скрестил пальцы в ожидании, когда присутствующие будут готовы воспринять то, что он собирался поведать им.

— Если имена Гог и Магог действительно принадлежат демонам, то мы имеем дело с очень древним злом. Полагаясь на достоверность информации, предоставленной Данди, я заключил, что происхождение этих тварей связано с именем легендарного царя Соломона, умершего примерно за 925 лет до Рождества Христова. Отсюда следует, что эти создания, чем бы они ни являлись на самом деле, находятся в заточении без малого три тысячи лет.

Старик на мгновение прервался, предоставив возможность собравшимся переварить услышанное.

— Первое упоминание о Гоге и Магоге встречается в Книге Пророка Иезекииля, написанной между 592-570 годами до Рождества Христова. Их имена пророк связывает с некой страшной угрозой. Господь, желая покарать Израиль, посылает на него ужасного князя Гога из Магога. Примерно через тысячелетие эти имена появляются в Коране, который называет их «отравителями земли».

— Другими словами, — подытожил Маклеод, — Гог и Магог выступают олицетворением зла в различных религиозных традициях.

— Да, похоже, что все эти аллюзии имеют общий источник, — согласился Адам.

— Дальше — больше, — продолжил сэр Джон. — Со временем Гог и Магог появляются в британском фольклоре в обличье двух злобных великанов.

Он открыл одну из книг и сверился с подчеркнутым абзацем.

— Гальфрид Монмутский, живший в двенадцатом веке, сообщает нам, что до того, как в 1200 году до Рождества Христова Британию завоевал Брут со своими троянцами, эти земли были населены племенем великанов. Кориней, став правителем Корнуолла, уничтожил всех великанов в своей земле, а с последним из них, двенадцатифутовым Гогмагогом, долго боролся и сбросил его в море, где великан и утонул. Еще три века спустя имена демонов опять появляются в связи с Корнуоллом. Кэкстон называет Гога и Магога единственными выжившими из сынов тридцати трех дочерей императора Диоклетиана. Бесчестные женщины убили своих мужей, за что их посадили в лодку без весел и отправили в открытое море. Но они не погибли, потому что лодку прибило к берегам Корнуолла, и там порочные женщины поселились и сожительствовали с демонами — во всяком случае, так гласит легенда. Порожденный ими народ великанов был в конце концов уничтожен — за исключением Гога и Магога, которых взяли живыми и привезли в Лондон, где приковали к воротам королевского дворца Брута.

— Знаете, — неожиданно из-под потолка раздался голос Кэтлин, — мне пришла в голову интересная литературная параллель.

Мужчины дружно повернулись в ее сторону. Спускаясь со стремянки, девушка продолжила:

— Отдельные эпизоды этой истории вызывают в памяти чудовищ из легенды о Беовульфе. Грендель и его мать описаны как жуткие создания, полувеликаны-полудемоны, питающиеся человечиною. Герой Беовульф не только побеждает чудовищ, он воплощает архетип мудрого царя, который имеет много общего с легендарным царем Соломоном иудейско-христианской традиции. Скорее всего царь Соломон служил прототипом для всех эпических героев такого рода. Впрочем, это уже отступление от темы.

— Отступление или нет, но эта история во многом совпадает с предыдущей, — заметил Адам. — Все легенды объединяет одно: чтобы одолеть упомянутое зло, требуется сверхъестественная сила и мудрость. Седоголовый, чем закончилась история с великанами по Кэкстону?

— Они умерли, и на месте их смерти установили каменные изваяния, — ответил сэр Джон. — Кстати сказать, сей факт уже относится к области реальной истории. Статуи великанов действительно находились в лондонском Гилдхолле в пятнадцатом веке. Большинство источников отождествляет их с Гогмагом и Коринеем Гальфрида, хотя некоторые считают, что это Гог и Магог по описанию Кэкстона. В любом случае изваяний больше нет — они сгорели во время Великого пожара 1666 года. Однако легенда оказалась живучей, и на месте сгоревших скульптур в 1708 году изваяли новые. Эта композиция уже полностью соответствовала легенде Кэкстона и называлась «Гог и Магог, последние великаны Британии». Она просуществовала вплоть до 1940 года и была разрушена при воздушном налете на Лондон. На этом их история, наконец, заканчивается.

Сэр Джон снял очки и взглянул на Адама. Тот задумчиво кивнул.

— Я видел фотографии этих скульптур.

— Мне повезло больше — я видел сами скульптуры, — усмехнулся сэр Джон. — Меня специально водили на них посмотреть, когда я был маленьким. Довелось мне побывать и на груде камней, оставшихся от изваяний после памятного налета на Лондон. На самом деле скульптуры имеют для нас немного значения — они всего лишь слабый отголосок событий, происходивших более трех тысяч лет назад. Если мы отбросим все лишнее, привнесенное фольклорным сознанием, информации остается очень мало: во-первых, во всех легендах Гог и Магог ассоциируются с некой злой силой, во-вторых, возникновение этой силы восходит по меньшей мере к библейским временам. Еще пророк Иезекииль использовал их имена для устрашения своего народа неким древним злом, которое вот-вот вернется. Народная память о неведомом зле так глубоко укоренилась в индоевропейском сознании, что отголоски легенд можно найти даже в средиземноморском фольклоре. Вместе с римскими завоевателями эти предания в конце концов пришли на британские земли.

— А сами демоны были погребены в ковчеге под Иерусалимским Храмом! — поражение покачал головой Маклеод.

— Похоже, что так, — подтвердил сэр Джон. — Любопытно: первые изваяния Гога и Магога появились в то самое время, когда ковчег с демонами прибыл в Британию. Если, конечно, допустить, что Данди обладал достоверной информацией. Но легенды-то существовали за века до того, почему же статуи возвели именно в том столетии?

— Возможно, само присутствие демонов на острове пробудило дремавшую память об их существовании, — предположил Адам. — Представляете, насколько сильны связи человеческой психики с коллективным бессознательным? Существование изваяний говорит само за себя. Единичные упоминания еще можно было бы счесть случайными. Но если рассматривать всю картину в целом, и при этом вспомнить слова Данди, который назвал Гога и Магога демонами и сообщил, что главная задача тамплиеров изначально состояла в том, чтобы сдерживать угрожающее человечеству зло...

Повисло напряженное молчание.

— Отлично, — хмуро высказался Маклеод. — Значит, мы имеем дело с демонами. Чтобы с ними сладить, нужно быть мудрым, как сам царь Соломон, а тот, кто похитил Печать у Натана Финнса, может выпустить их на свободу.

— Нужно его остановить! — воскликнул Перегрин. — Но как?

Сэр Джон взглянул на Адама. Его карие глаза загадочно блеснули под густыми бровями.

— Думаю, Адам знает, что должен делать, — многозначительно сказал он.

— Похоже, иного выхода нет, — угрюмо кивнул Адам. — Завтра мы отправимся с визитом в замок Файви просить мою «сестру», Зеленую Леди, помочь нам достать Венец из тайника.

— Ты серьезно? — недоверчиво усмехнулся Перегрин. — не лучше ли оставить Венец там, где он уже пролежал три сотни лет? По-моему, это безопаснее.

— Может, и безопаснее, — согласился сэр Джон. — Только не забывай, что вор, завладевший Печатью, наверняка охотится за ковчегом, в котором, как он полагает, хранятся мистические сокровища тамплиеров. И если Печать для него не просто антикварная вещица, представляющая определенную художественную и историческую ценность — я имею в виду, если он знает истинное назначение Печати, — она поможет ему обнаружить ковчег, поверь мне. Сумеет ли вор добраться до остальных двух реликвий, я не знаю. Но лучше бы вам найти Венец прежде него. Адам, ты обязан успеть раньше. Если вор доберется до ковчега...

— Боже мой, вы правда думаете, что он может просто взять и открыть ковчег? — широко распахнув глаза, воскликнул Перегрин.

— Люди такого склада пойдут на все, чтобы получить вожаемое, парень, — кивнул Маклеод, задумчиво постукивая кончиком пальца по чашке с чаем. — Он просто не способен оценить опасность, которой подвергает себя. Если мы не опередим его, он умрет страшной смертью или сойдет с ума, и одному Богу известно, чем все это кончится.

— Поэтому мы должны быть во всеоружии, — сказал Адам. — Без Венца и Скипетра к ковчегу опасно даже приближаться. Данди сообщил, что Венец дарует своему носителю высшую мудрость и защищает от безумия зла. Может быть — и я очень на это рассчитываю, — Венец откроет, как правильно пользоваться силой Скипетра. Наша задача не только в том, чтобы остановить вора и не дать ему освободить демонов; мы должны быть уверены, что, если он все же опередит нас, мы все равно справимся с Гогом и Магогом, так сказать, загоним джиннов обратно в бутылку. Очевидно, демонов нельзя уничтожить силами Венца, Скипетра и Печати, иначе Соломон сделал бы это. Достаточно будет, если мы сумеем вернуть демонов обратно в узилище и при этом избежим печальной участи стать для них праздничным завтраком.

Глава 19

Обсуждение в библиотеке продлилось еще час, после чего компания разошлась. С трудом поднимаясь по лестнице вслед за Маклеодом и Перегрином, Адам чувствовал, как волнами накатывает усталость, обволакивая с каждым шагом все больше и больше. Он приготовился ко сну, но мысль о мерах предосторожности не покидала его — верный признак того, что работа в эту ночь еще не закончилась. Подсознание послушно обрабатывало полученную информацию, постепенно выстраивая стратегию последующих действий. Едва коснувшись подушки, Адам погрузился в крепкий и глубокий сон.

Некоторое время физическая оболочка Синклера просто плыла без всякой цели по галереям памяти, словно турист, блуждающий среди картин. Одна сцена сменялась другой, пока наконец он не оказался перед величественным полотном в старинной золоченой раме. Бородатый мужчина на царском троне занимал центральное место на этой картине. Адам сразу же узнал в нем царя Соломона. Великий царь Израиля был в свободном струящемся платье из пурпурной материи, расшитом каббалистическими символами. В своем предыдущем сне Адам уже видел его в этом облачении, но теперь на шее Соломона висела

Печать на толстой золотой цепи, а длинные седые волосы поддерживала золотая корона в форме шестиконечной звезды. В правой руке он держал Скипетр, излучающий энергию власти. У ног царя Соломона стоял золотой ларец высотой в половину человеческого роста. Крышка ларца была увенчана четырьмя крылатыми фигурами, которые напомнили Адаму пророческие видения Иезекииля и описания Ковчега Завета.

Пока Адам с интересом рассматривал полотно, сама сцена внезапно ожила, расширяясь и вовлекая его в центр событий. Вот он уже стоял перед тронном в своем ритуальном сапфирово-синем облачении, склонив голову в знак уважения перед великим царем.

Когда Адам выпрямился, налетел ужасный ветер, а пол под ногами закачался от внезапного громового удара. Царь Соломон мгновенно поднялся с трона и посмотрел вверх. Проследив за его взглядом, Адам увидел, что над балдахином клубятся желтые облака, наполненные вспышками ядовито-зеленого пламени. К его ужасу и смятению, эти облака вдруг превратились в двух огромных человекоподобных существ с извивающимися конечностями в форме щупалец, на концах которых скалились клыкастые пасти. Демоны бросились к царю, намереваясь разорвать его на куски. Они брызгали слюной и выкрикивали проклятия.

Сверкнув темными глазами, Соломон поднял Скипетр и направил его на тварей. Яркая молния воспламенила воздух, испустила лучи и опутала ими демонов, словно сетью. Ошеломленные демоны остановились, ревя от боли и ярости. Не выпуская направленный вверх Скипетр, царь нагнулся и свободной рукой распахнул крышку ларца. Выпрямившись в полный рост, он произнес Повеление и жезлом указал на открытый ковчег. В то же мгновение демоны съежились и бессильно опустили в него. Не обращая внимания на их вопли, царь Соломон с грохотом захлопнул крышку и ткнул в нее Скипетром. Ромб из жидкого золота оказался там, где крышка смыкалась с самим ковчегом. Сняв с шеи цепь, Соломон взял Печать и вдавил ее в расплавленный металл. Перед изумленными глазами Адама появился отпечаток Печати. Он был виден очень ясно, точно сотканный из огня — шестиконечная звезда из двух пересекающихся треугольников, окаймленная вязью каббалистических символов. Внезапно звезда разгорелась с еще большей силой. Ослепленный, Адам закрыл лицо руками и отшатнулся. Упав на колени, он услышал, как низкий голос произносит нечто. Слова звенели, будто пророчество:

Ashrei adam matsah chokmah.

Eits chaim hi la'machazikim.

Bah ve tomchehah meooshar...

Придя в сознание, Адам встал с постели и начал искать записную книжку и ручку, оставленные им перед сном на ночном столике. Лунный свет, струящийся сквозь окно, помогал ему ориентироваться в темноте, и его рука двигалась так, словно он парил в том зыбком состоянии между явью и сном, которое очень часто открывает путь к внутренней мудрости. Синклер и не пытался разобрать то, что писала рука, — анализ мог помешать происходящему. Образ царя Соломона оставался перед ним до тех пор, пока энергия в руке не иссякла. Ручка и записная книжка выпали из рук, и сознание Адама вновь погрузилось в царство сна. Он откинулся на подушку, но навязчивые видения золотого ковчега и огненной Печати еще долго преследовали его.

Печать, казалось, стала еще ярче, когда Анри Жерар, держа реликвию на вытянутых руках, сосредоточил на ней свой взгляд. В нескольких сантиметрах от того места, где он опустился на колени, мягко сиял на квадратном куске черного бархата хрустальный шар в форме кулака. Невзрачная мебель была отодвинута к стенам и накрыта новой белой материей. При свечах Жерар мог вообразить, что работает в настоящем храме. В течение трех

дней он постился и готовился к своей опасной затее. Теперь его усилия были вознаграждены.

Словно дикий огонь, радужные лучи затанцевали по четырем стенам комнаты, отражаясь от внутренней области шара. Когда Жерар перевел взгляд в центр магического кристалла, в его глубине начал формироваться смутный образ. Постепенно образ приобретал все более четкие очертания, в которых Жерар различил шестиконечную звезду, оттиснутую в чистом золоте и обвитую вязью древнееврейских букв — зеркальное отражение Печати в его руках. Едва дыша, он собрал всю свою волю, чтобы увеличить зону концентрации. Жерар чувствовал, как энергия покидает его, однако усилия не прошли даром. Перед восхищенным взором грабителя возник большой золотой сундук в форме ковчега, крышка которого была увенчана четырьмя крылатыми золотыми фигурами.

Глаза Жерара расширялись от алчности, по мере того как сцена в кристалле приобретала четкость.

На золотых фигурах дрожал свет, и казалось, они наполняются жизнью. Четыре рыцаря-тамплиера в белых накидках несли ковчег, держа его на двух длинных деревянных шестах. Процессия направлялась к круглой арке у каменных ворот. Еще два рыцаря в таких же накидках шли за ларцом. Их лица были цвета ржавого железа в свете факелов, которые они держали в руках.

Жерар продолжал наблюдать за происходящим.

Тамплиеры пронесли ларец через арку и направились вниз по лестничному пролету. У лестницы направо открывался еще один каменный коридор. Рыцари двинулись вдоль него и остановились там, где два каменщика в пыльных фартуках склонились над грудой строительного камня у частично замурованного дверного проема в левой стене. Четыре рыцаря обошли рабочих и внесли свою ношу в проем. Два сопровождавших рыцаря застыли справа и слева от двери. Их выжидательный вид заставил Жерара посмотреть на предметы, которые они достали из-под накидок. В одном он легко узнал Печать; другой предмет представлял собой металлический жезл, верхняя часть которого заканчивалась крупным набалдашником и звездой шириной в ладонь в форме двух скрещенных золотых треугольников.

«Похоже на скипетр, — мелькнуло у него в голове, — необычной и старинной конструкции».

Скипетр, словно магнит, притягивал к себе взгляд Жерара. Его пальцы еще крепче обхватили Печать, а нервы затрепетали под воздействием скрытой в ней силы. Француз сделал глубокий вдох и закрыл глаза, погружаясь все глубже в состояние транса, стараясь изо всех сил мысленно коснуться Скипетра указательным пальцем. Напряжение духа граничило с физической болью. Склонясь еще ниже, напрягшись изо всех сил, он сделал последнюю попытку мысленного захвата и был вознагражден драгоценным чувством просветления. Затем, словно человек, балансирующий на краю пропасти, он выдернул себя в привычную реальность.

В висках стучала кровь, в ушах звенело, руки, судорожно сжимавшие Печать, затекли от напряжения. Встав на колени, Жерар обнаружил, что Знание обошлось ему дорого — из носа струйкой сбегала кровь. Прижав к носу платок, он запрокинул голову назад и попытался сохранить равновесие, стараясь не думать о пятне, расплывавшемся на белой одежде. Затем, едва дыша, заставил себя выпрямиться, чтобы дыхание пришло в норму, а сердцебиение замедлилось. Постепенно он преодолел вялость, сделал медленный глубокий вдох и открыл глаза.

С трудом поднимаясь на ноги, Жерар бросил мимолетный взгляд на собственное бледное отражение в зеркале платяного шкафа, и победная ухмылка появилась на его лице. Конечно, он чувствовал себя ужасно, но это было относительно малой ценой за добытое знание.

Все еще ухмыляясь, Жерар накрыл Печать и кристалл черным бархатом и приступил к уборке. Только когда от эксперимента не осталось и следа — свечи потушены, лента снята, мебель расчехлена и расставлена по местам, — он позволил себе наконец расслабиться и

устало повалился на кровать, не выпуская, однако, Печати из рук. Теперь можно было изучить содержимое пластикового пакета, купленного им несколькими днями ранее.

Стопка карт военно-геодезического управления отображала большую часть Южной Шотландии, но ему нужна была лишь карта графства Мидлотиан. В течение нескольких минут он с алчностью вглядывался в нее, пока не нашел то, что искал, затем потянулся к телефону на ночном столике.

Адам открыл глаза, едва рассвело. Силы вернулись к нему, хотя смутное беспокойство не проходило. Синклер сразу подумал о записной книжке, которая вместе с ручкой обнаружилась под кроватью. К его удивлению, надпись была сделана на древнееврейском. Его познания в этом языке не отличались глубиной, но и их хватило, чтобы понять основной смысл написанного. Перед глазами мелькнули сцены похорон Натана, с момента которых прошла лишь неделя. Сделав примерный перевод, Адам прочитал получившиеся строки вслух:

*Счастлив тот человек, кто находит мудрость.
Она — древо жизни для тех, кто ее постигает,
И те, кто в силах ее удержать, счастливы...*

Даже в таком корявом переводе слова представляли собой подобие стиха. Более того, он был уверен, что уже встречал эти строки — вероятнее всего, в Книге Притчей, которую считают собранием высказываний царя Соломона. Припомнив, что внизу в большой библиотеке Оквуда он видел несколько переводов Библии, Адам решил проверить свою догадку. Вполне вероятно, что там найдутся и древнееврейские источники.

Адам вскочил с постели и быстро прошел в ванную, чтобы принять душ и побриться, затем оделся и спустился вниз. Как он и ожидал, в библиотеке никого не было. Аккуратно прикрыв за собой дверь, Синклер включил верхний свет и приступил к работе. Нужная книга отыскалась быстро. Рядом обнаружили несколько томов комментария и алфавитный указатель слов. На соседней полке располагались еще полдюжины переводов Книги Книг. Работая с алфавитным указателем, переводом короля Иакова, Вульгатой¹ и древнееврейским Ветхим Заветом, он вскоре понял, что строки, записанные им накануне ночью, действительно пришли из Книги Притчей, тринадцатый и восемнадцатый стих третьей главы. Расположив тексты на столе перед собой, Адам вчитывался в почти идентичные переводы, размышляя, как они могут быть связаны с его сном.

Итак, его вновь посетил царь Соломон, демонстрируя священные регалии и в этот раз даже ковчег. Плюс цитата из Книги Притчей, которую считают словом самого великого царя. Чем больше Адам думал над этим, тем сильнее становилась его уверенность, что строки были прямым указанием к действию. Его голову все еще занимали мысли о возможном истолковании этих слов, когда дверь библиотеки приоткрылась и раздался удивленный возглас:

— Ну и ну, такая рань, а вы уже на ногах! Я думала, вы еще спите.

Адам обернулся. В дверном проеме стояла Кэтлин Джордан. Ее каштановые волосы отливали рыжеватым блеском в лучах раннего утреннего солнца. В карих глазах читался вопрос.

Поднявшись со стула, Адам криво улыбнулся и сказал:

— Доброе утро. Простите, если испугал вас.

— Вовсе нет. Просто у нас никто не встает так рано. — Заметив на столе раскрытые книги, она добавила: — Снова исследования. Похоже, вы не переставали работать даже во сне.

¹ Латинский перевод Библии (IV в.).

Адам не видел причины скрывать что-либо от нее.

— Мне приснился яркий сон. Еще одно «посещение» царя Соломона. Должен признаться, я был несколько ошеломлен, получив наставление от самого Экклезиаста.

Слегка посмеиваясь, Кэтлин опустилась подле Адама на стул, который он галантно придвинул ей.

— Я уверена, что среди ночи это действительно выглядит ошеломляюще, — согласилась девушка. — Не могли бы вы поведать мне об этом при свете дня? Одна голова хорошо, а две лучше...

— Спасибо за участие, — ответил Адам. — Хотя сомневаюсь, что эта история подходяща для завтрака.

Кэтлин слушала затаив дыхание, и Адам рассказал ей подробности второго «визита» царя Соломона.

— Я пребывал в этом состоянии, то есть «на поверхности», достаточно долго, чтобы записать... — Он протянул ей записную книжку. — Должно быть, оно действительно было наставлением, вряд ли бы я самостоятельно вспомнил древнееврейский. Ведь читать и переводить — одно, а думать и писать на почти незнакомом языке — совсем другое. Кстати, утром я сделал приблизительный перевод, и вот что получилось. — Синклер протянул ей книжку.

— А теперь сравниваете? — констатировала девушка, заглядывая в книги, лежащие на столе.

— Совершенно верно. Вот перевод короля Джеймса, а это — Вульгата для сравнения:

Блажен человек, который снискал мудрость.

Она — древо жизни для тех, которые приобретают ее,

И блаженны, которые сохраняют ее...

Beatus homo qui invenit sapientiam.

Lignum vitae est his qui apprehenderint eam,

et qui tenuerit eam beatus.

Кэтлин не спеша вчитывалась в стихи.

— Что ж, первая строка вполне однозначна, — произнесла она после некоторого раздумья. — Блажен человек, который снискал мудрость. Если считать мудрость синонимом слова «знание», то это, вероятнее всего, относится ко всем сведениям о ковчеге и символам власти, которые вам удалось собрать.

— Нет, мне кажется, что это относится к Венцу Соломона, — с уверенностью возразил Адам. — Данди говорил, что Венец дарует мудрость, чтобы противостоять безумию Зла. Вот что пришло мне в голову. Иудейско-христианская традиция очень часто соотносит Мудрость с женщиной, Святой Софией. А тамплиеров обвиняли в поклонении некоему идолу, какой-то женской головке. Во всяком случае, таково было одно из обвинений, выдвинутых против них. Скорее всего его корни лежат в неверном истолковании их почтения к Венцу Соломона и той Мудрости, которая заключена в нем.

— Венец Мудрости, — задумчиво произнесла Кэтлин. — Что ж, пожалуй, вы правы. Во всяком случае, теперь можно совершенно точно сказать, что вам предоставлен карт-бланш на обретение Венца от самого царя Соломона.

Встретившись с девушкой взглядом, Адам тяжело вздохнул. Им удалось расшифровать загадку, но бремя, отягощавшее его плечи, от этого не становилось легче.

— Если вы правы насчет Венца, — продолжила Кэтлин, — тогда другая часть сна говорит о Скипетре. Перевод короля Джеймса относится к «древу жизни», но латинское слово «lignum» имеет более широкое значение, чем просто древо. Оно означает жезл и понимается как «стержень власти, скипетр». Древо жизни она для тех, кто постигнет ее, и кто удержит ее, тот счастлив. — Девушка растерянно вздохнула. — Не хочу паниковать, но это

звучит как дополнительное предупреждение: Венец сам по себе еще не способен помочь вам в успешном завершении миссии.

— Что лишний раз подтверждает слова Данди: для власти над демонами необходимы и Венец, и Скипетр. К тому же у меня такое впечатление, что без Скипетра невозможно поставить Печать.

— Значит, даже завладев Венцом, вы не сможете подойти к ковчегу, пока не найдете Скипетр, — промолвила Кэтлин. — Тогда сама попытка приблизиться к нему была бы безумием. А что, если Печатью уже воспользовались, и демоны на свободе?

Адам угрюмо вздохнул и продолжил:

— Наша миссия становится еще более опасной: мне придется решать две задачи одновременно, то есть сделать все возможное, чтобы завладеть Венцом и выяснить местонахождение ковчега и Скипетра. Что ж, подумаем над этим, когда придет время.

— А сейчас пришло время завтракать, — раздался голос у двери.

Адам и Кэтлин обернулись и увидели сэра Джона, который улыбался им с порога, опираясь руками на трость.

— Доброе утро.

Кэтлин изобразила испуг и, смеясь, поднялась со стула, чтобы поцеловать деда.

— Теперь вы понимаете, почему Седоголовому так хорошо удавалась служба в разведке? — обратилась она к Адаму. — Он появляется, словно Чеширский кот!

— Глупости, — возразил сэр Джон, обнимая внучку за талию. — Просто вас настолько увлекла беседа, что вы не услышали моих шагов. Нет, не рассказывайте мне ничего, — опередил он Адама, не дав ему заговорить. Если хотите, после завтрака, который, по словам Линтона, уже накрыт в столовой, мы все обсудим. Безусловно, вы можете остаться здесь, — старик лукаво усмехнулся, — но хочу предупредить, что юный Перегрин уже с жадностью поглядывает на булочки.

— В таком случае мы идем, — улыбнувшись, сказал Адам, убирая в карман записную книжку и ручку. — Обычно мой юный друг являет собой воплощение скромности и учтивости, но перед булочками он может не устоять...

За завтраком собралось почти вдвое больше народу, чем накануне вечером. У входа в столовую Синклер был представлен по очереди сначала дедушке и бабушке Кэтлин, графу и графине Селвин, затем ее матери, леди Джордан.

— Мы столько слышали о вас, сэр Адам, — сказал лорд Селвин, энергично пожимая ему руку. Он был крепким седоволосым мужчиной чуть старше семидесяти. — Прошу прощения за вчерашнее отсутствие. Вы знаете, что отец Кэтлин заседает в Палате общин. На выходных мне с Одри и Сарой пришлось отправиться в Лондон — мы должны были присутствовать на приеме. Вернулись поздно вечером. Надеюсь, другие домочадцы встретили вас, как полагается?

— Все было безупречно, — смеясь, заверил его Адам, — а ведь ваши не ждали, что три джентльмена останутся еще и ночевать. Надеюсь, мы не доставили им слишком много хлопот?

— Должен заметить, что нашим слугам приходилось решать куда более серьезные проблемы, чем наплыв неожиданных гостей, — сказала леди Селвин. — Один Линтон чего стоит: он столько раз выручал нас в тяжелые минуты, которых было больше, чем штормов у мыса Горн!

За завтраком леди Селвин продолжала развлекать их историями о хладнокровии доблестного дворецкого. Адам тоже поведал несколько эпизодов из семейной хроники Стратмурна.

— Мне кажется, что ваш Линтон и мой Хэмфри принадлежат к исключительно редкой, по всей видимости, вымирающей породе дворецких, — шутливо подытожил он и

усмехнулся, будто вспомнив что-то. — Когда вам доведется вновь побывать к северу от стены Адриана, непременно заезжайте в Стратмурн — убедитесь в этом сами.

Завтрак завершился на той же дружеской ноте. Когда Кэтлин и ее мать пошли погулять с гостями в розарий, сэр Джон увлек Адама в библиотеку, чтобы подвести итоги и обсудить все, что произошло за последнее время.

— Я согласен с вашими выводами, — внимательно выслушав Адама, сказал сэр Джон. — А слухи о голове, которой якобы поклонялись тамплиеры, имеют под собой основание. Я слышал, что некоторые ученые пытались обнаружить истоки этого верования в одном из многочисленных культов, в основном кельтского происхождения. У меня же всегда было ощущение, что оно берет начало на Ближнем Востоке. И Венец Соломона как нельзя лучше подходит под эту гипотезу. Как бы там ни было, прежде всего мы должны выяснить, как нам использовать силу Венца, — продолжал он, вынимая из кармана коробочку, в которой лежал крест Данди. — Не забудь этот крест. Он послужит тебе пропуском к Зеленой Леди и будет оберегать тебя от невзгод. Ведь он долго был связан с Орденом и обладает защитными свойствами. Надень его. И не снимай, особенно когда будешь работать с ковчегом.

Коротко кивнув, Адам убрал коробочку с крестом в карман пальто.

— Я последую вашему совету, Седоголовый. Благодарю за помощь. Надеюсь, вы понимаете, что у меня просто не хватает слов, чтобы выразить вам свою признательность.

— Слова — это оружие, с которым нам чаще всего приходится иметь дело, — задумчиво улыбнувшись, ответил сэр Джон. — Жаль, что мы встретились так поздно и при столь печальных обстоятельствах. Хотя порой именно они помогают людям отбросить все внешнее и сосредоточиться на действительно важном. При нормальном течении жизни нам бы, вероятно, понадобились годы, чтобы достигнуть того доверия, которое родилось вчера вечером. Несмотря на разницу в возрасте, в свои девяносто два я почти не ощущаю разделяющих нас лет.

— Тем более хорошо, что нам удалось перешагнуть эти годы, — сказал Адам с улыбкой. — Для меня было честью работать с вами. Благословите меня.

На морщинистом лице сэра Джона мелькнуло удивление, которую сменила грустная улыбка.

— Ты уверен, что хочешь этого?

— Как никогда, — ответил Адам.

Синклер наклонил голову и закрыл глаза. Он почувствовал, как руки генерала слегка тронули его волосы, и его душа наполнилась ощущением глубокого покоя.

— Благословляю тебя именем Света, к которому ты призван, — прошептал сэр Джон. — Да снизойдет на тебя мудрость Всевышнего и направит стопы твои. Пусть Его сила станет твоей силой, да устоишь ты и защитишь себя и близких. Да пребудет с тобой это благословение отныне и вовек. Аминь.

— Да будет так, — эхом откликнулся Адам, подняв голову, когда сэр Джон убрал свои руки. — Спасибо, Седоголовый.

— Спасибо тебе, сынок.

Глаза генерала потеплели, когда он выглянул за стеклянные двери и увидел Маклеода и Перегрину, возвращавшихся с прогулки в обществе Кэтлин и леди Селвин.

— Я думаю, Линтон уже отнес ваш багаж к машине, — внезапно сказал он. — Поторопитесь, время не ждет!

— Да, конечно, пора уезжать, — согласился Адам. — Полагаю, вряд ли мы окажемся в Файви раньше, чем завтрашним вечером. Ведь нельзя же запросто с порога попросить разрешения побеседовать с Зеленой Леди. Боюсь, нас сочтут сумасшедшими.

— И тем не менее Венец прежде всего, — коротко заметил сэр Джон. — Без него вы не только не узнаете, где спрятан ковчег, но и не сможете оказать реального сопротивления, если ваш соперник доберется до него первым. Действуйте как можно быстрее, однако не рискуйте понапрасну.

— Ценный совет, — заметил Адам. — Я свяжусь с вами, как только завершу эту миссию и смогу представить отчет. Кроме того, я должен вернуть вам крест, — добавил он, похлопав по карману, в котором лежала драгоценная коробочка.

Глава 20

Обратный путь пролегал по другой дороге. Маклеод предпочел направиться на север от Эшфорда и выйти на шоссе, чтобы, обогнув Лондон, сразу свернуть в сторону Гатвика. Спустя несколько часов они были в аэропорту Эдинбурга, чуть задержавшись из-за сильного дождя. Никто не встречал друзей у ворот, но, как оказалось, Хэмфри ждал их на обочине возле синего «рейнджровера».

— Добро пожаловать домой, сэр, — сказал он, взяв из рук Адама сумку и аккуратно положив ее в багажник. — Сегодня утром курьер принес для вас посылку. Я подумал, что дело может быть срочным, и взял на себя смелость захватить ее с собой. Она в бардачке.

— Прекрасно, Хэмфри! — пробормотал Адам, обмениваясь взглядами с Перегрином и Маклеодом. — Это, должно быть, от Питера Финнса. Интересно, что он нашел.

Пока Хэмфри укладывал сумки Маклеода и Перегрин, Адам легко скользнул в пассажирское кресло и открыл бардачок. Посылка оказалась завернутой в бумагу коробкой, по размерам напоминающей толстую книгу в мягкой обложке, и достаточно тяжелой. Внутри покоилось что-то плотное и тяжелое, завернутое в несколько слоев оберточной бумаги. На ощупь вещь напоминала каменное пресс-папье.

Сверху лежала записка от Питера. Адам достал ее и прочитал вслух для Маклеода и Перегрин:

«Дорогой Адам, вот, нашел вчера, когда разбирал бумаги в университетском кабинете отца. Похоже на оттиск печати. По-моему, вам следует это увидеть. Надеюсь, оттиск поможет в расследовании. Еще раз спасибо за помощь и поддержку. Питер Финнс».

Пока Перегрин и Маклеод рассматривали посылку, Адам осторожно развернул ее содержимое. Там действительно оказался толстый квадратный кусок из красного воска размером чуть больше мужской ладони. На воске было четко выдавленное изображение шестиконечной звезды в обрамлении каббалистических символов.

— Оттиск Печати, — пробормотал Перегрин. — Если я не ошибаюсь, его вполне мог сделать и Натан.

— Интересно, зачем? — спросил Маклеод.

— Возможно, он хотел посмотреть, как изображение будет выглядеть в трехмерной плоскости, — ответил Адам, — или хотел отдать отпечаток на экспертизу. Так или иначе, это первая вещь, которая непосредственно связывает нас с исчезнувшей Печатью. Этот кусочек воска является ее зеркальным отражением.

В воображении Адама вновь возник образ царя Соломона, ставящего свою Печать на гроб со злыми духами. Воспоминания принесли с собой ощущение легкого покалывания в кончиках пальцев, исходящего от оттиска. Его сила была осязаема. У Синклера не было никаких сомнений, что оттиск сделан с подлинной Печати, а не с копии.

Голос Перегрин вернул его в реальность:

— Что дальше?

— Пока ничего, — отозвался Адам, — сперва выясним что-нибудь в Файви.

Они приехали в дом Маклеода, где решили выпить чаю, пока инспектор пытался дозвониться в полицейское управление.

— Да... Да... Ясно. Спасибо, Дональд, — сказал он, прежде чем повесить трубку. — Конечно, продолжай работать. До завтра.

С хмурым выражением лица он посмотрел на Адама:

— О Жераре по-прежнему ничего. Кажется, нам предстоит потрудиться.

— Ну, по крайней мере мы к этому готовы лучше, чем вчера, — со смирением в голосе сказал Адам.

— Перегрин, у меня есть для тебя задание в Стратмурне. Ноэль, мы вернемся вечером, но сначала попытаемся выяснить что-нибудь о Файви.

Вернувшись в поместье, Адам и Перегрин удалились в библиотеку и в течение двух часов изучали шотландские книги в надежде найти информацию о замке в Файви. Пока Адам был погружен в тома об истории и фольклоре, Перегрин сосредоточился на устройстве и структуре замка. Он обнаружил то, что искал, во втором томе Макгиббона и Росса «Городская и дворцовая скульптура Шотландии».

— Возможно, это именно то, что нам нужно, Адам. Здесь достаточно много технических подробностей и никакого упоминания о Зеленой Леди. Посмотри сам.

Перегрин передал Адаму желтовато-коричневый том. Взглянув на планировку комнат замка, Адам удовлетворенно кивнул.

— Это нам очень пригодится, — сказал он своему молодому товарищу. — Я тоже обнаружил кое-что интересное. Между нами говоря, мы должны выяснить, где была похоронена Гризель Сетон.

— Что ты нашел? — переспросил Перегрин, подходя ближе.

— Для начала несколько любопытных моментов о местном фольклоре, которые могут относиться к делу. Оказывается, есть поверье, что в замке Файви живет дьявол, запертый в потайной комнате.

— Дьявол, — пробормотал Перегрин, чуть побледнев.

— Успокойся! Вряд ли мы нос к носу столкнемся с Принцем Тьмы. Разве что только с несколькими его любимчиками...

— Адам, это не смешно!

Лукаво посмотрев на Перегрина, Адам вернулся к своим записям.

— Там говорится, что эта комната находится в башне, как раз под гостиной. Посмотри на план. Макгиббон и Росс даже утверждают, что она запечатана. Любая попытка открыть ее влечет за собой проклятие.

— Господи! Неужели кто-нибудь пытался это сделать? — с ужасом спросил Перегрин.

— Да. Два здешних помещика, и оба вскоре после этого умерли, а у их жен начались проблемы со зрением. Поэтому ничего удивительного, что, когда в 1984 году замок был выставлен на продажу, всем возможным покупателям, в том числе и Королевскому шотландскому обществу по охране памятников, которое в конце концов выкупило замок, было запрещено открывать комнату, а также исследовать ее с помощью рентгеновских лучей или любых других достижений высокой технологии. Просто на случай, если дьявол действительно заперт в замке. Или нечто вроде дьявола.

— Например, Гог и Магог. — У Перегрина перехватило дыхание, а глаза округлились. — Адам, ты ведь не думаешь, что шкатулка и Венец могут быть в Файви?

— Не думаю, хотя вполне возможно, что они там были когда-то, — ответил Адам, — отсюда поверье о дьяволе, уж не говоря о царящей там атмосфере зла. Но даже если моя догадка верна, шкатулки там наверняка уже нет.

— Согласен, — поддержал его Перегрин, — и также маловероятно, что Данди мог отправить Венец в замок, если там находилась шкатулка.

— Только если не знал об этом, — напомнил Адам. — Все же, думаю, что к тому времени ее уже забрали. Вот Венец — другое дело.

— Ты полагаешь, она могла быть спрятана в секретной комнате? Если люди действительно думали, что там замурован дьявол, они бы вряд ли захотели его беспокоить.

— Да, идеальное место для тайника, если там действительно что-то есть. Пожалуй, мы осмотрим комнаты, прилегающие к залу Хартий, — просто чтобы убедиться, что я неправ. И все же мне кажется, что в башне Гордон мы найдем то, что ищем.

Когда Адам указал на соответствующее место на плане, Перегрин покосился на набранный петитом текст легенды.

— Зал Дугласа... Почему там?

— Потому что он связан с Зеленой Леди, — пояснил Адам, — и если она — Гризель

Сетон, то вполне сможет рассказать нам, где находится Венец. Мне не удалось найти что-нибудь связывающее Зеленую Леди с каким-то конкретным именем. Но эту комнату иногда называют Залом Смерти, и вполне возможно, что именно там была убита Гризель. Говорят даже, что на полу зала осталось кровавое пятно, которое невозможно смыть.

Взволнованный Перегрин судорожно кивнул.

— Не могу спорить с твоей логикой, — согласился он. — Теперь наша задача — придумать, как попасть внутрь и осмотреть там все так, чтобы никто об этом не узнал.

Адам задумчиво покачал головой.

— Попасть туда не составляет труда, — отозвался он, — ведь сейчас все еще туристический сезон, и Файви открыт для туристов в обычные часы. Но там будет слишком много народу, и если мы хотим попасть в замок в другое время, то должны избрать иной план действий. Лучше всего обойтись без взлома.

Перегрин облегченно вздохнул.

— Это утешает. Не думаю, что мне бы пришлось по душе такое приключение.

Адам продолжал размышлять:

— По-моему, ты значишься в списках Королевского общества как эксперт от искусствоведения.

— Верно, — отозвался Перегрин, — я специализируюсь на работах Генри Рэбурна. В залах Файви их больше дюжины. Кроме того, я отреставрировал несколько картин для Королевского общества. Однако я всего лишь один из сотен специалистов, к которым они обращаются.

— Не важно, — сказал Синклер. — Ты работал с каким-нибудь портретом, выставленным в Файви?

— По официальному запросу никогда. Конечно, я знаком с работами Рэбурна, но только потому, что они были среди многих картин, которые я изучал, когда писал диссертацию.

— Ты работал с оригиналами?

— Разумеется. Невозможно обойтись одними фотографиями или копиями, если ты изучаешь особенности стиля того или иного художника.

— Кто оформлял тебе доступ?

— Мой научный руководитель договаривался с администрацией замка, — объяснил Перегрин, удивленно уставясь на Адама.

— Администратор замка тебя помнит?

— Думаю, да. Несколько часов я у него под носом изучал Рэбурна, — сказал Перегрин, — если только кто-то другой не успел занять его должность. Я с радостью позвоню в Файви и все разузнаю. Но зачем все это нужно?

Его замешательство заставило Адама невольно улыбнуться.

— Нам необходим достойный предлог, чтобы попасть в замок, но не тогда, когда он открыт для посещения. И если удача будет на нашей стороне, то ты нам его обеспечишь.

Уловка была достаточно проста, Перегрин казался обескураженным.

— Хитро придумано, — наконец отозвался он, — ты считаешь, что получится?

— Многое зависит от того, удастся ли Ноэлю в случае неудачи нас выручить, — улыбаясь, ответил Адам, — однако исход этого дела в твоих руках. Надо только уговорить администратора.

— Готов рискнуть, — заявил Перегрин, — мистер Лодер до сих пор был сговорчивым. Когда я проводил исследование, он разрешал мне оставаться в замке неограниченное время, хотя вряд ли ему понравится идея пустить посетителей во внеурочные часы без предупреждения.

— Ничего не поделаешь. Время — это именно то, чего нам безнадежно не хватает, — напомнил Адам.

— Знаю, — сказал Перегрин. — Если на его месте теперь другой, все может сорваться.

Телефонный номер замка Файви Адам нашел в справочнике. Перегрин подошел к столу Адама, снял телефонную трубку и набрал номер, состроив при этом кислую мину.

— Здравствуйте, могу я поговорить с мистером Фредериком Лодером? Это Перегрин Ловэт.

Последовала небольшая пауза, видимо, его соединяли с администрацией.

— Мистер Лодер, это Перегрин Ловэт, студент мистера Боттомли, — произнес Перегрин, когда на другом конце ответили. — Да, верно, который изучал Рэбурна. Нет, сейчас я работаю не в Эдинбурге. Да, все хорошо, спасибо. Я звоню, чтобы просить вас об одолжении...

Он продолжил объяснять цель звонка. Вполуха слушая разговор юноши, Адам с облегчением понял, что Лодер не очень сопротивляется настойчивости Перегрин. Когда художник наконец повесил трубку, он весь сиял.

— Считай, что мы уже там! Лодер с женой будут ждать нас около восьми часов завтра вечером.

— Превосходно!

— Все же есть одно маленькое неудобство.

— Насколько маленькое?

— Чтобы увеличить доход, Королевское Общество сдает внаем помещения в некоторых своих владениях, — сказал Перегрин. — На завтрашний вечер в Файви запланирована вечеринка для совета директоров Североморской нефтяной компании из Абердина. Ну и ладно, — поспешил добавить он, — главное, не попадаться им на глаза.

Удивленно приподняв бровь, Синклер еще раз посмотрел на чертежи.

— Полагаю, они нам не помешают, зал Хартий и зал Росписей находятся в другом крыле замка, — заключил Адам. — Вполне возможно, банкет отвлечет от нас внимание твоего администратора. По крайней мере мистер Лодер и его достопочтенная супруга будут достаточно заняты гостями. Остается лишь представить Ноэля как искусствоведа, изучающего архитектурное украшение потолков семнадцатого века.

Адам позвонил Маклеоду. Когда последнего ввели в курс дела, инспектор, по понятным причинам, слегка опешил.

— Почему я? — жалобно простонал он. — Из того, что я не знаю об искусстве, можно составить энциклопедию! По-моему, Перегрин справится лучше.

— Не при этих обстоятельствах, — ответил Адам. — Администратор замка уже знает его как специалиста по работе с портретами.

— Ну ладно, — недовольно согласился Маклеод, — но почему, черт возьми, потолки?

— Надо, чтобы ты был специалистом в том, что нельзя вынести из комнаты, — объяснил Синклер. — Кроме того, Перегрин объяснил администратору наш неожиданный визит тем, что ты будешь в поместье только один день и хочешь с максимальной пользой использовать это время. Ты консультируешь меня по реставрации потолков в Темплморе.

— Ты, как всегда, позаботился обо всем, не правда ли? — покорно вздохнув, сказал Маклеод. — Хорошо, если надо, чтобы к завтрашнему дню я был специалистом по потолкам, мне не мешает заглянуть в библиотеку, пока она не закрылась, взять пару книг по декоративным украшениям.

— Возьми, если хочешь, — усмехнулся Адам, — но, думаю, Перегрин обеспечит тебя всей необходимой информацией по дороге туда. Полагаю, ты проведешь время с большей пользой, если выяснишь местонахождение Анри Жерара.

— Согласен, — признал Маклеод, — хотя в этом деле удача явно не на моей стороне. Во сколько мне надо приехать? Я могу уйти на весь день. Правда, за последние пару недель я и так частенько отпрашивался.

— Сможешь приехать к трем? — спросил Адам.

— Хорошо. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Глава 21

Инспектор еще раз доказал, что был человеком слова, приехав на следующий день

ровно в три часа. Поскольку Маклеод намеревался сыграть роль ученого, то сменил свой привычный черный портфель на молнии с надписью «ПОЛИЦИЯ» на простой коричневый саквояж. В нем, как полагается, лежал набор неперменных атрибутов полицейского, включая мощный карманный фонарик с запасными батарейками, мобильный телефон и браунинг с запасной обоймой. Кроме того, у Ноэля были три тяжелые книги по архитектурным украшениям и масса неразборчивых записей.

— Дело Жерара стоит на месте, поэтому я решил кое-что почитать о штукатурке, — сказал он, укладывая сумку в «рейнджровер» Адама. — Надо было видеть лицо Джейн, когда вчера вечером я притащил домой эти талмуды. На ее вопрос, что я собираюсь с ними делать, я ответил, что решил уйти в отставку и начать новую жизнь дизайнером по интерьеру.

— И что ответила твоя благоверная? — поинтересовался Синклер.

— Она предложила начать сегодня утром со спальни.

Адам усмехнулся.

— Что ж, ответ вполне в духе Джейн. Надеюсь, она не очень расстроилась?

— Нет, насколько я заметил, — ответил Маклеод, — а должна была?

— Не более чем обычно, — отозвался Адам, — по крайней мере не сейчас. Давай зайдем в дом и перекусим на дорожку.

Хэмфри принес большую тарелку с бутербродами и поставил ее на стол, где все еще лежали книги Адама. И хотя Перегрин прекрасно понимал, что по дороге у них не будет времени нормально поесть, он не смог сдержать страдальческую гримасу, как только Хэмфри повернулся спиной.

— О Господи, когда же это все закончится, — проворчал он, с неприязнью глядя в свою тарелку. — У меня такое чувство, что уже целую вечность я питаюсь одними бутербродами.

— Не раскисай, парень, — пробубнил Маклеод, энергично пережевывая ветчину, — не ищи проблем, которые сами найдут тебя.

Адам задумчиво смотрел в окно, доедая свой бутерброд, но, услышав этот диалог, обернулся и сказал:

— Ноэль прав. Мы должны быть в форме, что бы ни случилось.

— Я только надеюсь, что эта авантюра пройдет, как запланировано, — ответил Перегрин. — Очень не хочется, чтобы сегодня вечером Джулии сообщили, что ее жених взят под арест в Абердине за акт вандализма и попытку ограбления.

— Об этом, малыш, можешь не беспокоиться, — откликнулся Маклеод, — насколько я помню, эксперты по архитектурным украшениям пока не входят в список особо опасных преступников. Лучше подумай о том, чем сейчас может заниматься Жерар.

Остаток трапезы прошел в полной тишине, которую нарушали только отдаленные шумы деревенской жизни, доносящиеся со стороны сада. Когда компаньоны направились к машине, Хэмфри вышел их проводить, невольно наблюдая за тем, как Перегрин на заднем сиденье укладывает экипировку. Снаряжение дополняли непромокаемые куртки и калоши, поскольку погода ухудшалась с каждым часом.

— Сэр, — сказал Хэмфри, — я взял на себя смелость положить в багажник термос с чаем и еще один с кофе. Будут еще какие-нибудь указания?

— Спасибо, Хэмфри, — ответил Адам. — Возможно, мы останемся ночевать в Абердине, если погода окончательно испортится, и вернемся завтра. Поэтому не жди нас, ложись спать.

— Понятно, сэр, — произнес дворецкий и учтиво добавил: — Будьте осмотрительны, сэр, прошу вас.

— Разумеется. Не беспокойся, — заверил его Адам. — Мы не станем подвергать себя опасности без нужды.

Произнося это, Синклер прекрасно понимал, что рисковать все же придется.

Когда друзья проехали несколько миль на север, начался проливной дождь и наступили сумерки. Адам сидел за рулем, а Перегрин давал Маклеоду наставления в области архитектурных украшений; когда они добрались до границы Данди, с кратким курсом по

убранству интерьеров было покончено. По мере того как «рейнджровер» приближался к цели, беседа угасала, каждый был погружен в собственные тревоги и волнения.

Лишь в начале шестого они добрались до города Абердин — центра североморской нефтяной промышленности. Возле Инверури Синклер взял курс на север в сторону Олдмелдрума, пробираясь напрямик через темнеющие поля и леса, пока наконец вдалеке не показалась деревня Файви. В центре городка Маклеод заметил знак со знакомым синим логотипом Королевского шотландского общества по охране памятников, а рядом с ним стрелку, указывающую дорогу к замку.

— Вот и наш поворот, — сказал он Адаму, кивая на знак. — Советую не торопиться.

Адам припарковался на обочине и выключил мотор.

— Хорошо. Все равно мне нужно собраться с мыслями... Боюсь, у меня не получится не моргнув глазом принести в замок аптечку. Кстати, Перегрин, передай-ка ее сюда. А вы с Маклеодом, если хотите, выпейте кофе.

Но вместо этого оба Охотника жадно смотрели, как в полумраке салона Адам роется в черной сумке. Прежде всего Синклер извлек крест Данди и надел его на шею, пряча ленту под бордовым свитером с треугольным вырезом, поверх которого он накинуд темно-синюю спортивную куртку. Кольцо Данди лежало у него в левом кармане куртки, кинжал занимал правый. Из всех троих он единственный надел на палец печатку с сапфиром. Потом он вручил Маклеоду отпечаток печати, завернутый в носовой платок.

— Не думаю, что она нам сегодня понадобится, но мало ли что. Перегрин, альбом при тебе?

— Да, в кармане, — отозвался Перегрин, — и еще фонарик. В такие ночи не знаешь, когда отключится электричество, особенно в этих холодных древних стенах. Когда я здесь работал, всегда брал с собой зажигалку, хотя и не курю, и она мне не раз понадобилась.

Маклеод тоже достал синюю зажигалку и карманный фонарь.

Они подождали еще с четверть часа. Перегрин еще раз проэкзаменовал Маклеода. И после того как юноша освободил в своем рюкзаке место для Венца, который они надеялись найти в Файви, друзья наконец тронулись дальше, двигаясь по извилистой дороге к воротам замка.

Пять выступающих из-за деревьев парка высоких башен сверкали на фоне облаков, посеребренные лунным светом. Когда друзья подъехали ближе, детали старинной архитектуры обозначились во всей красоте, сочетающей в себе неприступность баронской крепости с изяществом замка лорда. Узкие прямоугольные окна на нижних этажах были залиты светом, длинные блики падали от них на газон. Из здания доносились чарующие звуки музыки, свидетельствуя о том, что вечеринка в полном разгаре. Дождь прекратился, но затянутое тучами небо предвещало новую грозу.

Стоянка для машин, прилегающая к восточному входу, была битком забита служебными машинами высоких гостей. Адам остановил «рейнджровер» на краю гравийной дорожки невдалеке от подъездной аллеи, выключил зажигание и пару секунд сидел неподвижно, стараясь осмыслить впечатление, которое произвел на него залитый светом фасад. Потом обменялся с друзьями взглядами, и все трое вышли из машины. Перегрин взял рюкзак, и они направились по аллее к замку. У входа Маклеод что было сил нажал на кнопку звонка. Тяжелая дверь распахнулась, и на пороге возник мужчина средних лет, одетый в строгий черно-белый костюм дворецкого. Радужное выражение его лица сменилось вежливым недоумением, когда он увидел, что трое мужчин перед ним были в обычном платье. Однако Адам взял ситуацию в свои руки.

— Добрый вечер, — приветливо сказал он и вручил дворецкому одну из своих визитных карточек.

На визитке было неброско написано: «Сэр Адам Синклер, психиатр, доктор медицины».

— У нас встреча с мистером Лодером. Не могли бы вы сообщить ему, что прибыл мистер Ловэт?

Несмотря на природную обходительность, Синклер, когда надо, мог быть весьма настойчивым, поэтому дворецкий, едва взглянув на визитку, почтительно поклонился.

— Разумеется, сэр. Правда, я точно не знаю, где в данный момент находится мистер Лодер, но, если джентльмены согласны подождать, я постараюсь найти его.

Он исчез в коридорах и через несколько минут вернулся в сопровождении высокого мужчины в вечернем костюме, с седыми волосами и пунцовым цветом лица. Его пронизательные серые глаза за толстыми стеклами очков оживились при виде Перегрина, а рот расплылся в довольной улыбке.

— Здравствуйте, мистер Ловэт! — сердечно приветствовал он юношу. — Добро пожаловать в Файви. Надеюсь, вас не заставили долго ждать?

— Вовсе нет, мы только что приехали, — также расплываясь в улыбке, ответил Перегрин. — Я рад представить вам сэра Адама Синклера из Стратмурна...

— Счастлив познакомиться, сэр Адам, — пожал его руку Лодер.

— А это, — Перегрин показал на инспектора, — профессор Ноэль Маклеод.

— Тот самый джентльмен, что интересуется нашими потолками, — понимающе кивнул Лодер и тоже пожал Маклеоду руку. — Очень рад, что вы с нами. Вы ведь из Америки, не так ли?

— Да, я там живу и работаю, — невозмутимо ответил Маклеод, — хотя родился и вырос здесь, в Эдинбурге. К счастью, я время от времени возвращаюсь сюда в связи с моими исследованиями, к сожалению, не больше, чем на одну-две недели.

— Да-да, припоминаю, мистер Ловэт сказал, что вы должны в ближайшие дни вернуться в Штаты, — закивал администратор, — замечательно, что мы смогли принять вас без предварительного согласования.

— Спасибо, что пошли мне навстречу, — любезно осклабился Маклеод.

— Не за что. Напомните мне еще раз, какие комнаты вы хотели бы осмотреть. — Лодер вопросительно взглянул на Адама. — Я слышал, вы реставрируете замок, и вам нужен совет по потолочной отделке.

— Так точно, — подтвердил Адам, — здание основано в двенадцатом веке, но я решил вернуть замку тот вид, в каком он был в конце семнадцатого.

— Сэр Адам уже готов начать замену потолков, — поддержал его Маклеод, — а мистер Ловэт утверждает, что перекрытия в вашем замке очень схожи с ними. Работа Роберта Уайта, если не ошибаюсь.

Лодер кивнул.

— Вам нужно осмотреть зал Дугласа и, для сравнения, зал Хартий. К сожалению, я не могу предоставить в ваше распоряжение Залу Росписей и Галерею, поскольку вечеринка проходит именно там.

— Нет, нет, — быстро ответил Маклеод, — нас вполне устроят маленькие комнаты. На днях мы осмотрели Винную залу в замке Келли...

Лодер покивал со знанием дела.

— Потолки там великолепны, но в Файви, я думаю, намного лучше.

— Полностью согласен, — отозвался Перегрин. — В любом случае, если сэру Адаму понравится, как выполнены ваши потолки, я сделаю несколько набросков, чтобы показать их штукатурам в Темплморе. — Ловэт похлопал по своему рюкзаку. — Разумеется, мастерство, с которым выполнены работы в Файви, недостижимо, однако по крайней мере будет к чему стремиться.

В ответ на комплимент Лодер расплылся в довольной улыбке.

— Думаю, вы выбрали идеальное место. Один только зал Хартий...

Договорить ему не дал внезапный грохот в коридоре, сопровождающийся звоном бьющейся посуды. Послышались испуганные крики. Лодер вздрогнул и закатил к потолку глаза.

Через мгновение из-за угла показалась женщина средних лет в накрахмаленном фартуке поверх черной юбки и в белой блузке. На ее лице был явный испуг.

— Мистер Лодер!

— Что на этот раз? — грозно спросил администратор. — Нет-нет, ничего не объясняйте, я сам посмотрю.

Он повернулся к Адаму и его компаньонам с виноватой улыбкой, но прежде, чем успел что-то сказать, Перегрин перехватил инициативу:

— Мистер Лодер, мы поднимемся наверх, и я сам покажу коллегам замок. Я чувствую себя неловко, отнимая у вас столько времени, вы и так совсем сбились с ног. Обещаю, все будет в порядке. Мы никому не помешаем.

Доносящийся с кухни шум становился все громче. Лодер бросил через плечо встревоженный взгляд и наконец сдался.

— Это сборище меня сегодня в могилу сведет, — простонал он. — Вряд ли они уйдут отсюда раньше полуночи, но вы можете оставаться столько, сколько потребуется. Буду безумно рад, если снова увижу вас до отъезда. Держите меня в курсе событий.

Получив заверения от Перегрина и Адама, администратор устремился на кухню, чтобы взять под контроль происходящее там безобразие. Маклеод наблюдал за ним, пока Лодер не скрылся, а потом облегченно вздохнул.

— Отличная работа, парень, — шепнул он Перегрину. — Слава Богу, этот банкет отвлекает его внимание, иначе он бы ходил за нами по пятам. Куда теперь, в зал Дугласа?

— Не сразу, — ответил Адам, — прежде я бы хотел осмотреть зал Хартий.

— Что ты думаешь там найти? — нахмурившись, воскликнул Маклеод.

— Если повезет, то ничего кроме неприятных ощущений от секретной комнаты, расположенной под полом. Раз уж мы здесь, я хочу проверить одну догадку, пока вечеринка в полном разгаре. Куда нам идти, Перегрин?

— По коридору и дальше по лестнице в башне Мелдрум, — ответил Перегрин, жестом указывая дорогу, — Следуйте за мной. По пути я включу свет.

Ступени лестницы Мелдрум образовывали крутую спираль, настолько узкую, что друзьям пришлось подниматься друг за другом. Дверь на лестничной площадке была открыта, за ней лежал маленький холл. Перегрин храбро переступил темный порог и замер на месте.

— Здесь чертовски холодно, — прошептал он.

— Выйди, — велел Адам.

Он говорил спокойно, но в его голосе появилась металлическая нотка, которой не было еще минуту назад. Перегрину не надо было повторять дважды. Отступив обратно на площадку, он прижался к стене, чтобы дать возможность Адаму занять его место. Маклеод сделал то же самое, посветив своим карманным фонариком в темноту, которая, казалось, полностью поглотила луч.

— Мне здесь не нравится, — пробормотал инспектор.

— Мне тоже, — отозвался Адам.

Он осторожно протянул правую руку ладонью вниз. Ощущение было такое, будто пальцы погрузились в омут с ледяной водой, даже кольцо на пальце похолодело. Отдернув руку, Синклер достал из грудного кармана куртки шелковый носовой платок и аккуратно вытер кончики пальцев.

— Там что-то есть? — встревоженно спросил Перегрин.

Адам, стиснув зубы, пристально вглядывался в темноту. Его лицо выражало крайнюю степень напряжения.

— Эманации странные, — пробормотал он, — не могу сказать, что это: прошлое, настоящее или будущее. Сами волны, кажется, протекают за пределами нашего измерения.

Голубые глаза Маклеода резко сузились.

— Может быть, я посмотрю? — предложил Перегрин и подвинулся ближе.

— Ни в коем случае! — Голос Адама прозвучал тихо, но очень грозно.

Несколько мгновений он постоял на пороге, затем, глубоко вздохнув, отступил назад.

— Раз уж мы здесь, нужно оградить это место и защитить тех, кто неосторожно сунется

сюда, — сказал Синклер.

Запустив руку в правый карман, Адам достал футляр, в котором лежал кинжал. Вставленный в рукоятку голубой камень слабо светился своим собственным светом. Адам наклонил голову и почтительно поднес его к губам.

— Да будет благословенно Имя Господа, ибо Оно вознесется над всеми, — тихо произнес он. — Да будет благословен тот, кто живет в сиянье Господнем, ибо тьма не охватит его.

Держа в руке слабо мерцающий камень, Адам перекрестился и рукой сделал друзьям знак, чтобы те подошли ближе. Первым был Маклеод. Он надел на палец свой сапфир и склонил голову, на которой рукоятку кинжала Синклер начертил знак защиты. Вслед за инспектором Перегрин тоже надел кольцо и почтительно склонился перед Адамом, сложив руки на груди в знак доверия и подчинения. Ловэт почувствовал движение под рукой Адама, и ему почудилось, будто воздух зашевелился. Легкое тепло, исходящее от бледного камня, окутало его теплым покровом. Художник почувствовал себя под его защитой, расправил плечи и поднял голову, готовый ко всему, что ожидало впереди.

— А теперь прикройте меня, — приказал Адам, собираясь войти в комнату. — Что бы там ни было, я не хочу его тревожить.

Глава 22

Пол под ногами казался вполне надежным. Опасаясь выдать себя, понапрасну рискуя, Адам обратил все свое внимание на темноту.

За стеной, которую он возвел вокруг себя и своих спутников, раздавались таинственные шорохи. Нечто огромное и темное, облаченное в материальные стены зала Хартий, как в скорлупу, просачивалось из глубокой бездны, что притаилась под полом, где оно беспокойно металось в тревожном циклопическом сне...

Синклер вывел себя из состояния транса и обнаружил, что его лицо и руки в бисеринках холодной испарины. Рука Охотника крепко сжимала кинжал, стараясь рассеять обступившую со всех сторон темноту. В звенящей тишине гулко отдавались удары сердца.

Адам жадно глотнул воздух и увидел, что Перегрин и Маклеод смотрят на него с немym вопросом.

— Уф, все! — прошептал он. — Это не то, что мы ищем. Уходим отсюда, пока мы не разбудили нечто такое, чему лучше не просыпаться!

Синклер резким жестом указал на дверной проем. Перегрин и Маклеод живо отпрянули назад. Только оказавшись около лестницы, Адам с облегчением выдохнул.

— Что ты увидел? — спросил Маклеод.

— Я ничего не увидел, — ответил Адам, — но то, что почувствовал, лучше оставить в покое.

— Это — существо?

— Назвать его существом было бы слишком определенно, — сказал Адам, убирая в карман свой кинжал. — Оно находится одновременно и в пределах и за пределами бытия, то есть ни в этом мире, ни вовне его, но где-то по соседству с ним.

— Что нам теперь делать? — спросил Перегрин, озираясь в полумраке.

— Ничего, — сказал Адам, зажигая свет. — Чем бы ни был «демон» Файви, он никак не связан ни с Венцом, ни со Скипетром. Достаточно того, что он взаперти и спит, по крайней мере сейчас. И пусть себе... Похоже, интересующие нас предметы находятся в Зале Дугласа. Лучше поторопиться, пока Лодер не нашел предложения присоединиться к нам.

Зал Дугласа располагался в противоположном крыле замка, как раз над тем местом, где проходила вечеринка. Перегрин шел впереди. Они спустились на нижний этаж, затем прошли по длинному прямому коридору к хорошо освещенной широкой лестнице в башне Уил.

— Должно быть, эти ступени шириной десять футов, — сказал Перегрин, когда они начали подниматься по выметенным каменным ступеням. — Мне рассказывали, что в былые

времена графы Гордона на пари въезжали на лошадях вверх по лестнице. Представляете себе?

— Я пытаюсь представить, как они потом спускались, не переломав себе ноги, — пробормотал Адам.

Взбираясь по крутой лестнице, друзья слышали звуки музыки, доносившейся сверху, из Зала Росписей и Галереи, а из кухни, расположенной внизу, струился вкусный аромат жарящегося фазана, возвращая воображение к тем дням, когда Файви был графской резиденцией и часто принимал в гостях королевский двор. Впрочем, после всего, что Адам почувствовал в зале Хартий, он и его спутники предпочли бы не вспоминать более темные страницы истории замка Файви. К счастью, лестница была хорошо освещена, что позволяло им рассмотреть некоторые изысканные геральдические украшения на колоннах и арках, располагавшихся равномерно на лестничных маршах. Когда они поднялись выше, Перегрин остановился, чтобы внимательнее изучить надпись на дубовой табличке на стене.

*Александр Сетон, лорд Файви
Грессель Лесли, леди Файви. 1603*

Полумесяцы и орнаменты отделяли четыре слова в имени графа друг от друга, представляя предков по отцовской и материнской линиям, а завитки украшали имя его леди.

— Вот, вероятно, откуда происходит имя Гризель Сетон, — шепотом сказал Перегрин, рассматривая гербовые щиты, большей частью увенчанные красным крестом и полумесяцем.

Звук голосов и звон ножей и стекла стали громче, когда мужчины подошли к лестничной площадке на третьем этаже. Занавешенный дверной проем вел в зал Росписей, в котором и проходил званый обед. Адам и его спутники быстро миновали пролет, в надежде, что никто не выйдет, пока они не скроются за поворотом. На пол-этажа выше друзья увидели тяжелые двери.

— Это вход в апартаменты Лодера, — прошептал Перегрин, — а эта ведет в зал Дугласа.

Здесь было почти темно, поэтому юноша воспользовался фонариком, осветив на двери уже примелькавшиеся Охотникам красный крест и полумесяц.

Оказавшись в зале, Адам ощутил присутствие Джин Сетон в глубине своего сознания. Никакой гнетущей атмосферы здесь не чувствовалось. Воздух был прохладный, но спокойный, не представляющий угрозы.

— Где же выключатель? — прошептал Перегрин, шаря лучом фонарика.

Наконец он включил маленький ночник, стоящий рядом с телефоном старинной модели. Мягкий свет озарил уютную комнату площадью не более восьми-девяти квадратных метров. В левой стене было занавешенное окно, рядом стояло простое деревянное кресло. На противоположной стороне висели два портрета-миниатюры, один — над откидным столиком, на котором покоилась еще одна лампа, а другой — над небольшим камином, обшитым изящными панелями с орнаментом. Справа возвышался изящный сосновый шкаф восемнадцатого века, высокий и с многочисленными выдвижными ящиками. Между ним и камином затаился стул с прямой спинкой.

Войдя последним, Маклеод с порога осмотрел зал, скользя взглядом по стенам и узорным персидским коврам на деревянном полу.

— Что ты ищешь? — спросил Перегрин.

— Просто рассматриваю, — усмехнулся Маклеод. — Профессиональная привычка.

— Что ж, тогда взгляни сюда, — сказал Перегрин, указывая на темное пятно на полу рядом со столиком с откидной крышкой. — Несмываемое кровавое пятно!

Маклеод опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть пятно, потрогал его кончиками пальцев, затем поднялся и обвел зал пристальным взглядом.

— Если это кровь, то, должно быть, очень давняя. Адам, ты уверен, что мы в нужном месте? Где же Зеленая Леди?

— Она здесь, — тихо сказал Адам. — Отойдите ближе к двери и прикройте меня. Не хватало, чтобы хозяева замка заподозрили, чем мы здесь занимаемся.

Звуки доносящейся снизу музыки стали тише, когда Маклеод осторожно закрыл дверь и прошел в глубь зала, увлекая за собой Перегрину. Осмотревшись вокруг, Адам вновь вынул свой кинжал, в этот раз расчехлив его, и осторожно взял за лезвие, рукояткой к себе. Затем он повернулся лицом к восточной стене. Начертить «младшую пентаграмму» означало создать надежную защиту от демонов. Направленное к себе лезвие означало, что совершающий ритуал берет на себя ответственность перед Господом, если защита будет использована во зло. Быстро зажав лезвие между ладонями, Синклер поцеловал рукоять, склонил голову и начал произносить заклинание, помня, что для этой цели лучше использовать древнееврейский язык, нежели английский перевод. Переложив кинжал в правую руку, Адам прижал ее к груди, поднес камень на рукояти ко лбу в приветственном салюте и начертил им магический крест над головой.

— Ateh, — прошептал он. — Тебе, Господи. Malkuth. Царство. — Рукоятка коснулась солнечного сплетения. — Ve Geburah. — Прикосновение к правому плечу. — Ve Gedulah. — Прикосновение к левому плечу. — Сила и Слава. Le Olahm. Отныне и вовеки веков. Оймен.

— Аминь, — повторили за ним Маклеод и Перегрин. Широко раскинув руки, Адам закрыл глаза и слегка запрокинул голову, удерживая в воображении образы могущественных архангелов, окутывающих своими крыльями все вокруг.

— Встань передо мной, Рафаэль, — прошептал он. — А ты, Габриэль, позади. Микаэль — у правой руки. У левой — Уриэль.

Открыв глаза, Синклер взялся за лезвие кинжала и начертил пентаграмму — влево и вниз, вверх и вправо, поперек, вправо и вниз и обратно в исходную точку. Он уже различал размытые контуры висящей в воздухе пентаграммы, когда поворачивался лицом к двери. Потом повторил ритуал, поворачиваясь к западу и северу. Вернувшись к восточной стене, Адам снова раскинул руки, не забывая ни о направленном на себя острие, ни о защитном круге, обозначившемся там, где рукоятка кинжала оставила свой след.

— Во имя Адоная, да будем мы защищены от злых духов, идущих с Востока, Запада, Севера и Юга, — шептал он. — И пусть моя сила обернется против меня, если я злоупотреблю доверием, дарованным мне. Рядом со мной пламенеет Пентаграмма. Позади сияет звезда Давида. Над моей головой Слава Господня, в чьих руках Царство, Сила и Слава отныне и во веки веков. Аминь.

Вторая молитва сопровождалась начертанием магического креста. После чего Адам еще раз склонил голову над кинжалом, зачехлил его и вручил Маклеоду.

— Отдаю в твои руки, — тихо произнес он. — То, что я сделал, могло привести в замешательство нашу Зеленую Леди, но это было необходимо из-за твари внизу. К счастью, невидимые обитатели замка понимают серьезность наших намерений. Мы решительны, но не враждебны. Что касается так называемых физических незваных гостей, — рука Маклеода, прячущего кинжал в карман, замерла, — то я был бы благодарен Перегрину, если бы он немного покараулил у порога.

— Да, будет смешно, если кто-нибудь из гостей забредет сюда в поисках туалетной комнаты, — добавил Маклеод.

Его слова вызвали у Перегрину ироническую улыбку; тот занял пост у двери, не выпуская из рук альбом и карандаш. Тем временем Адам подсел к массивному бюро с выдвижными ящиками. Вынув перстень Данди из своего кармана, он протянул его Маклеоду, затем из-под свитера достал крест тамплиеров, поцеловал и оставил висеть на груди.

— Я готов, — тихо пробормотал он и поудобнее устроился на стуле.

Маклеод зажег пару свечей по краям щитов над камином, затем подошел сзади к Адаму, положив обе руки на спинку стула, как будто бы желая поговорить с другом. Перегрину никогда еще не доводилось видеть инспектора в таком качестве, но уже по тому, как он принялся за дело, было ясно, что полицейский достаточно хорошо владеет гипнозом. Перегрин не мог разобрать, что Маклеод говорит Адаму, взгляд которого был прикован к

горящей свече, но видел, как наставник закрыл глаза и его голова откинулась на высокую спинку.

Синклер погружался в транс. Прикосновение Маклеода, казалось, толкнуло его в глубину. Четко выполняя указания инспектора, Адам повернулся спиной к настоящему и начал путь в прошлое. Сначала он еще смутно осознавал окружающую его действительность, затем увидел дверной проем, которого не было на самом деле, обозначающий границу между реальностями. Пройдя сквозь эту дверь, Синклер обнаружил, что находится среди зеркал с его собственными астральными отражениями; те словно дрожали от поднимающегося ветра. Они демонстрировали ему различные аспекты его духа. О некоторых он знал, о других — нет. Египетский жрец, греческая матрона, тамплиер в кольчуге и белом плаще... Одновременно откуда-то издалека пришло понимание, что кто-то прикоснулся к его левой руке и приподнял ее. Плавное соскользнувшее на указательный палец кольцо помогло ему принять решение. Синклер обнаружил, что находится лицом к лицу с образом молодой темноволосой женщины в широком платье покроя яacobитского периода. Образ увлек его за собой, и когда он коснулся кольцом зеркала, оно, как дверь, отворилось внутрь, словно приглашая войти.

С тревогой наблюдая за происходящим со своего поста, Перегрин вдруг обратил внимание, что пространство в центре зала тускло мерцает. Маклеод тоже, казалось, заметил это и отошел к окну, поскольку больше не осталось места, где можно было бы скрыться от света. Мерцание вдруг усилилось и исчезло в сопровождении серии легких хлопков. Понимая, что нужно сосредоточиться, Перегрин открыл свое Зрение для более глубокого восприятия и вскоре различил три фигуры, возникшие из первоначального хаоса. Две представляли крупных мужчин в грубых одеждах простых солдат, а третья — хрупкую молодую длинноволосую девушку в порванном и окровавленном платье, крепко зажатую между двумя солдатами. Вояки скрутили ей руки за спиной. Босые ноги девушки были в волдырях от ожогов, а лицо покрывали синяки и кровоподтеки. Спустя мгновение она подняла голову, и Перегрин с трудом узнал в ней красавицу, виденную им раньше. Гризель Сетон. Когда это имя всплыло в его памяти, украшения по краям каминной полки внезапно треснули, а горящие свечи упали на пол. В тот же момент зловещий порыв ледяного воздуха пронесся по залу, потушив последнюю свечу и ударив юношу по лицу, словно нанеся пощечину. Удар был такой силы, что очки отлетели в сторону. Пытаясь удержаться на ногах, Перегрин выпустил альбом из рук и едва не упал. Портреты на стенах закачались, а Маклеод вжался в оконный проем, настороженно оглядывая залу.

— Господи, что происходит? — выдохнул он.

Едва дышавший Перегрин не смог ответить ему. В тот же миг солдаты исчезли, а образ замученной Гризель Сетон разбился на миллионы ярких осколков. Изможденная женская фигура с темными волосами и горящими глазами растворилась в ярком блеске летящих искр. Страницы из альбома разлетелись в воздухе, кружась, словно конфетти. Вторая свеча погасла и упала, тяжелая ваза с сухими цветами слетела со столика. С пронзительным визгом призрак Гризель Сетон взмыл с пола; ее горящие глаза смотрели теперь на Перегрину, казалось, она хотела вцепиться в него.

Художник пригнулся, прикрыв лицо руками, пытаясь хоть чем-то защитить себя. Полыхнуло синее сапфировое пламя, оставив след на двери позади него. Удар отбросил несчастного мистера Ловэта в сторону.

В этот миг кто-то громко приказал: «Гризель! Остановись!» Это был женский голос, высокий, чистый и требовательный.

Рассерженное существо в зале пошатнулось и отступило. Когда Перегрин осторожно выглянул из-под руки, он увидел, как призрак повернулся к Адаму, поднимавшемуся ему навстречу. Теперь физическая оболочка Синклера казалась лишь прозрачной витриной для той удивительной девушки из прошлого, которая приходила к ним в беседку в Оквуде. Вместо баронета перед изумленными взорами стояла леди Джин Сетон.

Тень Гризель Сетон замерла. Ее горящие глаза смягчились, злобный огонь в них потух.

Во всем ее облике чувствовалась неуверенность. Даже когда Перегрин прищурился, она осталась той же, какой он увидел ее в первый раз: хрупкой темноволосой женщиной с грацией и красотой лесной лани.

Внезапно в зале воцарилась тишина, а затем раздался голос Гризель, дрожащий от недоверия:

— Кто ты? Я требую, чтобы ты сказала мне правду!

— Я твоя сестра, Джин, — последовал ответ Адама. — Я вновь воплотилась как мужчина, которого ты видишь перед собой.

— Как я могу узнать, что ты на самом деле та, за кого выдаешь себя, а не злой дух, посланный меня обмануть?

Адам поднял руку, демонстрируя кольцо Данди.

— По этому кольцу. Наш отец подарил его мне после бегства во Францию. Ты видела кольцо, когда оно было еще пустым. Теперь в нем локон моего лорда, срезанный с его головы на смертном ложе.

Синклер смело протянул призраку руку, и Гризель Сетон прикоснулась к кольцу полупрозрачными пальчиками. Все ее существо трепетало, словно пламя свечи на ветру.

— Да, теперь я знаю, что ты моя сестренка, — с нежностью произнесла она со слезами на глазах. — Милая сестренка, мы расстались с тобой и, — голос ее запнулся, — с ним — тогда, много лет назад, в Маре. Я никогда не думала, что мы встретимся вновь. Что привело тебя ко мне в этом странном обличье, спустя столько лет?

— Необходимость. — Голос Джин был серьезен. — Сокровище рыцарей тамплиеров разграблено. Потерянная Печать нашлась, но дерзко похищена из дома хранителя. Я боюсь, что грабитель ищет ковчег. Если ему удастся найти его, только мудрость царя Соломона сможет предотвратить катастрофу. Поэтому я пришла к тебе, чтобы ты отдала мне Венец, который наш милорд доверил твоим заботам.

— Венец Мудрости Соломона? — В голосе Гризель послышались нотки удивления и испуга. — Ты требуешь от меня почти невозможного, милая сестренка. Ты была там, рядом со мной, когда Темный Джон взял с меня обещание никогда, ни при каких условиях, не отдавать Венец, даже ценой собственной жизни. Мое нынешнее бытие — доказательство того, что я не нарушила обета.

— Я говорила с ним всего два дня назад, — сказала Джин.

Наступила пауза.

— Ты разговаривала с милордом?

— Да, так же, как сейчас с тобой. А эти два достойных человека могут подтвердить истинность моих слов.

— Как он?

— Не так счастлив, как хотелось бы. Его опечалило известие о твоей страшной смерти, — ответила Джин. — Он страдает, зная, что ты вынуждена быть здесь, вдали от Света. Я обещала передать тебе его благодарность и благословение. Я также должна сказать, что он отдает мне Венец для предотвращения страшной угрозы и дарует тебе свободу. Ты свободна от своей клятвы, Гризель. В подтверждение милорд дал мне этот крест, который был на нем, когда мы встретились с ним в ночном лесу. Покажи мне, где спрятан Венец.

— Свободна, после стольких лет, — вздохнула Гризель, и в ее голосе прозвучала нотка грусти. Протянув руку, тень слегка коснулась креста на груди Адама. — Хорошо, я покажу тебе это место, милая Джин. Но твои спутники должны дать клятву, что сохранят в тайне все то, что я доверю тебе.

Она перевела взгляд на Перегрина и Маклеода. Инспектор отступил в сторону, пока Адам и призрак совещались, теперь же он чуть поклонился, держа правую руку на сердце.

— Торжественно клянусь хранить тайну, леди. Мы все связаны клятвой и служим Свету. Мы сдержим свое слово.

— Я также даю клятву, — сказал Перегрин. Гризель взмыла над камином и ударила бесплотной рукой по обивке.

— Венец здесь, — тихонько сказала она. — Мародеры не знали того, что в камине нет дымохода. Вместо него за каменной кладкой скрыт тайник. Они привели меня сюда, но не додумались поискать получше. Мне оставалось лишь держать язык за зубами...

Глава 23

Тень Гризель Сетон слегка вздрогнула, словно вспомнив что-то мучительное. Перегрин отыскал наконец очки и, водрузив их на нос, придвинулся ближе к Маклеоду.

— А знаете, эта кладка выглядит солидно, — пробормотал художник. — Совершенно не похоже, что внутри пустота. Как, черт возьми, мы собираемся вытаскивать оттуда Венец, не развалив при этом полстены?

— Будь я неладен, если знаю, — пожал плечами Маклеод. — Придется что-нибудь придумать, не зря же мы сюда притащились.

Он не успел договорить, когда призрачный образ Гризель сделал легкое движение в сторону Адама.

— Протяни мне руки, — едва слышно произнесла она, однако ее слова прозвучали, как приказ.

Адам послушно выполнил приказ призрака, и тот подошел вплотную, словно желая слиться с ним воедино. По коже Адама побежали мурашки, легкий холодок проник в него. Казалось, ладони и пальцы покалывало сотней морозных иголок. Синклер ощущал, что теперь тело принадлежит ему лишь отчасти, Гризель обрела над его членами некую власть. Но Адам знал, что она не причинит ему вреда. Расслабившись и закрыв глаза, он позволил ей управлять своими движениями.

По рукам Синклера пробегали миллионы легких холодных импульсов, похожих на прикосновение крыльев бабочки. Остро ощущая присутствие в своем сознании чужой воли, он сделал три неуверенных шага к камину. Потом потянулся к кладке и слегка вздрогнул, когда ладони коснулись шершавого камня и прошли сквозь него, почти не встречая преграды, как если бы он погружал их в желе. От незримого присутствия Гризель по телу Адама бегали ледяные мурашки, но руки уходили все глубже и глубже в толщу камня.

— Боже мой! — выдохнул Маклеод, и на его щеках проступили алые пятна. Перегрин стоял с приоткрытым от изумления ртом.

Адам понимал: лучшее, что он сейчас может сделать, — это расслабиться и позволить Гризель полностью руководить собой. Опустившись на колени, Синклер продолжал погружаться в твердь камня — пальцы, локти, плечи. Наконец он замер, перевел дыхание и медленно двинулся обратно. По напряжению спины Адама было件нятно, что теперь его руки сжимают что-то тяжелое. Внезапно в свете лампы, падавшем из распахнутой; двери, ярко засиял золотой обруч, который судорожно сжимали одеревеневшие руки адепта.

Как только Синклер вынул руки из камня, Гризель мгновенно покинула пределы его тела и замерла в стороне. Тяжело дыша, словно после быстрого бега, и медленно возвращаясь к нынешнему «я», Адам поднялся на ноги. Не сводя глаз с сокровища, поблескивавшего в ладонях, он обернулся к помощникам.

На мгновение Маклеод и Перегрин остолбенели, затем, словно очнувшись, подались к нему и благоговейно склонились над золотым венцом с шестью высокими зубцами.

— Тот самый Венец Ордена Храма, хранителем которого был Грэхэм Клаверхаус, — произнесла смутная тень за спиной Адама. — Легенда гласит, что в Венце заключена вся мудрость царя Соломона.

Адам обернулся и, преисполненный глубокой благодарности, сказал:

— Спасибо тебе, Гризель. Клянусь, что сохраню сокровище, чего бы мне это ни стоило. Даже ценой собственной жизни.

— Если твоя миссия не увенчается успехом, ты потеряешь не только жизнь, но и бессмертную душу, — тихо предупредила тень. — Как хранитель Венца ты имеешь право прибегать к его силе. Но мой долг предостеречь тебя: используя Венец без Печати и

Скипетра, ты подвергнешь себя серьезной опасности.

— Насколько серьезной? — уточнил Адам.

— Соломон разделил свою силу между тремя святынями, — продолжала Гризель. — Если какая-то из них будет утрачена, тебе придется восполнять недостаток энергии, черпая ее из источника собственной души. Если ты все же решишь воспользоваться силой Венца, прошу тебя, попытайся сначала трезво оценить свои возможности. Если ты достаточно силен и мудр, ты обрешь от Венца еще большую мудрость, однако, если твоих сил окажется недостаточно, ты сойдешь с ума.

Предостережение проливало свет на смысл странного сна, который Синклер увидел в Оквуде. Похоже, Кэтлин была права, предположив, что сил одного Венца недостаточно для преодоления грядущих невзгод.

— Ты не первая, кто меня предупредил, — признало он Гризель. — Две ночи назад я видел сон, повелевавший мне искать также и Скипетр. Ты не знаешь, где он?

В ответ Гризель только грустно покачала головой.

— Если лорд Клаверхауса и знал, он не поделился со мною этим знанием. Прости.

Наконец Маклеод тоже решился задать вопрос:

— А ковчег, леди? Вы не знаете, где хранится ковчег?

Гризель снова покачала головой.

— Это знание было утрачено Орденом Храма задолго до меня.

— Тогда нам придется довольствоваться малым...

Адам оборвал речь на полуслове, словно его посетило внезапное озарение. Маклеод, внимательно наблюдавший за старшим, заметил произошедшую перемену.

— Ты что-то придумал?

— Кажется, да. — Адам обвел взглядом друзей. — В любом случае попытка ведь не пытка.

Маклеод и Перегрин, не сговариваясь, подошли ближе, и Адам начал объяснять.

— Из слов леди Гризель следует вывод, что три артефакта неразрывно связаны между собой. Если это правда, мы можем попытаться узнать местонахождение Скипетра, используя Венец. Конечно, шансов было бы больше, если бы мы имели еще и Печать... Хотя, постояте-ка, у нас же есть ее оттиск! Ноэль, он при тебе?

Маклеод вынул из кармана небольшой предмет, бережно обернутый шелковым носовым платком, и протянул его Адаму, тот положил Венец посреди комнаты и опустился перед ним на колени, продолжив разъяснения.

— Оттиск на воске хранит не только отображение Соломоновой Печати, но и часть ее силы. Он немного слабее, чем сама Печать, но обладает достаточной энергией, чтобы помочь нам. Сейчас мы предпримем попытку обнаружить Скипетр, так как Венец и Печать находятся с ним в непрерывной связи. Надеюсь, леди Гризель нам поможет?

Он вопросительно взглянул на колеблющуюся тень женщины, которая когда-то, в прошлой жизни, была его сестрой. Гризель кивнула.

— Я сделаю все, о чем ты попросишь.

— Спасибо тебе, — с облегчением отозвался Адам. — Твоя помощь неоценима. Теперь осталось лишь надлежащим образом расположить артефакты.

Он развернул шелк, бережно достал восковой оттиск и поместил его внутрь Венца. Теперь оттиск Печати лежал как бы в золотой рамке, окруженный высокими зубцами. Потом Адам сел на пол и, скрестив ноги, жестом пригласил своих товарищей образовать подобие круга. Перегрин уселся справа от него, а Маклеод — напротив. Тень Гризель заняла место слева от Адама, Венец и Печать оказались в центре.

— Хорошо, друзья мои, теперь постарайтесь помочь мне, — обратился к ним адепт. — Боюсь, что это путешествие будет нелегким, а я все же хотел бы вернуться.

С этими словами он протянул руки к Венцу и возложил их на сверкающие вершины зубцов, коснувшись большими пальцами кусочка воска. Усилием воли Адам вошел в транс, заметив, как закачались и поплыли очертания зала. Присутствие друзей успокаивало, их

поддержка ощущалась даже вдали от привычной реальности. Он закрыл глаза, с каждым мгновением погружаясь все глубже. Перед ним остались только Венец и Оттиск, которые слегка вибрировали под его чуткими пальцами. Венец вырос и светился так ярко, словно заключенная в нем сила была готова излиться наружу.

Сияние обернулось в подобие огненного колеса, то сжимавшегося, то вновь расширявшегося. Его сокращения напоминали пульсацию сердца. От кольца золотого огня отделился длинный всполох, закрученный, как спираль неизвестной галактики. Сознание Адама заскользило по этой спирали в неведомый сумрак.

Адепт остро ощущал астральное присутствие Гризель Сетон, а Маклеод и Перегрин казались двумя якорями, приковавшими к себе его душу крепкими серебряными цепями. Одним рывком Синклер разорвал узы, связывавшие его с телом, и устремился за нитью живого огня вглубь, к источнику пульсирующей силы. Петля и извиваясь, нить влекла его за собой и неожиданно превратилась в огненную стрелу. Тьма вокруг сменилась лунным сиянием, глубоко внизу мелькали огни городов, уносясь прочь с пугающей быстротой. Постепенно скорость полета замедлилась, и Адам начал снижаться. Внизу вставали шпили и крыши большого города, в котором он без труда узнал Данди. Затем он миновал Тай, промчался над полями и пригородами Файви. Мелькнули башенки моста, множеством огней вспыхнул Эдинбург. Но вот на западном берегу реки Эск возникли очертания высокого здания, и каменный костер пламенеющей готики предстал перед взором адепта.

— Росслин Чэпел, — где-то поблизости прошептал тихий голос Гризель.

Этот собор на южной окраине Эдинбурга был связан не только с тамплиерами, но и с историей самого рода Синклеров. Странник легко проник сквозь каменные своды и плавно заскользил, снижаясь, вдоль резной колонны, известной как Колонна Ученика. С головокружительной скоростью падая, он внезапно замер у пустой белой стены. В сознании возник яркий образ, вместе с ним появилась уверенность, что там, замурованный в тайнике, лежит Скипетр, ожидая своего часа.

Адам подался вперед, пытаясь мысленно проникнуть в глубь тайника. Его астральное «я» рванулось, стараясь освободиться от сдерживающих объятий Гризель. Резкое головокружение и внезапная слабость охватили Синклера, мир зашатался и рассыпался, как картонный домик. Он словно провалился, беззащитный, в преддверии ада.

Собрав силы, чтобы одолеть слабость и слепоту, Адам всем своим существом ударился о невидимую преграду — и оказался «лицом к лицу» с иным, враждебным сознанием. Анри Жерар!

К счастью, внимание Жерара было в этот миг сосредоточено на Скипетре. Жерар физически не присутствовал рядом, но за краткий миг душевного контакта Адам понял, что тот тоже знает о местонахождении реликвии. И может быть, не только ее, но и самого ковчега. Рискнув быть разоблаченным, Адам попытался проникнуть в сознание Жерара еще глубже. Однако в следующее мгновение Жерар почувствовал его присутствие и одним ударом отбил астральное вторжение в свой разум.

Это было похоже на оглушающий взрыв силы. Злоба и ненависть отбросили Адама прочь, острая боль почти лишила способности сопротивляться. Теперь он понял, что на нем оковы, жестокое железо цепей на руках и ногах. Боль ослепляла, беспощадный огонь охватил все члены беззащитного тамплиера, терзая обнаженную плоть. Превратившись в сгусток сплошного страдания, он хрипло закричал, вскинул голову — и увидел сквозь густой удушающий дым улыбающееся лицо. Жестокое лицо старого врага.

Гийом де Ногар, проклятие тамплиеров! Советник короля, человек, который сделал все, чтобы погубить Орден, который обрек на муки и смерть множество рыцарей Храма.

Часть сознания Адама, принадлежащая настоящему, увидела с ужасающей ясностью, что лицо врага осталось узнаваемым и в этой жизни. Де Ногар и Анри Жерар были одним человеком.

В следующий миг мысленная связь с Жераром обратилась в пламя агонии. Адам-тамплиер закричал последний раз, корчась в муках, но в тот момент, когда боль стала

невыносимой, сильные живые руки рванули его прочь, выдергивая из потустороннего огня в другую реальность.

Синклер вынырнул на поверхность, отчаянно хватая опаленными губами воздух, и несколько минут лежал без движения, не имея сил даже заговорить. Постепенно пришло осознание происходящего. Он лежал, скорчившись, на ковре в Зале Дугласа. Руки друзей тормозили его, кто-то проверял пульс, кто-то тряс за плечо. Желая показать им, что все в порядке, Адам перекатился на спину и с трудом открыл глаза. Перед ним расплылось взволнованное лицо Маклеода. Перегрин, увидев, что наставник жив и смотрит на него, улыбнулся с огромным облегчением.

— Ты в порядке? — Голос Маклеода доносился как будто из-за стены. — Что с тобой произошло, Бога ради?

Перегрин был очень бледен.

— Мне показалось, что ты объят пламенем, — признался он. — Ты... горел, Адам, Боже мой, ты как будто весь горел...

Голос его сорвался. Адам успокаивающе взял друга за руку, постепенно приходя в себя.

— Это были всего лишь воспоминания. Огонь, который жег тамплиера, уже не способен причинить вреда. — Он старался, чтобы сказанное звучало убедительно. — Видишь, я в полном порядке, жив-здоров.

Синклер попробовал сесть, и ему это удалось. Он даже повел плечами, освобождаясь от поддерживающих рук Маклеода. Теперь необходимо поведать о знании, добытым таким болезненным путем.

— Главное, мне удалось узнать нечто по-настоящему ценное. Помните мои рассуждения о том, что наш дорогой месье Жерар в нынешних поступках может руководствоваться неким опытом из прошлой жизни?

— Помним, — ответил Маклеод за себя и онемевшего молодого человека.

— Так вот, мои подозрения подтвердились. Он был советником Филиппа Красивого, короля Франции, который погубил наш Орден, и это многое проясняет.

Маклеод понимающе кивнул.

— Наверное, когда Жерар узнал правду о Печати, знание пробудило в нем, пусть неосознанно, желания и страсти прошлого воплощения. Как ты думаешь, ему известно местонахождение Скипетра?

— Боюсь, что да, — мрачно ответил Адам. — Хуже того, я полагаю, он знает, где ковчег. К счастью, раньше, чем он почувствовал мое присутствие, мы с Гризель успели сложить хотя бы половину этой головоломки. Скипетр спрятан в тайнике в соборе Росслин Чэпел.

— Росслин... — пробормотал Перегрин. Ему, как художнику, было хорошо известно это название. Росслинский собор относился к шедеврам пламенеющей готики. Возведенный в середине пятнадцатого века сэром Вильямом Сент Клером, предком Адама, храм Росслин Чэпел был известен далеко за пределами Шотландии. Особо популярным его делала потрясающая резьба по камню. Правда, при жизни сэра Вильяма собор так и не был достроен; но, возможно, этот храм никогда и не мыслился автором как нечто большее, нежели прекрасное хранилище для святыни.

— Адам, — горячо вскричал Перегрин, — ты только что сообщил нам, что Жерар знает местонахождение ковчега и Скипетра! Если мы позволим ему опередить нас и завладеть Скипетром, сокровище тамплиеров, за которым он охотился веками, считай, у него в кармане.

— При этом он не знает наверняка, чем на самом деле является это сокровище, — добавил Маклеод. — Мы должны успеть в Росслин прежде него.

— Вот именно, — все так же мрачно подтвердил Адам, пока инспектор помогал ему подняться на ноги. — Милая Гризель... Я должен тебя поблагодарить за все. Без тебя я бы не продержался в астрале так долго. Я твой должник.

— О каких долгах говоришь ты? — с улыбкой отозвалась призрачная Гризель. — Не забывай, что некогда у нас с тобой была одна и та же кровь... И одна и та же цель.

— Я ни на миг не забывал об этом, — ответил Адам. — Как и о том, как долго ты ждала

освобождения.

При этих словах лицо его слегка изменилось, словно сквозь мужественные черты вновь проступил облик леди Джин, и когда Адам снова открыл рот, то заговорил ее голосом:

— Да благословит тебя Господь, Гризель, за твою верную службу и за твои страдания. Что бы ни ждало нас впереди, меня всегда будет утешать мысль, что ты наконец свободна.

С каждым произнесенным им словом тень Зеленой Леди становилась все более мутной и расплывчатой. Она таяла на глазах, как туманное облачко в лучах яркого солнца. Уже почти исчезнув, она вдруг подалась вперед и коснулась прозрачными пальцами губ Адама.

— Прощай, сестренка, — прозвучал ее едва различимый шепот. — Будь сильной, во имя того, что дорого нам обоим.

Гризель исчезла; еще одна душа покинула этот мир, освобожденная навсегда.

Несколько секунд все молчали, пока Маклеод первым не нарушил благоговейную тишину:

— Осмелюсь спросить, а чего мы, собственно, ждем? По-моему, пришло время решительных действий.

Глава 24

Адам спрятал Венец в сумку Перегрина, решив, что там самое безопасное место. Перед тем как отправиться за администратором, три товарища постарались скрыть следы своей деятельности. Мистера Лодера они обнаружили в Зале Росписей; при виде троицы он вздохнул с явным облегчением. Адам сообщил, что по состоянию здоровья ему необходимо срочно вернуться в Эдинбург.

— Мне пришлось воспользоваться телефоном в зале Дугласа, — сказал он смотрителю замка. — Безусловно, я оплачу все расходы. По счастью, ничего страшного не произошло, но мой врач настаивает, чтобы я немедленно приехал на обследование. В любом случае мы уже осмотрели все, что хотели. Спасибо, что нашли для нас время.

Лодер смущенно махнул рукой.

— Да что вы, сэр Синклер, тут и говорить не о чем. Я на самом деле очень люблю посетителей, хотя в них и нет недостатка. Надеюсь, вы задержитесь хотя бы на чашку чая? А если найдете пару часов, вас ожидает прекрасный жареный фазан...

— Мы непременно остались бы, — с искренним сожалением поглядывая на Перегрина, у которого при упоминании о фазане потекли слюнки, заверил его Адам, — однако мне в самом деле нужно спешить. Уже поздно, к тому же из-за дождя дорога займет больше времени, чем хотелось бы. Спасибо за любезное предложение, надеюсь, нам еще представится случай им воспользоваться.

Пока они шли к машине, Перегрин не проронил ни слова, но грустное выражение его лица было красноречивее слов. Адам ободряюще похлопал друга по плечу.

— Прости, дружище, тебе не пришлось поближе познакомиться с жареным фазаном... Даже будь у нас лишняя пара часов, не стоит сейчас набивать брюхо.

— Да знаю я, — угрюмо ответил художник, пока Адам заводил автомобиль. — Просто я уже несколько дней мечтаю нормально поесть, а тут... — Он печально вздохнул.

— Вскоре ты будешь даже рад, что в животе у тебя пусто, — утешил его Маклеод, раскрывая дорожный атлас. — Я вот прикинул, как нам срезать путь. Если получится, наша поездка будет... км... весьма напоминать ралли Париж — Дакар. При такой погоде да в темноте нас изрядно порастрясет, но, боюсь, я не знаю другого способа добраться до Росслина быстрее. Вези нас в аэропорт, Адам. Перегрин, дай мне мобильный, попробую договориться насчет вертолета.

Вообще, вертолеты в Абердине были распространенным средством передвижения, их широко использовали для сообщения с буровыми вышками на шельфе. Вопрос в том, удастся ли найти пилота, который согласится доставить их в Росслин, принимая во внимание штормовое предупреждение и довольно позднее время. Маклеод позвонил в справочную,

чтобы узнать телефоны вертолетных компаний, осуществляющих рейсы из аэропорта Абердина. Идея оказалась проигрышной. Пока они выбирались из Файви, выяснилось, что аэропорт осуществляет только коммерческие рейсы в прибрежной зоне. Однако под Олдмелдрумом инспектору удалось-таки найти маленькую компанию, осуществляющую чартерные рейсы в любом направлении.

— Уже лучше, — с надеждой пробормотал он. — Теперь бы только поднять их с постели..

Но работников Вертолетной службы Грампиана, похоже, жажда деятельности переполняла в любое время суток, потому что всего через три минуты Маклеод договорился с пилотом. По словам бравого диспетчера, вертолет ждал их в аэропорту, полностью готовый к старту.

— Прекрасно, мы подъедем минут через десять, — обещал инспектор. — Спасибо вам.

Коротко усмехнувшись, он принялся набирать следующий номер.

— Ну вот, один есть. Они даже принимают оплату по кредитным карточкам. А сейчас проверим, пошли ли на пользу юному Кохрейну мои многочисленные уроки. Надеюсь, он не окажется неблагодарным учеником... Алло, Дональд? — пророкотал полицейский в трубку. — Да, Маклеод. Прости за поздний звонок, мне нужна твоя помощь. Что? Именно, неподалеку от Абердина. Со мной сэр Адам и мистер Ловэт. Мы едем в аэропорт, вертолет уже ждет. Нам нужно догнать одного старого знакомого, Анри Жерара, который, по достоверным сведениям, находится у Росслина. Да, в районе Лонхеда. Ближайшая посадочная площадка близ замка Долхаус. Мы будем часа через два, встретишь нас там. Да, все верно, замок Долхаус, около полуночи. Нет, достаточно будет тебя одного, — добавил он, бросив на Адама быстрый взгляд. Синклер согласно кивнул. — Нашего приятеля легче будет перехватить малым числом.

— Иными словами, — уточнил Перегрин, когда инспектор закончил разговор, — ты полагаешь, что Жерар слишком опасен, чтобы вмешивать местную полицию?

— Попал в точку, — кивнул Маклеод. — Если Жерар выпустит на свободу Гога и Магога, количество полицейских уже ничего не изменит, только трупов будет больше.

Анри Жерар содрогнулся от дурного предчувствия. Он ясно ощущал, что его преследуют — не полиция, нет, кто-то куда более опасный. У него совсем не было времени на ожидание сообщника. Пусть только попробует опоздать!..

В условленном месте у поворота на Галашилс на вспышку фар из темноты выскользнула юркая фигура. Жерар резко затормозил, но автомобиль пронесло вперед по мокрому асфальту, и Ричи Логану пришлось за ним несколько метров пробежать. Жерар распахнул дверцу, и бандит одним коротким прыжком оказался в пассажирском кресле. С потрепанного непромокаемого плаща Логана ручьями стекала вода, в руках он держал тяжелую сумку с рабочими инструментами.

— Добрый вечер, мистер Жерар, — поздоровался взломщик, поудобнее устраивая на коленях свой багаж. — Вы успели как раз вовремя.

— То же самое можно сказать о тебе, — отрезал Жерар.

Логан, которого воровская жизнь научила быть хорошим физиономистом, взглянул повнимательнее ему в лицо.

— Что-то случилось?

Жерар нервно передернул плечами и нажал на газ.

— Ничего такого, что мне бы хотелось обсуждать с тобой.

Логан совершенно не смутился.

— Ну нет, мистер Жерар, так дело не пойдет. Если у вас что-то личное стряслось, тогда ладно, но если это касается нашего дельца, я должен знать.

Жерар обдумал его слова, потом, снисходительно кивнув, процедил сквозь зубы:

— Хорошо, если тебе так уж нужно знать... за нами следят.

Логан инстинктивно бросил взгляд через плечо, на пустынную дорогу.

— Кто? Полиция?

— Нет. Это один мой... соперник.

Логан недоверчиво уставился на француза.

— Какой такой соперник? Еще один историк, что ли?

— Не знаю, — нервно ответил Жерар, — он ищет то же, что и мы.

— То есть вы хотите сказать, что даже не знаете его имени? — Логан с трудом подавил приступ смеха. — Нечего сказать, страшная угроза! А я уж было забеспокоился.

Жерар, на миг оторвав взгляд от дороги, презрительно посмотрел на него.

— Можешь хихикать, сколько влезет. У меня есть причины считать, что этот человек, кто бы он ни был, представляет для нас куда большую угрозу, чем все местные полицейские, вместе взятые. Он примерно равен мне по могуществу и обладает знанием. Если бы ты не был таким тупицей, то понял бы, что это для нас означает.

— Я свою работу знаю, мистер Жерар, — с холодной яростью заявил Логан, — и лучше бы этому парню не вставать у меня на пути.

— Если он все-таки осмелится, ты даже не успеешь понять, что происходит, — усмехнулся Жерар.

Логан промолчал в ответ, но теперь его молчание было куда более настороженным. Он с самого начала подозревал, что Жерар не совсем нормален, и чем дальше, тем больше убеждался в своей правоте. У француза явно съехала крыша; если с ним приключится нервный срыв, то лучше быть в это время от него подальше. Взломщик предпочитал вовремя смыться, имея при себе львиную долю добычи, если они действительно добудут что-нибудь ценное. Как человек здравомыслящий, Логан не мог исключить, что все это ночное путешествие — не более чем причуда сумасшедшего. Однако до сих пор ему исправно платили, да и он сам успел разжиться отличными камушками и готов был играть с французским психом в его дурацкие игры до той поры, покуда его устраивали правила.

Жерар тоже всю дорогу хранил напряженное молчание. Насмешливый скептицизм Логана беспокоил куда меньше, чем воспоминание о страшном моменте проникновения в его разум — прикосновения чужого, мощного интеллекта, отмеченного печатью мудрости тамплиеров и яростным стремлением не дать ему — де Ногару — добраться до ковчега. Однажды, давным-давно, тамплиеры уже встали у него на пути. Жерар не хотел, чтобы эта история повторилась.

Так, в молчании, катили они к мирно спящему селению. В темноте нелегко было рассмотреть указатели дороги к собору Росслин Чэпел, но Жерар инстинктивно находил правильные повороты.

Собор стоял не в самой деревне, а на отшибе, на берегу реки Эск, окруженный каменной стеной. Жерар медленно объехал вокруг собора, словно выбирая место, и наконец припарковал автомобиль в тени деревьев. Логан заметил, что на этот раз француз одет не в своем обычном франтоватом стиле, а так, как он, должно быть, представлял себе воров-взломщиков: в черную кожаную куртку на молнии, черные же джинсы и мягкие туфли. Сам Ричи, впрочем, так и одевался.

Оба прихватили по небольшому рюкзаку, которые надели, выходя из машины. Француз молча следовал за сообщником. Логан тщательно изучил стену, прикидывая, где через нее легче будет перебраться. Жерар с таким же вниманием изучал собственное сознание, пытаясь понять, не пытается ли кто-то опять проникнуть в его мысли. Впрочем, соперник, похоже, временно оставил его в покое.

Они влезли на стену — Логан первый, Жерар за ним, судорожно вцепившись в его руку. Спрыгнули в церковный двор, затем, стараясь ступать только по траве, чтобы приглушить звук шагов, подошли к дверям. Как и следовало ожидать, собор был заперт, но замок на восточной двери без особого сопротивления уступил искусству Логана. Щелчок прозвучал неестественно громко — должно быть, эту дверь не открывали много лет.

— После вас, — саркастически усмехаясь, пробормотал Логан, вошел и молча встал в стороне, предоставив Жерару самому закрывать дверь. Только когда собор вновь погрузился во тьму, он достал из рюкзака мощный электрический фонарь. — Держите. Постарайтесь светить пониже и подальше от окон.

Сообщники двинулись вдоль бокового придела, между двумя рядами резных колонн. Жерар шел первым. Желтый круг света, словно похотливая рука, обшаривал старинную резьбу, выхватывая из тьмы фрагменты каменного кружева. Жерар, инстинктивно находивший путь, устремился к одной из самых больших колонн, украшенной вязью резных листьев и цветов. Это была знаменитая Колонна Ученика. По легенде, подмастерье, украсивший ее, был убит своим завистливым учителем, понявшим, что юноша превзошел его талантом. Сразу за колонной, справа от алтаря, открывался вход в склепы. Задыхаясь от возбуждения, Жерар поспешил по ступеням вниз, поводя лучом из стороны в сторону.

— Отличное местечко, — негромко пробормотал Логан у него за спиной. — И где же ваш тайник?

— Там, — сказал Жерар, держа фонарь прямо перед собой.

Он слегка пригнулся, чтобы войти в следующее помещение — небольшую комнату, довольно грязную на вид, и направил луч на дальнюю стену. Логан заметил, что несколько рядов кирпичей немного выступали над идеально ровной кладкой. Похоже, когда-то здесь была узкая дверь, которую потом замуровали.

— Не забыв вашего предупреждения, — недовольно пробурчал Логан, — я запасся отличным инструментом для взлома. Надеюсь, мы найдем что-нибудь получше старых костей.

Он извлек из своего рюкзака ящичек со взрывчаткой и принялся возиться с бикфордовым шнуром.

— Ступайте наверх и ждите меня там, — велел взломщик, присаживаясь возле двери. — Заодно и посторожите. Я поднимусь, как только закончу.

— Нет, подожди! — повелительным тоном окликнул его француз. — Сначала я должен обеспечить полную тишину.

— Я полагаю, что справлюсь без особого шума...

— Предпочитаю обойтись совсем без шума. Отойди в сторону. Ну, кому говорят!

«Да он совсем спятил», — пронеслось в голове Логана, решившего все же не протестовать раньше времени.

— Как скажете, мистер Жерар.

Вор сложил руки на груди и стал наблюдать за своим странным сообщником, не в силах сдержать скептической усмешки. А Жерар принялся доставать из рюкзака поразительные предметы: пластиковую бутылочку со свиной кровью, кисть из кабаньей щетины и маленький кубок из кованого железа. Тихо бормоча себе под нос заклинания, спятивший француз налил в кубок крови из бутылочки и побрызгал ею по четырем углам комнаты. Потом, обмакнув жесткую кисть в красную густую жидкость, начертил охранный знак на полу возле каждой из трех стен, кроме той, где была дверь.

— Теперь можешь поджигать свой шнур, — тихо произнес он, повернувшись к Логану, — а я на всякий случай запечатаю вход.

Взломщик настороженно покосился на Жерара, окончательно убедившись, что тот ненормальный. Но сейчас не было времени на препирательства. Чем быстрее закончится эта авантюра, тем раньше можно будет убраться отсюда и обо всем забыть. Логан поджег шнур и от греха подальше спрятался за дверь, а Жерар помедлил еще несколько секунд, медленно и торжественно начертав последний знак на пороге потайной комнатенки. Наконец оба сообщника поднялись по лестнице на безопасную высоту и принялись ждать.

Через пару мгновений пол под ними содрогнулся от сильного взрыва. С потолка посыпалась старинная штукатурка, по стенам собора пробежала легкая дрожь. Однако не раздалось не то что грохота — ни единого звука! Не веря своим ушам, Логан смотрел на Жерара во все глаза. Тот как раз доставал из поясной сумки Печать Соломона и оглянулся,

почувствовав растерянный взгляд сообщника.

— Я говорил тебе, что обеспечу полную тишину. А теперь пошли, займемся делом.

Сжимая Печать в кулаке, Жерар зашагал по ступеням вниз, но замер на пороге, не желая переступить через кровавый знак на полу. Постояв в нерешительности, он растер его ногой, превратив в грязное пятно, и только затем вошел.

Весь пол потайной комнаты был усыпан обломками камня и извести. В стене напротив входа зияла огромная дыра. Логан поглядел через плечо своего нанимателя, однако увидел только непроницаемую тьму. Жерар направил в пролом луч фонаря, который осветил низкие каменные своды длинного коридора.

Француз первый шагнул в него, низко нагнувшись — потолок был не выше четырех футов. Впрочем, скоро ход стал выше, стены раздвинулись, и справа открылось широкое пространство под сводом крестообразных арок. В сыром спертom воздухе подземелья витал запах смерти и тления. Ступая позади Жерара, Логан споткнулся и от неожиданности выругался. Впрочем, прозвучало это скорее испуганно. Он только теперь понял, что находится в склепе: в нишах покоились каменные плиты, и на каждой лежал давно истлевший труп в полном боевом доспехе. В неровном свете фонаря желтоватые черепа издевательски скалились из-под шлемов. Жерар обернулся к спутнику и улыбнулся почти столь же очаровательно, как покойные рыцари.

— Добро пожаловать в гости к баронам Росслина, — пробормотал он. — В их обычае было отправляться в склепы при оружии, как если бы они собирались охранять то, за чем мы пришли.

Логан, оправившись от первого потрясения, почти не слушал сообщника. Его внимание привлекли драгоценные камни на рукоятях мечей и поясах мертвецов. Алые, зеленые, желтые вспышки на древней стали будто магнитом притягивали взгляд вора. Он заметил небольшой инкрустированный рубинами по золоту кинжал и попытался вытащить его из пальцев скелета, но тяжелая рука Жерара схватила его за запястье.

— Плюнь ты на эти жалкие побрякушки. Настоящее сокровище — там.

Он указал фонарем в дальний конец склепа. В круге света ясно вырисовывалась древняя фреска, занимавшая почти всю стену.

Двое живых прошли меж рядами могильных плит и приблизились к росписи с изображением герба рода Сент-Клеров: черный восьмиконечный крест на серебряном поле, увенчанном птицей феникс. Герб поддерживали две коленопреклоненные фигуры рыцарей-тамплиеров, сделанных в человеческий рост и одетых в белые, с алыми крестами, плащи Ордена. Держа в руке Печать, француз направился к правой фигуре и с силой прижал реликвию к самой середине креста на рыцарском облачении. С ржавым тоскливым скрипом часть стены подалась назад, открывая еще одну потайную комнату. Жерар, а за ним и Логан, устремились в нее и безмолвно замерли на пороге.

Тамплиеры, молчаливо стоявшие по периметру комнаты, были всего-навсего настенными росписями, но двое, преклонившие колени по обе стороны маленького, словно детского, саркофага, оказались настоящими, только усopшими много лет назад. Может быть, именно их изображения хранила фреска на стене склепа. Мертвые рыцари в истлевших, некогда белых плащах поверх тяжелых доспехов склонили головы на рукояти мечей. На крышке саркофага виднелись оба герба — черный крест Сент-Клеров и алый — Ордена Храма.

Задышавшись от радости, Жерар торопливо спрятал Печать, бросился к саркофагу и изо всех сил толкал тяжелую крышку. Та сдвинулась едва ли на миллиметр.

— Ну же! Помогай! — рявкнул француз.

Логан очнулся от забытья. Подбежав к саркофагу, он наступил на плащ одного из мертвых стражей, и тот, пошатнувшись, рухнул на пол, громя костью и кольчугой. Череп подкатился грабителю под ноги; Логан с гримасой отвращения отпихнул его, спеша ухватиться за крышку саркофага. Толкая изо всех сил, они наконец смогли сдвинуть плиту.

Под плитой лежало что-то длинное и узкое, обернутое в пурпурные ткани. Блестевший

в луче фонаря шелк казался на удивление новым, будто годы не коснулись его. Жерар протянул дрожащую руку и жадно сорвал древний покров. На алой подушке покоился тонкий жезл из чистого сверкающего золота, увенчанный шестиконечной звездой. Звездой царя Соломона! На другом конце Скипетра была миниатюрная копия Печати, которая, без сомнения, могла использоваться как подлинная.

Жерар издал нечленораздельный торжествующий вопль, когда его пальцы сомкнулись вокруг золотого стержня. Несколько секунд он просто держал Скипетр, наслаждаясь прикосновением к нему, потом бережно обернул сокровище в пурпурный шелк. Пока все его внимание было поглощено Скипетром, Логан начал поглядывать на меч мертвеца.

— Оставь ты этот жалкий хлам! — приказал француз. — Теперь, когда мы обладаем Печатью и Скипетром, нас ждет само Сокровище Соломона!

Глава 25

Около полуночи вертолет опустился на маленькую посадочную площадку близ замка Долхаус. Накрапывал дождь. Как только Охотники ступили на землю, их приветствовал нетерпеливый сигнал темно-серого «пассата».

— Ну вот и пересадка подоспела, — пробурчал довольный Маклеод. — Спасибо вам, мистер Пирсон. Возможно, через пару дней мы снова прибегнем к вашим услугам.

Трое друзей едва ли не бегом бросились к автомобилю. Еще в Абердине, перед тем как сесть в вертолет, они переоделись в более удобные для предстоящей операции костюмы — короткие непромокаемые куртки с капюшонами. Дональд Кохрейн открыл заднюю дверцу автомобиля и вопросительно посмотрел на шефа. Маклеод и Перегрин уселись на заднее сиденье, Адам — рядом с водителем.

— Рад видеть тебя, Дональд, — коротко поздоровался инспектор. — Гони в Росслин так быстро, как только можешь. Сэр Адам покажет дорогу.

Молодой Кохрейн показал себя отличным водителем, «пассат» стремительно несся сквозь дождливую мглу, за окном пролетали едва различимые в темноте пейзажи Мидлотиана. Порой сквозь тучи проглядывал мутный лик луны, озаряя однообразные поля мертвенным светом. «Пассат» мчался по пустынному шоссе, как стрела, но вскоре пришлось свернуть с шоссе на размокший проселок — это был ближайший путь к собору Росслин Чэпел. Здесь Адам попросил детектива погасить фары и ехать медленно, после чего сказал Перегрину:

— Смотри внимательнее, твое зрение может нас спасти. Если увидишь хоть что-то необычное, сообщи немедленно.

Вскоре перед ними возникла каменная стена, окружавшая собор. За ней топорщились в темноте острые шпили храма.

— Остановитесь здесь, у стены, — обратился Адам к водителю, — и ждите.

Дональд посмотрел на Маклеода, ожидая указаний. Инспектор кивком подтвердил приказ. Поставив автомобиль под деревьями, Кохрейн заглушил двигатель.

— Если через час мы не вернемся, вызывай подкрепление, — тихо добавил Маклеод от себя, перед тем как выйти наружу.

— Сэр, вы уверены, что мне надо остаться? — с надеждой спросил Дональд. — Может быть, мне лучше пойти с вами?

— Уверен. Оставайся здесь и будь начеку. Не исключено, что придется устроить погоню.

— Как скажете, сэр, — вздохнул юный детектив. — Только мне очень хотелось бы знать, что происходит.

Маклеод потрепал его по плечу.

— Имей терпение.

Адам, в сумке которого теперь находился Венец, подошел к главным воротам в церковный двор, которые оказались накрепко запертыми.

— К сожалению, это ничего не значит, — тихо сообщил Маклеод, подходя сзади. — Наши приятели вполне могли перелезть через стену. Точно так, как сейчас поступим мы.

Синклер подпрыгнул, ухватился за верхний край стены, проверяя, сможет ли он подтянуться на руках. Поняв, что это не составит особого труда, он кивнул Перегрину на рюкзак с Венцом.

— Когда я буду наверху, подашь мне.

Высокий и мускулистый, он легко взобрался на стену. Перегрин тоскливо посмотрел на него, потом перевел взгляд на собственные колени.

— Плакали мои новые брюки...

Он протянул Адаму рюкзак и схватился за его руку. Наставник почти втащил ученика наверх; тот пытел и отдувался. Секундой позже к ним присоединился Маклеод, несмотря на грузность, привыкший обходиться без посторонней помощи. Спрыгнув со стены, друзья поспешили к собору. Главный вход был заперт, но боковая дверь оказалась слегка приоткрытой.

— Проклятие! — одними губами произнес инспектор и достал из кармана браунинг.

Ногой распахнув дверь, Маклеод ступил на порог, подав остальным знак пока оставаться на месте. Через несколько секунд он махнул рукой, приглашая товарищей следовать за ним, и беззвучно растворился в глубине собора. Перегрин, шедший последним, оказался в полной темноте и растерянно завертел головой. Не смея без указания старших включить фонарь, он инстинктивно сощурился, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Во тьме всплывали странные образы, наполовину порожденные его возбужденным воображением, со всех сторон обступали призрачные готические арки и колонны. Каким-то иным зрением Перегрин увидел слабый отсвет, быстрое движение впереди, и нервно вздохнул.

— Что там? — коснулся его слуха шепот Адама.

— Мне показалось, я что-то видел. Там, справа от нас.

Какое-то время они стояли неподвижно, вглядываясь и вслушиваясь.

— Я ничего не слышу, — прошептал Маклеод.

— Может, ничего и нет, — отозвался Перегрин. — Просто восприятие в темноте обострилось.

— Если бы Жерар был здесь, он бы давно нас заметил, так что нет смысла таиться, — решительно сказал Адам. — Давайте наконец зажжем свет.

И первый включил фонарь. Перегрин с огромным облегчением сделал то же самое. Похоже, кроме Охотников в соборе никого не было. Адам направился к приметной Колонне Ученика. Маклеод, не отстававший от него ни на шаг, воскликнул:

— Посмотрите-ка, Жерар все-таки опередил нас. О Господи, какой погром он тут устроил...

Инспектор направил луч фонаря на ступени, уводящие в склепы, и стал спускаться. Перегрин и Адам, следуя за ним, увидели, что весь пол завален обломками кирпичной кладки. Похоже, здесь был настоящий взрыв. Для чего Жерару понадобилось взрывать стену, стало ясно при взгляде на зияющую дыру, за которой проглядывался длинный коридор. Маклеод уже перешагнул через порог, но отшатнулся, заметив на полу какие-то кровавые пятна.

— Тьфу, это же Черные Стражи! — вода лучом фонаря по полу, поразился он. — Видно, наш приятель здорово спешил, если не потрудился убрать за собой. Даже не позаботился нейтрализовать их силу, сволочь!

Адам встал за плечом Маклеода, едва ли не физически чувствуя множество темных сущностей, заполнявших комнату.

— Придется нам разобраться с ними, прежде чем мы пойдем дальше, — пробормотал он, содрогаясь от отвращения.

Он снова отдал Перегрину свою сумку, предварительно достав из нее пузырек с солью и шелковый шнурок, на котором висел длинный заостренный магнит в форме волчьего клыка. Перегрин уже несколько раз видел у Адама эту вещь. Держа шнурок с камнем в

правой руке, Синклер сжал левой пузырек и принялся посыпать солью кровавое пятно на пороге. Кольцо на правой его руке сияло синим пламенем. Он шагнул в комнату и направил клык вперед.

— Свет во тьме светит, — произнес Адам звучным голосом, — и тьма не объяла его. Благословен будь, истинный Свет, который объемлет каждого человека, приходящего в мир. Тьма да не устоит против него.

Перед лицом Силы, призываемой Адамом, Черный Страж не мог устоять и рассеялся, угаснув, как задутая свеча. Адам переступил порог и обошел комнату по периметру, останавливаясь у каждого из Знаков и изгоняя злую силу. Перегрин не мог отвести взгляда от камешка-клыка, отводившего действие темных тварей, с которыми расправлялся его друг. Наконец Адам закончил. Когда он вновь повернулся к друзьям, атмосфера в комнате стала совсем иной. Теперь маленькое помещение казалось на самом деле пустым.

Адам позволил и Перегрину переступить порог.

Маклеод тем временем исследовал зияющий в стене проем.

— Не похоже, что наш приятель намного опередил нас. Камни еще теплые, значит, взрыв произошел совсем недавно, — бросил он через плечо.

— Нужно узнать, нашел ли он то, что искал, — отозвался Адам. — Я почти не сомневаюсь в этом, но вдруг, идя по следу, мы обнаружим что-нибудь интересное.

Идти по следу Жерара оказалось просто, все равно что искать следы урагана. Войдя в склепы, где на своих скорбных ложах покоились мертвые бароны Росслина — многие из которых приходились Адаму далекими предками, — Синклер и его товарищи увидели распахнутую настежь потайную дверь. Согнувшись, они прошли под низким сводом, миновали фигуры рисованных тамплиеров и приблизились к хранилищу. Пустой каменный саркофаг ответил на их вопрос лучше любых слов. Оскверненные кости одного из его последних стражей рассыпались по полу.

С глубоким почтением Адам приблизился к останкам второго стража. Тот по-прежнему склонял голову на рукоять меча, будто погруженный в тяжелую думу.

— Он был здесь, я имею в виду Скипетр, — с горечью прошептал Перегрин. — Если бы мы оказались здесь на каких-то полчаса раньше...

— Пустые сожаления нам не помогут, — оборвал его Маклеод. — Что бы я хотел знать, так это куда направился сейчас Жерар со своим дружкой.

— Каким дружкой? — Перегрин недоуменно взглянул на инспектора. — С ним был кто-то еще?

— Вот именно. Если ты потрудишься внимательнее взглянуть на следы в пыли, то поймешь, что здесь побывали двое. Кроме того, взрыв проведен довольно грамотно. Должно быть, сообщник Жерара — знаток своего дела, какой-нибудь профессиональный вор. Может быть, тот самый, что устроил ограбление в доме Финнса. Не удивлюсь, если именно он и убил Натана.

Перегрин глубоко вздохнул, с грустью косясь на мертвого тамплиера.

— Если бы только наш друг рыцарь мог говорить... Уж он-то наверняка знает, где искать ковчег.

Адам проследил за взглядом Перегрин, и по лбу его пролегла горизонтальная морщина, признак задумчивости.

— Если бы наш друг рыцарь... — повторил он медленно, и глаза его просияли. — Перегрин, ты просто гений!

Выхватив у художника свою сумку, Адам торопливо извлек из нее Венец и опустился на одно колено рядом с мертвым тамплиером.

— Что ты собираешься делать? — спросил встревоженный Маклеод. — Ты ведь не забыл, что сказала леди Гризель? Венец надевать опасно!

— Я не собираюсь надевать его на себя, — успокоил его Синклер.

Сжимая Венец в руках, он закрыл глаза и вознес беззвучную молитву, после чего с великим почтением возложил его на чело мертвого рыцаря. Не отнимая рук, Адам начал

погружаться в транс, позволяя «своему» тамплиеру выйти из тайников подсознания. Воспоминания прошлого воплощения нахлынули на него океанской волной, почти вытесняя память нынешней инкарнации.

— Non nobis, Domine, non nobis, sed Nomini Tuo da gloria, — прошептал Адам древний девиз Ордена как клятву в чистоте своих намерений. — Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему воздай славу. Помоги мне, брат мой, — тихо обратился он к храмовнику. — Позволь мне разделить твоё бремя. Нарушитель твоего покоя унес то, что ты так долго хранил, и теперь хочет пробудить то, чему не должно быть пробужденным. Скажи мне, где оно, и я попытаюсь остановить врага.

Последовала долгая пауза. Воздух в усыпальнице потрескивал электрическими разрядами, Перегрин чувствовал, как волосы на затылке становятся дыбом.

Наконец тамплиер поднял мертвую голову — череп, обтянутый высохшей кожей, — послышался натужный скрип шейных позвонков. Под золотым Венцом из глубины черных глазниц сверкнули искры бледного света, и челюсть мертвеца дрогнула, с трудом выталкивая слова.

— Останови его... — проскрипел замогильный голос. — Останови врага нашего Ордена...

— Ковчег, брат, — горячо настаивал Адам, его руки дрожали, а лоб покрылся испариной. — Скажи мне, где ковчег, заклинаю тебя.

Призрачное пламя снова сверкнуло в пустых глазницах черепа.

— Наша пресептория. Балантродок, — пришел ответ из загробного мира. — Там сокрыт ковчег. Спешите, иначе будет поздно...

— Балантродок? — Голос Маклеода был немногим менее хриплым, чем у мертвого рыцаря. — Где это?

Перегрин от священного трепета едва мог соображать, но на этот вопрос он знал ответ!

— Не так далеко! — прошептал художник, весь дрожа. — Теперь это место называется Тампль — Храм то есть. Всего в нескольких милях отсюда!

Внезапно молодой человек понял, что это может означать.

— Жерар может снова нас опередить! Наверное, он уже там!

Раньше, чем Маклеод успел его остановить, Перегрин в крайнем волнении схватил Адама за плечо, рывком выдергивая ушедшего в транс из глубин его прошлого. Он понял, что он натворил, лишь когда Синклер со стоном схватился за голову. В тот же самый миг мертвый рыцарь с сухим стуком рухнул на пол, рассыпаясь от падения в груды костей и древнего железа.

— Чертов дурень! — рявкнул Маклеод, бросаясь на помощь Адаму. — Ты знаешь, что теперь с ним может случиться?

— Я не хотел, — пролепетал Перегрин, до смерти перепуганный. — Я не думал, что...

— Все в порядке, Нозль, — с трудом проговорил Адам, разлепляя веки и с помощью инспектора поднимаясь на ноги.

Он постоял, обхватив друга за плечо и часто втягивая воздух, как при приступе астмы. Наконец, его дыхание стало ровнее.

— Со мной все нормально, — заверил Охотник друзей — К тому же Перегрин абсолютно прав насчет Тампля. Нам нужно поторопиться.

Адам поднял Венец из груды костей и убрал его в сумку; Маклеод бережно взял друга под локоть. Затуманенные болью глаза Синклера остановились на двух длинных мечах, валяющихся на полу среди костей и пыли.

— Возьмите их с собой, — сказал он. — Конечно, грабить мертвых — низко, но я уверен, что братья Ордена с радостью одолжили бы вам свое оружие. Оно может понадобиться, если демоны все-таки окажутся на свободе.

Перегрин смотрел на наставника огромными глазами, однако безмолвно повиновался и поднял мечи.

— А теперь уходим, — чуть слышно приказал Адам. — Мы немедленно отправляемся в

Тампль.

Глава 26

Тампль оказался крохотной деревушкой в одну улицу. Невысокие каменные дома по обеим сторонам дороги были тихи и темны, как могильные плиты. Стояла дождливая сентябрьская ночь, время, подходящее только для того, чтобы спокойно спать в своих постелях. Похоже, жители Тампля были того же мнения. Сквозь широкое поле, простиравшееся сразу за домами, не пролегало ни одной приличной дороги — лишь размытая дождем узкая тропа уходила во мглу. Высокая старинная арка и часть обвалившейся стены из светлого камня — все, что осталось от некогда славной пресептории тамплиеров, — вздымались над темной пустошью подобно неким мистическим Вратам. Именно это место дало название деревушке. Сразу за аркой темнел невысокий, поросший травой древний курган. Когда-то на возвышении и стояла главная башня Балантродока, теперь же располагалась школьная спортивная площадка.

Возле холма, под каменной подковой арки, стоял Жерар. Светлый камень развалин бледно сиял в свете проглядывающей луны. В высокой траве лежали тени. Нити дождя, падая с неба, светились серебром. Но Анри Жерар с трудом различал, что происходит вокруг. Стоя в двух шагах от вождельного места, он как никогда ранее ощущал свою связь с прошлым; казалось, лишь тонкая, невидимая преграда — время — отделяет француза от него. Большая часть его души сейчас носила имя Гийом де Ногар, который всем существом смаковал вкус победы. Наконец-то он вплотную приблизился к так долго ускользавшему сокровищу! Ослепленный восторгом, Жерар-Ногар выпрямился в полный рост, стиснув Скипетр в правой руке, а левой сжимая Печать Соломона. Он почти забыл о Логане, притаившемся в темноте. Перед глазами француза, затуманивая разум, всплывали пленительные картины блаженного обретения.

Вдруг радостные видения сменил образ коленопреклоненного человека с искаженным печалью и мукой лицом. Это был Натан Финнс, ученый иудей. Он сложил руки в беззвучной мольбе, словно призывая Жерара одуматься, пока не поздно. Холодок страха пробежал по спине преступника. Не поддаваясь дурному предчувствию, он откинул голову и хрипло засмеялся, прогоняя видение властным взмахом Скипетра. Левая рука еще крепче стиснула Печать, глаза на бледном лице горели, как уголья, а с губ сорвались слова могущественного заклания Отверзания, древнего, как сам золотой жезл.

Венчавшая Скипетр Звезда Давида стала медленно разгораться странным светом. Золотое сияние сделалось нестерпимо ярким. Выплеснулось пламя. Голос Жерара вырос до пронзительного крещендо — и оборвался на верхней ноте в тот миг, когда он неистовым движением прочертил Скипетром у своих ног дымную полосу. Пламя опалило высокую траву и оставило выжженный круг.

Глубоко под землей послышался тяжкий грохот, почва под ногами дрогнула, словно там, в глубине, пробудилась и начала шевелиться древняя могучая сила. Логан, замерший возле арки с разинутым от удивления ртом, увидел, как земля разверзается под ногами француза, открывая вход в подземелье. Длинный ряд каменных ступеней уводил на непомерную глубину.

Несколько мгновений Жерар безмолвно смотрел на дело рук своих, словно не в силах поверить в удачу. Потом, очнувшись, спрятал Печать в поясную сумку и, засунув Скипетр за пояс, как если бы это был меч, обернулся к Логану. Тот притворился, что все происходящее волнует его не больше, чем цирковое представление. Незадолго до прибытия на поле француз велел Логану держать наготове фонарь. Тогда вор про себя посмеялся над ним, недоумевая, зачем нужен свет в ярко озаренном луной пустом пространстве. Теперь он понял зачем.

Жерар первый двинулся вниз по ступеням. Логан последовал за ним, освещая дорогу фонарем. Каждый нерв его был напряжен, как струна, хотя бывалый вор старался не показывать виду. Ступени вели в глубь кургана, в полную темноту, и вскоре Жерар и его

спутник вступили в широкий подземный коридор, вдоль левой стороны которого шел ряд дверей. Потрясенный француз узнал это место — он уже видел его однажды, в хрустальном шаре. Тяжелые дверные кольца поблескивали сквозь красноватую ржавую пыль, но Жерар не обращал на них внимания. Его интересовала последняя дверь, которая, согласно видению, должна быть замурованной. Поджидая сообщника, француз стал ощупывать плоскую стену. Мгновение спустя его пальцы наткнулись на неровность в кладке. Он принялся счищать известковую штукатурку, и вскоре его взгляду открылась резьба в виде шестиконечной Звезды Давида, окруженной древнееврейскими надписями.

Невольно испустив торжествующий крик, Жерар дрожащими руками извлек наружу Печать и с силой прижал ее к резной Звезде. Ничего не произошло. Стена осталась такой же несокрушимой, как и прежде. Француз обернулся и ожег Логана бешеным взглядом.

— Кирку, живо! — приказал он срывающимся голосом. — Долби эту чертову стену! Кирка открывает любую дверь!

Тонкие губы Логана презрительно скривились. Приказной тон Жерара оскорблял его, но он стерпел. Еще не время разбираться с этим лягушатником. Вор покорно передал фонарь своему нанимателю и полез в рюкзак за киркой.

— Светите мне, пока я буду работать, — замахиваясь для удара, процедил он. — И отойдите-ка подальше, а то могу и вас зацепить.

Стиснув зубы, Логан принялся крошить камень со всей силой и скоростью, на которую был способен. Когда первый камень был выбит, дело пошло быстрее. Брешь расширилась, теперь в нее вполне мог протиснуться человек. Будь на то воля Логана, он бы на этом и остановился, но Жерар заставил его работать дальше, пока дыра не сравнялась высотой с замурованной дверью. На это вору потребовалось не менее получаса, пока наконец француз не приказал ему остановиться.

— Довольно, — выговорил он. Логан, отдуваясь, вытер со лба пот.

Жерар, едва не сбив его с ног, метнулся в дверной проем, и вор, мгновенно позабыв обо всем, последовал за ним. Ступив внутрь потайного покоя, Жерар замер как вкопанный. Лицо его стало бледным, как у трупа, и только глаза озарялись сполохами алчного, недоброго огня. Посреди круглого высокого чертога, лишь малую часть которого освещал узкий луч фонаря, стоял ковчег. По четырем углам крышки располагались фигурки крылатых тварей, обращенных лицами наружу: четыре недремлющих стража из ясного золота. Укреплен ковчег был на четырех шестах, снова напомнивших Жерару его видение.

Одна рука француза стискивала Печать, прижимая ее к груди, вторая держала Скипетр. Теперь, когда взор его хоть немного насытился видом вожаемой добычи, он увидел, что этот покой охраняется еще лучше, чем тот, откуда был похищен священный жезл. Вдоль стены по кругу стояли тринадцать кресел с высокими спинками, двенадцать из которых были заняты. Там сидели мертвые, иссохшие тела рыцарей-тамплиеров. Головы их покрывали кольчужные капюшоны. Все они, как один, сложили руки на рукоятях мечей и опустили на сложенные ладони головы, словно уснув. Пустовало только тринадцатое сиденье, то, что стояло напротив ковчега.

Сзади тихонько подошел Логан. В руках он все еще держал кирку. Вор огляделся с безразличной неприязнью и пробормотал:

— Господи, Жерар, вот это да... Похоже, эти ребята были даже большими психами, чем вы.

Француз обернулся, глаза его сверкнули так, что Логан отпрянул.

— Ah, que vous utes butes!¹ — выговорил он на своем родном языке. — Раскрой глаза, неужели ты ничего не видишь, кроме грубой материи? Даже проклятые еретики знали, что наш плотный мир — только бледное отражение мира высшего.

Широким жестом он указал на мертвых тамплиеров. Логан встретил пылающий, полубезумный взгляд Жерара насмешливой полуулыбкой.

— Надеюсь, они на меня не обидятся. Я человек маленький, меня интересует только

¹ Ах, какой же ты идиот! (франц.)

этот шикарный ящичек и то, что у него внутри.

Он шагнул по направлению к ковчегу, замороженный блеском золота. Побелев от ярости, Жерар заступил ему дорогу.

— Глупец! Стоит тебе коснуться ковчега, и эти самые высшие силы, над которыми ты осмелился смеяться, раздавят тебя в слизь! Возьми фонарь, свети мне и стой молча, пока я сделаю то, что должно спасти нам жизнь.

Логан непроизвольно еще сильнее стиснул рукоятку кирки, примериваясь раскроить французу череп, но все же взял себя в руки. Его привело в чувство воспоминание, как Жерар одним движением посоха расколол землю перед собой и открыл вход в подземелье. Вор неохотно принял фонарь из рук сообщника и отступил на несколько шагов. Удовлетворенный его покорностью, француз повернулся к сообщнику спиной, словно не замечая, что тот по-прежнему очень зол, а в руке у него острая кирка.

Жерар приближался к ковчегу, как священник к алтарю, благоговейно преклонив колени. Потом извлек из кармана кусочек древесного угля, завернутый в лист бумаги. Лист был покрыт древнееврейскими письменами.

Подняв руки над головой, Жерар склонил голову и начал читать заклинания. Странные слова мерно слетали с его губ. Логан пытался понять, на каком языке лопочет сообщник — ни на английский, ни на французский это не походило. Закончив, тот выпрямился и принялся рисовать на полу какие-то знаки. Внезапно вором овладело любопытство. Он подошел ближе, чтобы лучше видеть. Француз очертил ковчег двойным кругом и теперь покрывал пространство меж двумя окружностями загадочными письменами. Вор догадался, что это, должно быть, еврейские буквы.

Жерар неожиданно обернулся и встретился с ним холодным взглядом. Логан, понимая, что нужно срочно что-то сказать, выдавил:

— И долго это будет продолжаться?

— Столько, сколько нужно, — отрезал сообщник. — А теперь молчи!

Наконец Жерар закончил возиться с письменами и поднялся на ноги. Воздев над головой Печать, он выговорил несколько слов на том же непонятном языке и выхватил из-за пояса Скипетр. Теперь уже Скипетр взлетел вверх в его руке, а Печать Жерар в тот же миг резко опустил и прижал ее к золотому оттиску на крышке ковчега.

На какое-то мгновение Логану показалось, что ничего не произойдет. Но тут крышка ковчега дрогнула и начала подниматься с холодным металлическим звуком. Из щели вырвался густой серный дым. Послышался еще один звук, больше всего напоминавший долгий, свистящий вздох. По лицу Жерара пробежала тень смутения. Он прижал к груди Печать, словно пытаясь сообразить, что же делать дальше. Не придумав ничего умнее, француз просунул Скипетр в щель, стараясь приоткрыть крышку и заглянуть под нее.

Вдруг изнутри раздался негромкий смех, от которого по коже Логана побежали омерзительные мурашки. Крышка ковчега распахнулась с такой силой, как если бы под ней взорвалась бомба. Вспышка дымного алого пламени взметнулась из золотого реликвария, и нечто ужасное вырвалось оттуда. Жерар придушенно закричал, отшатываясь. Густое смрадное облако дыма и огня, восставшее из ковчега, поднялось от пола до потолка и распалось надвое, принимая форму двух уродливых человекообразных фигур...

Синклер и его товарищи были уже неподалеку от Тампля. Машину вел Дональд Кохрейн. Адам сидел на переднем сиденье, уткнувшись головой в ладони. Сапфир приятно охлаждал середину лба. Предоставив Маклеоду и Перегрину указывать дорогу, он старался вернуться в состояние транса, из которого недавно был так грубо вырван в подземельях Рослина. Через несколько минут он уже с трудом сознавал, что находится в салоне автомобиля, несущегося по ночному шоссе. Однако когда они въехали в Тампль, руководствуясь указаниями Маклеода, Адам почувствовал атмосферу тревоги и беды,

нависшую над спящей деревней. Тугие волны страха и ненависти ударяли в его сознание, не оставляя сомнений, что он на правильном пути. Источник этих энергетических потоков с каждым минутой становился все ближе.

Перегрин, скорчившись на заднем сиденье с двумя тамплиерскими мечами в руках, тоже ощущал движение темных сил. Нагнувшись вперед, он спросил дрогнувшим голосом:

— Адам, неужели мы опоздали?

— И да, и нет, — мрачно отвечал Адам, открывая глаза. — Боюсь, что джиннов уже выпустили из бутылки, но мы пришли как раз вовремя, чтобы загнать их обратно. Как ни трудно это будет сделать.

Он вынул из сумки Венец и положил на колени, за ним последовали пара одноразовых шприцов и коробочка с ампулами.

— А это зачем? — спросил Перегрин.

— Успокоительное, — криво улыбнувшись, отозвался Синклер. — Даже если Жерар и его сообщник каким-то чудом останутся в живых, я серьезно опасаясь за их рассудок.

Юноша судорожно сглотнул.

— Дональд, заглушите мотор и погасите фары, — тихо сказал Адам водителю, трогая его за рукав.

Молодой детектив повиновался. Стараясь поймать взгляд Маклеода в зеркальце заднего обзора, он спросил слегка дрогнувшим голосом:

— Сэр, на этот раз я могу пойти с вами?

— Прости, сынок, — с неожиданной нежностью отозвался Маклеод, кладя Дональду руку на плечо. — Ты будешь ждать нас в машине и зорко следить за всем, что происходит вокруг.

Он достал из кармана браунинг и бросил юноше на колени.

— Если появится Анри Жерар, попытайся задержать его. Если нападет — обороняйся. Но ни в коем случае не подходи к тому холму. Ты понял меня? Ни в коем случае. Если нарушишь приказ, продолжишь карьеру в качестве уличного регулировщика!

Пока Маклеод давал указания подчиненному, Адам и Перегрин выбрались из автомобиля. Художник держал оба меча, и когда инспектор захлопнул дверцу, то протянул ему один из клинков.

— Как ты думаешь, мы этим будем отбиваться от демонов? — тихонько спросил он.

— Не советую тебе недооценивать оружие, парень, — так же тихо отвечал Маклеод. — Если я правильно понимаю, меч тамплиера — не просто заостренный кусок железа.

Перегрин поудобнее перехватил оружие, пытаясь приноровиться к нему. Меч был длинным и тяжелым, но лег в ладонь идеально, словно на протяжении долгих лет принадлежал Ловэту. Юноша понимал, что, даже если в этой жизни он не умел обращаться с такими вещами, его душа может помнить, как это делалось в прежние времена.

Адам, далеко опередивший друзей, уже стоял возле каменной арки. Он спрятал Венец Соломона за пазуху, поближе к телу, но в правой руке его был кинжал, лезвие которого бледно сверкало в лунном свете. Голубой камень на рукояти светился так же ясно, как сапфир в печатке.

Когда друзья нагнали Синклера, он обернулся. Его лицо было бледным и встревоженным. Адепт кинжалом начертал на челе каждого из бывших с ним членов Ложи охранный знак.

— Хотя тьма накрыла долину тени, где пролегает путь мой, — прошептал Адам, — я не дрогну и не преткнусь о камень ногою. Ибо Дневная Звезда ведет меня и освещает мои пути.

Он отсалютовал клинком, словно присягая Свету, и металл засиял в темноте, как сама луна. Потом развернулся и зашагал к холму, над которым клубилась тьма в полукольце белой арки.

Когда трое друзей подошли ближе, шурша ногами в высокой мокрой траве, Перегрин заметил, что древние камни светятся не сами по себе. Их озаряет бледный неровный свет, куда более яркий, чем свет ночного светила. Приглядевшись, он понял, что свет этот идет из-

под земли, из разверстой широкой пещеры, которой почти касалась длинная тень арки.

Откуда-то из глубины земли донесся слабый крик, едва слышный, но леденящий душу. Адам и его товарищи бросились вперед. Крик повторился, сорвавшись на вопль бесконечного ужаса.

Глава 27

Держа перед собой кинжал, Адам стремительно проскочил под аркой и бросился вниз по ступеням. С фонарем в одной руке и с мечом в другой, Маклеод следовал за ним по пятам, за инспектором с трудом поспевал Перегрин, держа свой меч обеими руками. В конце длинного, вырубленного в камне коридора полыхал неестественный красноватый свет, исходивший из пролома в стене. Воздух был насыщен запахами бойни. Из освещенного покоя доносились ужасные звуки: омерзительный скрежет, мокрое хлюпанье и чавканье, треск разрывающейся плоти. Что-то звонко хрустнуло, будто огромная тварь разгрызала кость. На фоне звуков этой кошмарной трапезы раздавались слабые стоны, судя по всему, человеческие.

Мысленно приготовившись к худшему, Синклер ворвался в освещенное помещение — и замер на пороге, содрогнувшись, ибо его глазам предстала картина ада, а в лицо пахло жаром, исполненным серной вони и тошнотворно-сладкого запаха свежей крови. Адам взмахнул рукой, и кинжал разметал черное облако, однако зрелище, явившееся его взору, оказалось ужаснее любых клубов дыма.

Две огромные человекоподобные фигуры, словно выходцы из ночного кошмара, вздымались посредине зала. Их плоть составлял наполовину огонь, наполовину вязкий дым. Чавкая и урча, они жадно пожирали, разбрызгивая кровь, то, что совсем недавно было человеческим телом. В центре зала стоял золотой ковчег с откинутой крышкой, а рядом корчилась дрожащая тень — Анри Жерар.

Позади него на полу валялась Печать. Крепко стиснув в трясущейся руке золотой жезл, в котором Адам тут же узнал Скипетр, француз делал какие-то непонятные жесты, и с его губ слетали невнятные звуки — должно быть, заклинания. Похоже, сила Скипетра как-то могла удерживать демонов, но адепт понял, что она действует, пока Жерар сохраняет самообладание. Хорошо, что у французского хватало ума начертить магический круг перед тем, как открыть ковчег. Паутина священных символов густо покрывала пол. Пока демоны были заняты своей первой за три тысячи лет трапезой, они не пытались проверить силу охранных заклятий, однако Адам сомневался, что магический круг сможет долго сдерживать их, когда им захочется пойти дальше. А то, что демонам этого скоро захочется, очевидно; прикончив первую жертву, они обратят внимание и на вторую.

Стук шагов означал, что подоспели Маклеод с Перегрином. Ввалившись в зал, инспектор замер, прошептав лишь: «Боже милосердный», а юноша судорожно втянул воздух и побледнел как полотно.

Сила магического круга была подобна невидимой стене. Сощурившись и призвав на помощь второе зрение, художник смог увидеть ее, пронизанную волокнами мерцающего огня. Внутри круга Гог и Магог жадно пожирали остатки своей жертвы, слизывая кровь с пола, их лица были темны от ядовитой слюны. Они словно уплотнялись и росли с каждым мигмом, впитывая жизненную силу пожранной ими человеческой плоти.

— Чем больше они едят, тем сильнее становятся, — прошептал Адам. — Мы не должны выпускать демонов наружу, чего бы это ни стоило, иначе их уже никто не остановит.

Маклеод взял себя в руки и стиснул рукоять меча.

— Что делать нам? Командуй.

Адам не успел ответить — один из гигантов, покончив с едой, обратил внимание на Жерара. Развернувшись всем корпусом, он зашипел, брызгая слюной. Жерар отшатнулся, все еще держа перед собой Скипетр и из последних сил стараясь совладать с нервами. Он попятился, но его спина уперлась в невидимую преграду им же самим созданного

магического круга. Глаза француза стали дикими, он неожиданно понял, что сам запер себя в ловушке.

Второй демон тоже покончил с трапезой и обернулся, его глаза вспыхнули кроважидным огнем. Жерар вжался в невидимую стену и хрипло закричал от ужаса. Скипетр в его руке мелко дрожал.

— Что делать? — отчаянно прошептал Перегрин.

— Я думаю, — был ответ Адама. Безжалостные, словно василиски, демоны нависли с двух сторон над беспомощной жертвой. Француз попытался было загнать их обратно мановением Скипетра, однако отчаяние и страх парализовали его. Голодно урча, чудовища приближались.

— Не мог бы ты думать побыстрее? — не выдержал Маклеод.

— Я пытаюсь.

Окинув взглядом зал в отчаянной попытке найти ключ к спасению, Синклер увидел мертвых тамплиеров. Его мозг пронзила блестящая идея.

— Отвлеките демонов, — шепнул он друзьям. Адам стремительно ринулся прочь, в клубящуюся дымную мглу. Через мгновение он уже был возле безмолвных стражей ковчега и услышал, как позади него, у дверей, раздался металлический звон и вопли. Это кричали и били клинками Маклеод и Перегрин, стараясь переключить внимание демонов на себя. Мечи тамплиеров, яркие и острые, несмотря на древность, звенели с чистотой и громкостью церковных колоколов. Музыка клинков отдавалась в каменных сводах, двоясь и троясь, возвращаясь многократным эхом.

Привлеченные звоном металла, оба демона недовольно обернулись. Слепленные и оглушенные, они на миг потеряли из виду свою жертву. Их ужасные огненные глаза теперь уставились на двух смельчаков возле двери. Не переставая урчать, Гог и Магог двинулись вперед, желая уничтожить, раздавить, пожрать тех, кто попробовал им помешать. Однако магический круг встал перед ними невидимой преградой. Адам хорошо знал, что это ненадолго, несколько атак демонов, и незримая стена не выдержит. Пока же демонов хоть что-то сдерживало, следовало использовать выигранное время. Адам подкрался к кругу со стороны Жерара и затаился у ног одного из мертвых рыцарей. Выбора не было, и Адам, исполненный решимости, достал из-за пазухи Венец Соломона.

Он глубоко вдохнул, желая в последний раз испытать чистоту своих намерений. Перед тем как впасть в глубокий транс, Синклер почти неосознанно прочитал молитву — губы сами выговаривали слова древнего Царя Израиля, сына великого Царя, чей Венец сейчас он сжимал руках:

— О, ниспошли на меня свет Твой и истину Твою, и пусть они ведут меня, и пусть они приведут меня на святую гору Твою, к скиниям завета Твоего. Тогда взойду я на алтарь Господа, во Господе великая радость моя: истинно, на арфе буду прославлять Тебя, о Господь мой и Бог...

Слова эти Адам произносил всем своим существом, и дух его преисполнился силы и твердости. Он понял, что действует в согласии с Волей высшей, превосходящей его собственную. Теперь он не испытывал страха. Адепт встал в полный рост и поднял Венец. Правую руку, сжимавшую кинжал, он прижал к груди, закрыл глаза и возложил Венец Мудрости Соломона себе на чело. Адам на миг почувствовал легкое головокружение и вышел за пределы физического тела. Вырванный из кругов земного времени, он воспарил на крыльях воздуха и огня, как орел, стремящийся слиться воедино с солнцем. Там, наверху, сияла непреходящая Слава, Милосердие, Любовь, великолепие которой почти невозможно было вынести. Очищенный этим огнем, Синклер обрел новую, незамутненную чистоту зрения.

Он увидел великий город на горе, возносящийся ярусами выше и выше, к самым небесам. Город этот сиял, как опал, отражаясь в звездных сферах каждой своей башней, арками ворот, шпилями, огнями огненных фонтанов. Адам оказался у восточной стены, пред тремя воротами, и камень одних был топаз, вторых — изумруд, третьих же — сардоникс. Он

стоял и с благоговением ждал.

Центральные ворота распахнулись, и из них выступил большой отряд белых воинов, сиявших еще ярче городских стен. Тот, кто вел их, был одет в пурпурную мантию; Адам узнал Царя Соломона. Воины, что шли за ним, были детьми разных народов — сыны Израиля шагали плечом к плечу с рыцарями-тамплиерами. Один из рыцарей, высокий, с белым плюмажем на шлеме, показался Адаму знакомым. Вглядевшись, Синклер различил благородное лицо с твердо очерченным ртом и белое кружевное жабо. Это был Джон Грэхэм Клаверхаус, виконт Данди. Поймав на себе взгляд Синклера, рыцарь улыбнулся и приветствовал собрата салютом меча.

По знаку Соломона отряд остановился, и царь безмолвно повелел Адаму приблизиться. Охваченный благоговейным ужасом, но не испытывая страха, тот повиновался и преклонил колено перед живым олицетворением мудрости и могущества.

«Благословен муж, коему Господь не вменит греха и в чьем духе нет лукавства¹, — будто услышал Адам слова Соломона, и могучие руки коснулись его плеч. — Прими же благословение Мудрости во Имя Всевышнего, и знай, что власть и мудрость Царя и всех, кто с ним, почитет на тебе».

Венец на голове Адама ожил, воссияв всплеском ослепительно белых лучей. Адам увидел поднебесный мир, проникнув одновременно во все потаенные уголки Вселенной, и небывалая острота зрения и восприятия наполнила все его существо. В этот потрясающий миг он чувствовал таинство живого танца атомов и элементов, словно симфонию, слагающую формы всего сущего. Но дольше мига это нельзя было вынести. Непомерная величина и величие сотворенного мира вновь сокрылась от него, стянувшись в единственный момент настоящего. Адам очнулся в подземелье древней пресептории тамплиеров, с Венцом Соломона на голове, и рука его по-прежнему сжимала кинжал.

Хотя Адам вновь превратился в человека, повышенная острота восприятия осталась при нем. Его взгляд тут же упал на золотой скипетр в дрожащей руке Жерара. Тот, кто хотел иметь власть над демонами, сначала должен был овладеть Скипетром, потому что до полусмерти перепуганный француз уже явно был не в силах им управлять. К счастью, это мог сделать Синклер.

Его кинжал был выкован из метеоритного железа, рожденного в глубинах космоса и упавшего с неба. Человек, только что говоривший с Царем Соломоном, отважно шагнул вперед, к невидимой стене, воздвигнутой заклятиями Жерара, и занес кинжал. Собрав воедино всю волю и мудрость, чувствуя, как луч силы проходит через его правую руку, он вонзил клинок в прозрачную преграду пред собой, прорезая завесу магии. Кинжал словно обратился в сплошное пламя. Невидимая стена поддалась с легким сопротивлением, как будто Адам разрезал туго натянутую ткань. Все еще продолжая движение, Адам потянулся в открывшуюся брешь и вынул Скипетр из побелевших пальцев Жерара, заодно с силой рубанув по протянувшемуся было щупальцу демона. Заслонив собой бледного и трясущегося француза, adept величественно выпрямился. Кинжал он сжимал в правой руке, а Скипетр воздел над головой.

— Гог и Магог, сыны Люциферовы! — воззвал Адам. — Повелеваю вам во имя Адонаи и Соломона Мудрого слушать меня и повиноваться!

Демон, уже изготовившийся к новому нападению, зашипел и отшатнулся. Второе чудовище выгнулось, как змея перед броском, и изрыгнуло сгусток яда, упавший к ногам Адама с отвратительным шлепком.

Жерар издал тонкий, срывающийся крик и осел на пол, стараясь отползти подальше. Не обращая внимания на серный дым, извергаемый пастями выходцев из ада, Адам вытянул руки вперед и обратился к демонам голосом, в котором звучала непререкаемая власть. Его глаза были тверды и холодны как сталь.

— Вы не в силах причинить мне вред, и вам это известно. Узрите Венец и Скипетр Царя Соломона, которому Господь даровал власть над всеми нечистыми духами. От лица

¹ Пс. 32 (31), 2

этой власти я заклинаю вас именем Яхве, Господа Единого, вернуться назад в свое узилище. Подчиняйтесь власти Господа!

Звук его голоса хлестал демонов, как кнут. Чудовища глухо зарычали от злобы и бессилия.

Перегрин у дверей не вынес ужасного рыка и прижал ладони к ушам, весь перекосившись. Он устремил полуослепший взгляд на Адама и едва не вскрикнул, пораженный. Лицо наставника неузнаваемо изменилось. Сквозь знакомые черты проступало другое лицо, лицо древнеегипетского фараона-первосвященника в одеждах из сияющего полотна. Преображенные Скипетр и кинжал двоились образами посоха-жезла и цепа — египетских символов царственной власти. Золотая диадема на челе также имела двойные очертания — иудейского венца и одновременно двойной короны Фив и Мемфиса. Все символы сочетались в одном человеке, которого Всевышний ныне облакал абсолютной полнотой власти. Почти позабыв о страхе, Перегрин неожиданно осознал, что источником чудесного преобразования является сам Венец. Реликвия вызвала из прошлого славу, некогда присущую Адаму, и объединила ее с ныне обретенной властью. В тот момент, когда эта мысль пронзила разум Перегрин, Адам мановением Скипетра указал демонам на распахнутый ковчег.

— Подчиняйтесь! — прозвучал его приказ. — Возвращайтесь в узилище, единственное место в этом мире для вас и вам подобных!

Урча и клопоча, Гог и Магог еще пытались бороться. Они извивались, запрокидывали головы, тянули свои уродливые лапы к Адаму... Он был непреклонен. Властным жестом адепт направил указующий клинок на ковчег и шагнул вперед. Демоны сделали попытку бежать, повернувшись к суровому повелителю спинами, но в тот же миг из священных реликвий в руках Адама вырвались лучи сияющей энергии, и чудовища оказались в путах ослепительно белого огня. Завывая от боли и отчаяния, они подались в сторону ковчега, на который указывал непреклонный перст клинка.

Демоны, уменьшаясь на глазах, вопили в бессильном отчаянии, однако их судьба была решена. Синклер неумолимо приближался, его темные глаза сверкали непреклонной волей. Шипя и треща, как пламя, заливаемое водой, демоны были уже почти что жалобно. И наконец, побежденные, нырнули в ковчег, испустив последние клубы едкого дыма.

Как только они исчезли с глаз, Маклеод бросился к ковчегу, с силой захлопнул золотую крышку и обернулся к Перегрину:

— Печать сюда, быстро! — Навалившись на крышку всем своим весом, он тяжело дышал. — Скорее, дурачина! Чего ты встал как вкопанный?

Страхнув оцепенение, Перегрин метнулся к Печати, лежавшей на полу, там, где Жерар выронил ее. Молодой человек едва не поскользнулся на камнях, но смог удержаться и подхватил реликвию.

— Что теперь? — крикнул он. — Что мне с ней делать?

Адам не отвечал. Все его силы уходили на то, чтобы концентрироваться на Скипетре и удерживать неистовых демонов внутри ковчега. Кинжал, устремленный острием на золотое узилище, начал подрагивать от напряжения. Ковчег, крышку которого всем телом прижимал Маклеод, сильно вибрировал. Инспектор, борясь из последних сил, кивком головы указал на золотой оттиск Печати на крышке.

— Приложи сюда!

Возвав к небесам и вверяя себя силам Света, Перегрин прижал Печать к оттиску так сильно, что мышцы рук заныли от напряжения.

Ковчег яростно содрогнулся и задрожал, словно изнутри его распирало злобной энергией, однако Перегрин продолжал удерживать Печать, молясь так страстно, как никогда раньше ему не доводилось молиться. Маклеод, высвободив одну руку, надавил сверху. Вдвоем они вжимали Печать, в едином порыве соединяя все душевные и физические силы.

Адам шагнул вперед и властно коснулся концом Скипетра золотой крышки. Объединенная сила троих Охотников в конце концов сломила сопротивление демонов.

Печать под рукой Перегринна раскалилась до такой степени, что юноша едва терпел ее жар.

Раздался тихий металлический щелчок, и крышка ковчега стала на место так плотно, будто являла с ним одно неразделимое целое. Перегрин подержал Печать еще несколько мгновений, потом медленно отнял. Она вновь стала холодной и немой. Ковчег был неподвижен, вибрация внутри прекратилась.

— Мы это сделали, — прошептал Перегрин, едва дыша.

Вопросительно взглянув на Адама, Маклеод выпрямился и отошел в сторону.

Глава 28

Тишина нарушалась только прерывистым дыханием Маклеода и Перегринна. Из ковчега более не доносилось ни звука. Наконец Маклеод вздохнул с облегчением и провел рукой по лбу, вытирая пот.

— Кажется, она в самом деле держится, — выговорил он, хотя в его голосе не было полной уверенности.

Адам едва заметно кивнул и пошатнулся от внезапного головокружения. Теперь, когда Гог и Магог, чудовищные исчадия ада, вернулись в свою тюрьму, астральный образ египетского жреца более не проступал сквозь черты адепта. Аура власти и силы, державшая его секунды назад, уступила место безмерной усталости.

В ответ на взволнованные взгляды товарищей Синклер выдавил слабую улыбку и, молча протянув Скипетр Маклеоду, вложил кинжал в ножны. Обеими руками он снял с головы Венец, и в этот миг Анри Жерар позади него неожиданно издал долгий хриплый стон. Тело француза скрутила сильная судорога. Адам моментально обернулся и увидел, что поверженный враг скорчился, закрыв лицо ладонями, и раскачивается на полу из стороны в сторону. С его губ слетали душераздирающие стоны.

— Хотел бы я знать, сколько это может продлиться, — озабоченно пробормотал Адам, потому что теперь Жерар всхлипывал, как ребенок, и вдруг начал биться головой о камни, испуская нечленораздельные вопли. — Ноэль, помоги мне.

Венец и Скипетр теперь были у Перегринна, а двое старших безмолвно склонились над несчастным французом. Инспектор, приложив всю свою силу, с трудом удерживал быющегося и извивающегося Жерара, пока Адам, торопливо надломив головку ампулы с лекарством, наполнял шприц.

— Спокойно, месье Жерар. Теперь все будет хорошо.

С этими словами он плавно ввел иглу в кожу на сгибе локтя. Жерар, бешено вращая глазами и пуская слюну, издал еще один истошный вопль и забился так отчаянно, что держать его теперь пришлось вдвоем. Несколько секунд Жерар извивался с нечеловеческой силой и вдруг затих. Члены его обмякли, покрасневшие глаза закатились, он откинул голову и тихо застонал.

— Тяжелый случай, — заметил Маклеод, отпуская Жерара. Тем временем Адам считал его пульс, озабоченно покачивая головой. — Видывал я подобные припадки, но чтоб такой силы...

— Я тоже, — спокойно отозвался Синклер. — В ближайшее время он вряд ли поправится. И вообще, теперь ему не обойтись без серьезной врачебной помощи.

Перегрин не отрывал взгляда от лица бесчувственного Жерара.

— Это демоны с ним такое сделали?

— Конечно, его страх перед демонами тоже сыграл свою роль, — ответил Адам. — Кроме того, на его глазах они разорвали на части и сожрали беднягу сообщника, что кого угодно лишит душевного равновесия. Однако Жерар давно находился на грани нервного срыва. По моим предположениям, безумие несчастного обусловлено целым рядом причин, и не последнее место занимает его прошлая инкарнация. Хотя большинство психиатров подняли бы меня на смех за подобный диагноз. Боюсь, восстановить нарушенные связи между его душой и телом будет очень нелегко.

Глядя на бледного и едва живого Жерара, Перегрин с удивлением осознал, что испытывает к нему чувство, близкое к жалости, хотя только что этот человек, ослепленный алчностью и гордыней, едва не выпустил на волю двух могучих демонов.

— Так ты думаешь, его можно вылечить?

— Если найдется хороший специалист. Но понадобится много времени и терпения, — вздохнул Адам. — Я даже не рискну предположить — сколько.

Он расправил плечи и поднялся.

— Правда, сейчас перед нами стоит более насущная проблема. Нужно понять, что же делать с этими «сокровищами» тамплиеров. Они более не должны оставаться губительными искушениями для людей.

Перегрин с подозрением уставился на Венец и Скипетр в своих руках.

— Спрятать где-нибудь... в безопасном месте.

— Какое место, по-твоему, можно считать безопасным? — покачал головой Маклеод.

Адам согласно кивнул.

— Ноэль совершенно прав. Спрятать священные реликвии мы бы еще могли, но для ковчега никакое место нельзя считать достаточно надежным. Боюсь, нам не принять правильное решение, поэтому я хотел бы спросить совета у кого-нибудь более мудрого.

Взгляд его упал на тринадцатое, свободное кресло у стены, чья спинка была выше, чем у остальных, а подлокотники украшены богатой резьбой. Синклер бережно взял реликвии из рук художника.

— Они мне сейчас понадобятся, — мягко сказал он. Венец Адам бережно возложил на пустое сиденье, а Скипетр почтительно опустил на пол у его подножия. Потом он взял Печать.

— Думаю, мистера Жерара следует отсюда унести, — обратился Адам к инспектору.

Маклеод и Перегрин подхватили обмякшее тело Жерара и вынесли за порог, осторожно прислонив к стене. Они вернулись в тот самый миг, когда Адам возложил Печать рядом со Скипетром и, выпрямившись, обратился лицом к незанятому сиденью. Соратники адепта взяли свои мечи и почтительно преклонили колени, держа ладони на рукоятках. Скрестив руки на груди — правая поверх левой, — Адам сделал глубокий вдох и начал концентрацию. Материальные очертания круглой залы подернулись зыбкой дымкой, сквозь них проступил ее истинный, прекрасный и грозный облик. Тринадцать кресел возвышались среди бесчисленных звезд, будто стояли на небесах; бело-голубое сияние астральных созвездий перекликалось с сиянием сапфира на перстне Адама. Сапфир же разгорелся небывалым огнем. Синклер благоговейно склонился перед пустым тронem и направил к небесам безмолвную мольбу, желая увидеть того, кого знал только под именем Магистр.

Перегрин распахнул свою душу, желая быть спутником наставника в этом путешествии, и ощутил себя в могучем водовороте, увлекающем в иную реальность. Его взгляд на мгновение помутился, мириады звезд закружились перед ним, скручиваясь в спирали галактик... Внезапно полет оборвался. Перегрин по-прежнему стоял на коленях рядом с Маклеодом, однако теперь круг тринадцати тронov был осяян голубым светом, исходящим из ниоткуда и уходившим в никуда. Картина напоминала собой огромный храм, куполом которого служило звездное небо. Вместо мертвых тамплиеров на двенадцати сиденьях восседали истинные рыцари. Двенадцать, облаченные в белые плащи, сидели прямо и торжественно, сложив руки на рукоятках мечей, их глаза сияли чистым светом, а может быть, просто отражали сияние того, на что они смотрели. А смотрели они на тринадцатый высокий трон, перед которым ныне стоял Адам, одетый в сутану глубокой сапфировой синевы. Чистейший белый свет исходил от высокой фигуры на троне. Облаченный в длинные белые одежды, человек был величав и белобород. Венец Мудрости Соломона возлежал у него на коленях, а Скипетр и Печать — у ног. В литургическом облачении явил себя Великий Магистр Тамплиеров. Хотя Перегрин и ожидал узреть нечто величественное, благоговение и восторг переполнили его, а в голове пронеслась шальная мысль об этюднике. Впрочем, в тот же момент художник понял, что не может даже двинуться от почтения, тем более рисовать.

Адам склонился в знак приветствия и поднял взгляд на Магистра. Его сапфировая сутана обратилась в белую котту тамплиера и плащ — такой же, как у остальных рыцарей.

— Приветствую тебя, Магистр Охоты, — словно из охотничьего рога прозвучали слова Магистра. — Добро пожаловать тебе и твоим Охотникам. Вы славно сражались в эту ночь. Что ты ищешь здесь? Тебе нужна помощь?

— Я ищу совета, Магистр, — отвечал Адам. — Мы смогли вернуть демонов Гога и Магога в узилище, им предназначено, но я хотел бы, чтобы они навсегда покинули лик земли, и чтобы священные реликвии более не служили бы искушением и тяжелой ношей никому из живущих.

Магистр кивнул, и улыбка одобрения осветила его величественные черты.

— Ты по собственной воле желаешь того, о чем тебя собирались просить. Это знание будет даровано тебе свободно. Поэтому можешь обратиться с еще одной просьбой.

Адам благодарно опустил голову.

— Благодарю тебя. Я лекарь и желал бы знать, что можно сделать для исцеления Анри Жерара и для спасения души человека, пожранного демонами. Я верую и надеюсь, что ни один человек не может по-настоящему служить Тьме. На это идут лишь юные души, ослепленные и обманутые собственной алчностью.

— Ты достаточно красноречиво просишь за своих обделенных мудростью меньших братьев, — отвечал Магистр, — и я вижу, что причина твоей просьбы — милосердие. Подойди ближе и преклони колено.

Адам подчинился. Магистр поднял с колен Венец Соломона и встал. Вслед за ним поднялись двенадцать рыцарей и отсалютовали мечами, когда руки Магистра начали опускаться. Адам закрыл глаза, ощущая себя сосудом, который должны вот-вот наполнить. И едва Венец лег на его чело, неиссякаемый источник мудрости напитал душу Синклера до глубины, окатив все его существо сияющей волной. Так жаждущий в пустыне погружает ладони и лицо в прозрачный ручей, принимая в себя благодать избавления.

Перегрин смотрел, не отрываясь, на то, как его коленопреклоненный наставник слегка пошатнулся, обхватывая себя за плечи, потом подался вперед. Пальцы его сомкнулись на Печати и Скипетре, он встал на ноги и стоял прямо, подняв увенчанную голову. Его руки медленно протянули священные реликвии. В ответ на этот жест вспыхнул ослепительно белый свет, в котором на миг исчезло все сущее. Стремительный водоворот опять подхватил художника, и вокруг завертелись спирали галактик.

Когда он вновь сумел открыть глаза, то обнаружил, что стоит на коленях на пороге круглой подземной залы, а Магистр и его белые рыцари исчезли. Рядом с облегчением вздохнул Маклеод и слегка потряс головой, чтобы прояснить мысли. Потом Перегрин взглянул туда, где лицом к пустому трону стоял Адам, коронованный Венцом Соломона, с Печатью и Скипетром в протянутых руках. Его руки медленно опустились, и он повернулся к товарищам. В темных глазах Синклера была твердая уверенность в том, что предстояло сделать.

— Позаботьтесь о нашем несчастном друге, — тихо сказал он, чуть улыбаясь. — Отнесите его в машину. Остальное я сделаю сам. Нужно спешить — равновесие, установленное с таким трудом, слишком хрупко.

Маклеод прислонил свой меч к стене, рядом с мечом Перегрина, и вышел в коридор, к бесчувственному Жерару. На помощь ему подоспел молодой художник; они вдвоем подхватили больного и повлекли его к выходу. Как только они удалились, Адам спрятал Печать в карман и вынул наружу тот маленький пузырек соли, который так помог ему в Росслине. Отвинтив крышку, он посыпал солью кровавое пятно и обломки костей — все то, что оставили демоны от несчастного вора.

— Будь свободен, неразумный сын Божий, ступай и избавься от оков зла, теперь тебя ничто не держит в этом месте. С покаянием в сердце предстань пред Лицом Того, чья неиссякаемая любовь и милость смывает все грехи человеческие. Аминь. Селах. Да будет так.

Убрав в карман опустевший пузырек, Адам легко прикоснулся Скипетром к костям убитого и к его крови, начертав поверх них сначала крест, потом — круг. Завершив обряд, он повернулся к ковчегу и сосредоточился. Сняв Венец, Синклер положил его на золотую крышку и направился к выходу, светя перед собой фонариком Маклеода.

Снаружи потрясающе пахло влажной землей, травой и дождем. Морось все еще сыпала с неба, и вершина холма была скользкой от влаги. Глубоко вдыхая холодный воздух, Адам пошел к белой арке, держа Скипетр в правой руке. Наклонившись, расчистил небольшой участок древнего камня, повернулся лицом к зияющей черноте пещерного входа, достал из кармана Печать и бережно положил ее в середину расчищенного пространства. Еще крепче сжимая Скипетр, адепт вспомнил до малейших подробностей полученное от Магистра знание и коснулся золотым жезлом левой стороны арки.

— Сущность земная, имя твое Боаз, — прошептал он, направляя силу своей воли и разума через реликвию, зажатую в руке. — Ты — символ священной тьмы, которая есть ночь души, слепо ищущей своего Творца.

Порыв свежего ветра взметнул траву позади него, окропив плечи дождем, пахнущим ночной росой и свежей травой. Переведя дыхание, Синклер коснулся Скипетром камня арки справа от себя.

— Сущность земная, имя твое Йахин. Ты — символ священного света, который есть просветление разума и совершенство сердца.

И наконец, воздев Скипетр так, чтобы прикоснуться к центру арки, он возвысил голос:

— Свет и тьма суть два столпа Творения, которое пребудет вечно, как вечны имена Того, Кто установил этот Закон: Йод-Хэ-Вов-Хэ, Адонаи, Элохим, Шаддаи эль-Шаи, Яхве Саваоф, Элохим Саваоф, Шекинах...

Эти священные имена, казалось, отзывались в ночных небесах, продолжая вибрировать и после того, как Адам произнес последнее из них. В наступившей тишине он опустил Скипетр и склонил голову в немом благоговении перед Тем, Кого только что призывал. В безмолвной молитве прося прощения за все, что вольно и невольно делал неправильно, Синклер с силой метнул Скипетр сквозь арку, между Столпов, в темную пасть разверстой пещеры. Золотой молнией пронзив дождливый сумрак, древний жезл упал в черную дыру и исчез в ней. Какое-то время слышалось, как он, падая, стучит по ступенькам. Последний звук пришел уже из недр земли — и вслед за ним поднялся глубинный подземный грохот, вначале глуховатый, но исполненный страшной силы.

Вспышка голубоватого света полыхнула Адаму в лицо, вслед за ней раздался гром обвала, должно быть, напомнивший спящему селению грохот Первой мировой войны. Земля содрогнулась, страшные подземные толчки бросили Синклера на колени, и он покатился по мокрой траве, зажмурившись, чтобы не видеть ослепительных вспышек. Земля продолжала дрожать, словно раздираемая изнутри борьбой могучих сил.

Наконец толчки стали слабее. Синклер поднялся на четвереньки, нашарил в траве фонарик, включил его и встал в полный рост. Он направил луч света в проем арки, желая видеть, что случилось с зияющей в земле пещерой.

От нее не осталось и следа, Скипетр с Печатью исчезли тоже. Земля сомкнулась, навеки схоронив в себе священные реликвии.

Стояла полная тишина. Через пару минут вдалеке раздался собачий лай и отрывистые людские крики. Замелькали огни. Деревня Тампль ожила и всполошилась, кто-то уже бежал к полю, окна озарил свет, жалобно мычали разбуженные коровы.

Синклер погасил фонарь и, слегка пошатываясь, пошел прочь. Навстречу ему почти сразу метнулись две темные фигуры, от которых он инстинктивно отшатнулся.

— Адам? — позвал из мглы взволнованный голос Маклеода. — Это ты? Ты в порядке?

— Мы слышали звук взрыва, — добавил Перегрин. — Как будто началось землетрясение...

— Так закрылся проход под землю, — сказал Адам с огромным облегчением. — Надеюсь, местные жители решат, что это гром.

— Но что будет, если однажды здесь устроят раскопки? — Перегрин махнул рукой в сторону холма.

— Они не обнаружат ничего — только старую каменную кладку, — уверенно ответил Адам. — Высшие силы решили упокоить сокровища тамплиеров в ином месте, вне нашей физической реальности.

Серый «пассат» Кохрейна поджидал их у края поля. При виде возвращающихся Охотников Дональд включил двигатель и посветил фарами.

— Как хорошо, что есть Дональд, — пробормотал Адам, усмехаясь. — Иначе нам бы никогда не улигнуть от расспросов.

Глава 29

— А что будем делать с Жераром? — спросил Перегрин, когда Дональд Кохрейн уже гнал машину прочь от деревни Тамплъ, с каждой милей приближаясь к родному Эдинбургу. — Может, сдать его йоркской полиции?

Адам взглянул на француза, без чувств лежащего между ним и Перегрином на заднем сиденье.

— Думаешь?

Перегрин нахмурился.

— Наверное, это было бы справедливо, но, честно говоря, я не вижу смысла.

— Почему?

— Во-первых, его состояние настолько плачевно, что вряд ли он сможет предстать перед судом, — ответил Перегрин. — А во-вторых, обстоятельства его преступления настолько необычны, что вряд ли мы сумеем что-то объяснить полиции.

— Почему же необычны? Он замешан в краже Печати и в убийстве Натана Финнса, — заметил Адам.

— Если мы расскажем об этом в подробностях, нас засадят в ту же закрытую лечебницу, что и Жерара, — фыркнул Перегрин.

— Без всяких сомнений, — согласился Маклеод. — Насколько я понимаю, ты отказываешься от идеи отправить Жерара в тюрьму?

— Сообщник француза мертв, и вряд ли мы когда-нибудь узнаем, кто это был. А для Жерара нельзя найти худшего наказания, чем то, что его уже постигло. Как это глупо — сойти с ума от страха!

— Законы Кармы суровы, — отозвался Адам. — Мироздание само так распорядилось.

— Так что же ты в конце концов собираешься делать? — не отставал Перегрин.

Адам молча смотрел на синий сапфир в своем кольце. Потом поднял голову.

— Родственники Натана Финнса имеют право на информацию. Нужно сказать им, что убийцы более нет в живых и они могут быть спокойны. Я, пожалуй, возьму этот разговор на себя. А что до Жерара...

Взгляд Синклера снова остановился на мертвенно-бледном лице француза.

— Он сейчас даже имени своего не помнит. И нас не узнает, если увидит. Думаю, Жерар полностью потерял память, в том числе и о случившемся этой ночью. Его душа сейчас — чистый лист. Однажды, очнувшись, он может начать новую жизнь. Самое верное решение, на мой взгляд, это поместить его в тихую лечебницу и найти ему хорошего врача.

— Но кто сможет его вылечить? — Перегрин в недоумении помотал головой. — Чтобы помочь Жерару, надо хотя бы примерно знать, что с ним произошло, а есть ли доктор, способный понять... — Он запнулся и посмотрел на Адама, по губам которого бродила задумчивая полуулыбка. — Ты собираешься лечить его сам?

— Лечение потребует времени и терпения. Как я уже говорил, болезнь Жерара

коренится в его прежнем воплощении. Но я не сказал вам той ночью в Файви, что именно мне стало известно о его прошлой инкарнации. Жерар согрешил перед Орденом Храма. В прошлой жизни он был главным преследователем тамплиеров. Его имя в том воплощении — Гийом де Ногар.

— Я читал о нем, — отозвался вдруг Кохрейн, доселе не проронивший ни слова. — Его имя упоминалось в связи с историей масонства. Это он подговорил Филиппа Красивого упразднить Орден Храма.

— Именно, — мрачно кивнул Адам. — Гийом де Ногар был канцлером короля Франции. Король Филипп преследовал тамплиеров не только из желания завладеть их богатством, но еще и из мести — некогда они не приняли его в Орден. А де Ногар оболгал тамплиеров, обвинив их в ереси, чтобы удовлетворить свою алчность. Он обвинял их, в частности, в том, что они предавались идолопоклонству, почитая некую голову как своего божка.

Маклеод поднял брови.

— Ты хочешь сказать, что в этом обвинении был намек? Ведь часть тайн Ордена связана с Венцом Соломона...

— Теперь уже трудно судить определенно. — Адам пожал плечами. — Мне неизвестно, какими знаниями о сокровищах обладал де Ногар. Единственное, в чем я могу быть уверен, так это в том, что тамплиеры с помощью Венца сдерживали злые силы. Если их почтение к реликвии простецы могли воспринимать как поклонение, то логическая цепочка выстраивается очень легко. Ассоциация Венца с головой очевидна. Понятно, как враги Ордена могли исказить правду и использовать ее против тамплиеров.

— Объяснение подходящее, — кивнул Маклеод. — Главы Ордена могли бы оправдаться, раскрыв инквизиции истинное положение дел. Но расскажи тамплиеры правду о сокровище, негодяи вроде де Ногара попытались бы использовать силу Венца в корыстных целях. И если бы они добрались до ковчега...

— Поэтому тамплиеры сохранили тайну, не выдав ее даже под пыткой, — закончил Перегрин со вздохом. — И гибель их была ненапрасной. Мы смогли завершить миссию рыцарей Храма. Может быть, придет день, и Жерар поймет, как жестоко он ошибался. Я надеюсь, что у него хватит мужества и сил начать жизнь с чистого листа.

— Я тоже, — коротко отозвался Адам. — А пока, джентльмены, хочу поздравить вас с успешным завершением операции. Этой ночью мы славно потрудились.

Устало улыбаясь, он приподнял висевший у него на груди крест виконта Данди, с глубоким почтением прикоснувшись губами к алой эмали. Потом взглянул на кольцо с прядью волос, таинственно мерцавшее в зеленоватом свете автомобильной панели.

— Я собираюсь написать статью о Джоне Грэхэме Клаверхаусе. Жаль, что не получится рассказать историю во всех подробностях, тем не менее имя виконта останется в памяти шотландцев. Ведь народ должен знать своих героев.

— Похоже, рассказать подлинную историю наших приключений не получится, — сухо заметил Маклеод. — Но ведь не ради же этого мы боролись, не так ли? Честно говоря, на этой радостной ноте я закрыл бы книгу наших странствий и убрал ее подальше. Чем меньше будет разговоров, тем лучше. Больше всего я ненавижу давать объяснения широкой публике, жадной до сплетен. К счастью, мы почти не оставили следов, пожалуй, кроме погрома в Росслине.

— Твоя правда, — согласился Перегрин. — А все-таки немного жаль, что у нас не осталось никакого материального подтверждения всего, что было. В напоминание о былом мы увозим лишь повредившегося рассудком месье Жерара, да и тот скоро попадет в твои надежные руки, Адам.

Маклеод внезапно смущенно хмыкнул.

— Ошибаешься, парень, — пробормотал он. Перегрин и Адам, не сговариваясь, уставились на товарища. Инспектор, продолжая усмехаться, извлек из-под сиденья два длинных меча с богато инкрустированными рукоятками.

— Вот, решил захватить их с собой...

Видя, что его выходка поразила даже вечно невозмутимого Синклера, суровый инспектор развеселился, как мальчишка.

— Помнишь, пока ты старался устроить Жерара в машине поудобнее, я на минутку отлучился? Это я за мечами пошел. Мне подумалось, что нужно вернуть оружие рыцарям Росслина. Но теперь кажется, что лучше оставить мечи себе, на память. Слишком трудно будет объяснить росслинским властям, откуда мы их взяли.

Адам в напускном отчаянии возвел глаза к небу.

— Бог мой, с кем я связался? Инспектор, вы не боитесь предстать перед судом по обвинению в вандализме и ограблении могил?

Маклеод рассмеялся.

— Не боюсь. Вряд ли братья тамплиеры обидятся, если оружие мы оставим себе. Мы немало потрудились ради завершения миссии Ордена, а ты, Адам, и вовсе некогда был его членом. Полагаю, в Темплеморе этим клинкам будет хорошо. И кстати, они придадут вашему свадебному эскорту, мистер Ловэт, весьма экстравагантный вид! А если вы вежливо попросите сэра Синклера, возможно, он даже согласится провести свадебную церемонию в главном зале Темплемора.

Историческая справка

Все, что касается преследования и уничтожения Ордена Иерусалимского Храма, является историческим фактом. Исключение — ковчег и три святые реликвии, охранявшие его. Сюжетный ход подсказала ассоциативная связь одного из выдвинутых против тамплиеров обвинения в поклонении голове с Венцом Соломона.

Линия Бонни Данди вполне достоверна, опять же, кроме истории с Венцом. Известно, что нательный крест, который был на нем в момент смерти в Килликранки, исчез из поля зрения историков после того, как Дэвид Грэхэм передал его французскому теологу и историку Дому Кальме. Крест вполне мог вернуться во владение младших Грэхэмов, а также послужить выкупом принца Чарльза Эдварда Стюарта в 1745 году.

Кольцо, где хранилась прядь волос Данди, действительно существовало, но его дальнейшая судьба неизвестна. Джеймс Сетон, четвертый граф Данфермлинский, скорее всего потому и срезал эту прядь, что был одним из самых преданных офицеров и близким другом виконта Данди. Известно, что Джеймс присутствовал на его похоронах. В это время он был владельцем замка Файви, происходя из рода Сетонов, среди которых встречаются рыцари-госпитальеры (вполне возможно, что они были тайными тамплиерами — после того как Орден упразднили.)

Имена двух дочерей Сетона неизвестны, так же как сведения из их жизни. Предположительно, им было около двадцати лет во время смерти Данди. Жену Сетона звали Джин, и такое же имя носила еще одна из женщин его рода. Имя Гризель также появляется дважды в ранней генеалогии Сетонов. Джеймс Сетон умер в изгнании в 1674 году, титул графа Данфермлинского после него никто не носил.

Все цитаты подлинные.

К. К.

Брай, графство Веклоу, Ирландия.